

ГРЕЙС АГИЛЯР

КЕДРОВАЯ ДОЛИНА

Перевод с английского: Дан Берг

Предисловие переводчика

Английская писательница Грейс Агиляр (1816 – 1847) родилась в Лондоне в состоятельной еврейской семье. Предки ее родителей бежали в Англию из Португалии, спасаясь от инквизиции. Религиозные отец и мать воспитывали в дочери преданность своему народу и его вере. При этом жизнь семьи не была национально замкнутой. Воздух христианства и дух иудаизма смешивались в сердце будущей писательницы, и свойства этого состава отразились в ее творчестве.

Девочка получила прекрасное домашнее образование и очень рано обнаружила литературные способности. К несчастью, Грейс Агиляр с детства и до конца своей короткой жизни отличалась чрезвычайно слабым здоровьем. Ее врачевали оптимизм и вера в Бога. Согласно легенде, незадолго до кончины она произнесла: “Пусть Он убивает меня, но я буду верить в Него.”

Беллетристические произведения Грейс Агиляр – проза, стихи, драмы – посвящены главным образом еврейским темам. Ее перу принадлежат исследования по проблемам истории и религии. Книги писательницы издаются и читаются по сей день, существуют аудио записи в интернете.

Роман “Кедровая долина” был и остается наиболее популярным произведением автора. Действие развивается в Испании в XV веке накануне принятия эдикта об изгнании евреев. Это рассказ о том, как демон религиозного фанатизма обращает в трагедию светлую любовь еврейской девушки и христианского рыцаря. Литературная критика упоминает рядом “Кедровую долину” и “Айвенго” Вальтера Скотта. Возможно, читателю покажется небезынтересным сравнение персонажей этих романов – Мари и Ревекки.

Мог ли иудей сохранить преданность вере отцов в стране нетерпимого к инакомыслию средневекового католичества? На примере развития образа Мари писательница вынесла на суд читателя два пути. Первый – быть открытым католиком и тайным иудеем. Второй – не принимать христианство даже ценой собственной жизни. Автором приведены доводы в пользу как прагматичности, так и героизма. Роман актуален, ибо наше время озабочено единением толерантности и национальной самобытности.

Нетривиален образ королевы Изабеллы. Отдав должное ее общепризнанной роли в развитии Испании и Европы, писательница сделала акцент на душевных свойствах личности государыни – милосердии, любви к ближнему, благочестии.

Роман переводился на немецкий язык и на иврит. Переводов на русский язык прежде не было. В России XIX века “Кедровая долина” стала одной из любимых книг просвещенной еврейской молодежи. Эта вещь – хвалебная песнь преданности вере и гимн любви к человеку. Нелишне отметить, что искусно выстроенный напряженный сюжет увлекает читателя и придает роману достоинства приключенческого жанра. Переводчик выражает надежду на благосклонное отношение современного читателя к произведению подлинной романтики.

Дан Берг

КЕДРОВАЯ ДОЛИНА

“У горлиц есть гнезда, лисицу нора приютила,
У всех есть отчизна, тебе же приют – лишь могила...”

(Джордж Байрон, “Еврейские мелодии”, перевод Д. Михайловского)

Глава 1

“Они повстречались для расставанья,
Время их снова свело.
Где эликсир для сердец врачеванья?
Разлуку нести тяжело.”

(Из рукописей Г. А.)

Центральная Испания. Робкая прохлада тихого вечера сменила жар летнего дня. Дикую красоту горного перевала ласкали последние закатные лучи. Непривычная к частой ноге путника, тропа продиралась сквозь коридор тревожно-черных скал по одну свою сторону, и темнеющей в подступающих сумерках зелени огромных деревьев – по другую. Стезя то сужалась, то позволяя сомкнуться над нею высоким кустам, то расширялась, уступая дорогу шумным ручьям, несущим мелкие камни и острые сучья. Сосны, дубы, пробковые деревья – вся пышная растительность сей таинственной земли дерзко утверждает чудо изощренной природы. Здесь, в безлюдных местах, вершины вздымаются ночью до звезд, а днем подпирают лазурь небес.

Горная цепь пересекает страну и ведет к самому сердцу Сьерра Толедо. По глухой этой тропе пробирается одинокая фигура. Человек молод, ловок, отлично сложен. Движения его легки и грациозны. На макушке восседает широкополая шляпа. Цвет лица нежен и свеж. Густые каштановые волосы собраны в пучок. Красота лица, пожалуй, несовершенна, но ясные голубые глаза светятся умом, а открытые черты честного лица выдают достоинство и благородные порывы горячего сердца. Внимательный опытный взгляд не признал бы в нем сына Испании.

Его имя – Артур Стенли. Он англичанин, отпрыск благородного семейства. Война Роз вынудила молодого человека к добровольному изгнанию. Его отец и четыре брата пали в бою на стороне королевы Маргарет. Когда Артуру минуло пятнадцать лет, он и его брат-близнец были заточены в тюрьму в Тьюксбери и томились в неволе три года.

Король Эдуард желал умиротворить все еще сильное семейство Стенли. Он предложил юношам свободу и подобающий их рангу почет в обмен на клятву верности. Молодые Артур и Эдвин гордо отказались. Уязвленный Эдуард с жестокостью достойной самого Ричарда Глостера приговорил одного из братьев к смерти на плахе, а другого к вечному заточению в тюрьме. Прибавляя к беспощадности злодейство, король предоставил близнецам сделать страшный выбор самим. Жребий привел Эдвина на эшафот, а Артура оставил в темнице.

Артуру удалось бежать из тюрьмы, а затем и из Англии. Он поспешил в Испанию ко двору Фердинанда, короля Арагона. Рекомендательные письма помогли юному Стенли снискать доверие короля, и вскоре он принял участие в одной из важных для Испании войн.

Высокомерный и неприступный характер испанцев предубеждал их против уроженцев иных земель. Но великодушные и благородство искупали надменную гордость. И очень скоро молодой и одинокий иностранец был с любовью и почетом принят среди высшего рыцарства Испании. В людях более низкого нрава недоверие к англичанину осталось, но Артура это не заботило.

Преисполненный благодарности и юношеского задора, он рьяно служил новому своему монарху, а в душе не забыл, и любил, и мог бы простить хмурую родину.

Пять лет Артур Стенли верно сражается в армии короля Арагона. Марши, учения, бои. Ему двадцать четыре года. Но всякий взглянувший на молодое, свежее, задорное лицо не дал бы юноше этих лет.

Нередки перерывы в ратном труде. В такие дни и недели смятение и печаль полонят сердце юного англичанина, и непонятно взволнованы бывают пылкие чувства, и торопливые мысли ищут объяснение тайны. Он бродит миля за милей, и дорога в радость сильному телу, и душа смутно надеется найти ответ на незагаданную загадку.

Раз, отдавшись смутному беспокойству духа, Стенли вступил на безлюдную тропу в Сьерра Толедо. Он шел и шел, не зная куда. Вот выросла перед ним крутая скала. Горы тянулись к небесам, кроны деревьев гасили закатные лучи, тропа запутана, и не найти пути обратно по своим следам. Как он попал сюда? Иного нет – лишь продираться вперед в надежде выйти на простор.

Артур снял плащ, скатал его, перекинул через плечо. Укрепил за спиной меч. Мощным прыжком отвоевал несколько шагов по скользким камням, начал восхождение. Он хватался руками за ветви кустов и деревьев, уступы скалы служили опорой для ног. Стенли удержался от соблазна оглянуться. Неверный шаг, секундный испуг – и он неминуемо сорвался бы навстречу смерти. Опасность горячила кровь. Велик азарт того, кто душевный покой утратил. Артур стремился только вверх, крупицу страха запрятав на дне души.

Тяжело дыша, запыхавшись, Стенли добрался до вершины. Теперь пред ним зияла пропасть. Природа расколола скалу надвое и приготовила ему последнее испытание. Он стоял на пяточке, и не было места для разбега, чтобы прыжком одолеть черный зев. Неимение альтернативы призвало на помощь решимость. Невероятным усилием Артур совершил прыжок. Он не сорвался и остался цел. Изможденный телом и духом, опустился на траву.

Открывшийся взору смельчака чудесный пейзаж вернул ему силы и любопытство. Стенли встал на ноги, отдаляя горизонт. Пологий склон зеленел луговой травой. Дальше в угасающем свете дня виднелось колосющееся поле. По сторонам его росли апельсиновые и лимонные деревья, сосны, орешник, пальмы. Стройные кедры были лучшим украшением пейзажа. “Кедровая долина!” – подумал Стенли. Изобилие оттенков, тонкие ароматы в воздухе, неслучайное чередование пород – все выдавало рукотворное происхождение зеленого рая в горной долине, все говорило о вкусе его устроителей и любви их к своему детищу.

Сквозь стволы и нижние ветви виднелось жилище. Струи естественного фонтана поднимались вверх, падали и разбивались о цветы на пестревшей красками клумбе. Двинувшись навстречу таинственной обители, Артур вспугнул прирученных овец и коз, дополнявших домовитостью безмятежный пейзаж.

Стенли приблизился к дому и не встретил ни одной живой души. Движимый неутомимым своим нравом, он твердо решил продолжить обследование сухопутного необитаемого острова. По узкой и ухоженной тропке он очень скоро подошел к странному зданию. Квадратное сооружение было выстроено из толстых кедровых бревен и не украшено резьбой. Стенли подумал, что здание это не может служить лесной часовней, коли оно не имеет ни башни, ни колокола.

Артур прислушался. Из-за деревянных стен доносился поющий женский голос. То были звуки гимна или молитвы. Их небесный строй врвался в его сердце горячей мольбой, волнующей

надеждой, нарастающим восторгом. Стенли отчетливо разбирал слова, не понимая их. Что это за язык? Взволнованный, он стоял в почтительном молчании, ожидая развязки.

Пение смолкло. Бесшумно открылась незаметная дверь, и перед рыцарем возникла женская фигура.

Глава 2

“Прощанье! Нет в слове этом сладких грез.
Надежд убитых, бесполезных слез
Его надежно обещаенье.
То счастья дар нам на прощанье!”

(Миссис Хеманс)

Итак, пред очи Стенли предстала девушка. Попытаемся нарисовать ее словесный портрет. Благородные пропорции фигуры, совершенство черт лица, утонченный блеск волос. Одного быстрого взгляда довольно, чтоб узреть очевидные эти достоинства. Но приметливый взор сумеет оценить необычайное очарование лица – единение честности, святости и простоты. Несомненно, женская природа расщедрилась, создавая это юное совершенство.

Наряд девушки состоял из широкой и длинной темно-голубой юбки и светлого жакета. Рукава плотно обтягивали плечи и широко спадали вниз. При каждом движении мелькали контуры изящных рук. Брошь схватывала жакет сверху. Воротник был оторочен серебристой бахромой. Разделенные на голове строгими пробором, чудесные кудри спадали на плечи. Весь облик ее вкупе с убором заявлял о целомудрии и чистоте.

Завороженный, Артур Стенли глядел на девушку и едва дышал. Она не заметила его, повернулась и пошла по тропе. Сердце рыцаря вмиг соединило прошлое с настоящим, сплавило мечту с явью.

“Мари!” – вскричал юноша и кинулся ей неперерез. Неожиданность была столь велика, что девушка покачнулась и удержалась на ногах лишь благодаря подоспевшей твердой руке. Она хотела высвободиться, воскликнула что-то невнятное, и в голосе ее слились ужас и радость. Выдержка покинула ее, и слезы остановили уста.

Началась неистово удивительная эта встреча, но отчего нет праздника на лицах? Стенли вспоминал о счастливом томлении навысказанной любви. Оба чувствовали тогда, что созданы друг для друга, но не срывались слова признания с губ. Сейчас подступили воспоминания о мимолетных блаженных часах. Мари плакала. Казалось, лучшими своими красками страдание рисовало смятенные картины прошлого пред мысленным взором ее.

Стенли напомнил Мари, как однажды решился разорвать невзятый ими обет молчания, и признался в любви. Она, любя и страдая, сказала, что никогда не сможет составить его счастье, и даже любить его есть великий грех для нее, и уступка чувству опустошит обоих. Он тщетно умолял Мари объяснить тайну этих слов.

В тот год Артур был срочно вызван в свой военный лагерь, и они расстались, не объяснившись. Когда вернулся, он не застал Мари. “Она в родительском доме” – сказал друг ее отца дон Альберто, у которого Мари гостила. Стенли пытался выведать у него, где живет ее отец – он хотел явиться к нему и просить руки Мари. Но дон Альберто ловко уклонился от ответа. Мари исчезла, остались тайна и любовь. И вот он нашел ее, и что же – вновь расстаться?

Почему, почему она не хочет, чтоб он просил благословения у ее отца? Речь его была красноречива и горяча. Но Мари без колебаний повторяла свой необъясненный отказ и молила покинуть и забыть ее. Она сказала, что если откроется существование кедровой долины и убежища в ней, то жизни ее и ее отца окажутся в опасности. Страх Мари был столь откровенен, что Артур честью поклялся хранить секрет.

И все же почему их жребий – расставанье? Мари обручена с кем-то другим? Тяжелая и мучительная эта мысль заставила вздрогнуть его. “Нет, Артур, нет, - прозвучал торопливый ответ, - я никогда не полюблю никого, кроме тебя. Мое сердце отдано тебе, и потому руку мою я не отдам никому, и испытание это мне назначено судьбой нести до смерти!”

“Ответь, прекрасная Мари, почему чистую свою любовь ко мне ты называешь жестоким словом “грех” и гонишь меня, лишая надежды?”

“О, Артур! Отцовское проклятие слишком грозная сила. Не испытывай меня более. Я слаба, и нежные твои слова убавляют от твердости в повиновении долгу. О, зачем ты полюбил меня, зачем зажег мою любовь?”

Очевидное страдание в голосе Мари не унимало настойчивости Артура. Вновь и вновь он просил открыть тайну отказа: ведь знай он подноготную, и все бы силы положил на спасение любви! Молчание было ему ответом. Он взглянул в ее лицо – она бледна, как мел, в глазах застыли слезы.

“Ты слишком хорош, слишком благороден, - заговорила, наконец, Мари, - чтоб я решилась причинить тебе горе, назвав неприглядную причину. Не страх смыкает мне уста, но слабость. Узнаешь правду – и с презреньем отворишься от меня, и мне не вынести такой муки!”

“Презрение, отвращение! Мари, ты бредишь! – нетерпеливо воскликнул Стенли, - не терзай меня столь страшными словами – они нам чужды!”

И Мари решилась. Бледная, сухими от волнения губами, но твердым голосом она произнесла то сокровенное, что разлучит их навек. В испуге Стенли выпустил ее руки из своих. Он глядел на нее изумленно, и вот, презрение и отвращение произвольно исказили лик его, но не погасили искру любви в глазах.

“Теперь вы знаете все, сеньор Стенли, - сказала Мари, и руки ее сложены на груди, и на лице написаны скорбь и покорность судьбе, - мне больше не надо умять вас покинуть меня. Ваше лицо вполне красноречиво. Сожалею, что слишком долго химера казалась мечтой. Всякий раз, вспомнив, кто я есть, вы испытаете облегчение – слава Создателю, все позади!”

“Никогда, никогда! – горячо вскричал Стенли, - о, возлюбленная! Я зову тебя в мою страну. Там никто не знает тебя. Голоса крови и веры не слышны в буре вечной любви! Король Эдуард примет с миром меня, если вернусь я в Англию. Я готов жить под его властью, только будь моей!”

“А мой отец? – задыхаясь вымолвила Мари, покоренная благородством и пылкостью его чувства, но непреклонная по-прежнему, - ты защитишь его, ты согласишься стать ему сыном?” Артур отвернулся, из горла его вырвался стон. “Нет, эта пропасть слишком широка. Более не приводи резонов и не испытай слабое сердце мое. Я боготворю твою высокую любовь, но не посмею стать твоей невестой!”

“И ты говоришь мне о своей любви? Ложь! – вспыхнул Стенли и в горячке разочарования и гнева не удержал упреков, - ради тебя я решился оставить великодушную Испанию и вернуться под пяту тирана, я почти провозгласил убеждения людей предубеждениями их, я не погнушался соединением благородной крови моей с мутным током в твоих жилах, я приготовился забыть твоё происхождение! Все ради обретения твоей любви! В ответ ты гонишь, требуешь покинуть и забыть! Нет, ты не любишь меня, ты, верно, любишь другого!”

“Твои речи отрезвили меня, - продолжила бестрепетно Мари, - слушать попреки в несчастье тяжелее самого несчастья. Я упивалась своею страстью и своим страданием и позабыла нечто великое. Это долг, и это любовь, которая сильнее любви к тебе. Всего превыше вера отцов!”

Воцарилось недолгое молчание. В волнении Стенли шагал взад и вперед, пытаясь уговорить бунтующее сердце. Удар был слишком неожидан. Год минул, как Артур был призван в войско, и Мари поспешно покинула гостеприимный дом дон Альберто. Она молила судьбу никогда впредь не сводить их вместе и погасить огонь взаимной любви. Ей казалось, что если и случится встреча, решимость легко возобладает над гонимым чувством. Но, вновь увидав любимый облик, поняла, как ошибалась.

“Я послушаю твоего слова, Мари, - сказал, наконец, Артур, - я оставлю тебя сейчас, но не навсегда. Нет, не навсегда! Если есть в сердце твоём истинная любовь ко мне, время не одолеет её. Природа любви крепче уз веры. Естество найдет слабое звено и разорвет цепь раньше или позже. И тогда ты останешься в целом мире одна, и мои распростертые объятия станут тебе прибежищем, и я не займусь о твоём Боге.”

“О, Артур! К чему фантазии? Не отворачивайся от своего племени. Лучше возненавидь меня, как весь твой народ ненавидит мой! – воскликнула Мари и не сдержала слез, - мне невыносимо сладкозвучие слов твоих. Вновь молю – не испытай мою слабость! Покинь меня навсегда!”

Мари показала Артуру легкий путь, которым можно покинуть долину. Она открыла перед ним неприметную калитку. “Надеюсь, ты не выдашь никому эту тайную тропу?” – спросила Мари. “Никогда!” – с готовностью воскликнул Артур.

Он хотел услышать от нее еще одно признание в любви, заверение, что никто не станет между ними. Но Мари молча провожала его, наконец спросила: “Ты веришь мне, Артур?” Он не медлил с ответом: “Да, до самой смерти!”

Стенли спускался, не оглядываясь. Луна и звезды помогали ему не сбиться с пути.

Глава 3

“Сейчас история откроет нам свои анналы,
Трофеями времен обильные.”

(Парафраза из Томаса Грея)

Исторический фон событий нашей повести – это последняя четверть 15-го века. Однако, заглянем вглубь более раннего периода. Испания поделена на несколько мелких феодальных княжеств, включенных в два больших королевства – Арагон и Кастилья.

В обоих королевствах правили, разумеется, монархи, однако в Арагоне сила короля сдерживалась республиканскими установлениями, которые смягчали даже самые неудачные

решения коронованных особ. В Кастилье, где не было противовеса королевской деспотии и междоусобице князей, поток анархии и всевозможных бедствий был шире и бурливей.

Не один дом в Кастилье – ни простых, ни благородных граждан – не был обойден несчастьями. Вражда меж своими жестока вдвойне. Законы не соблюдались, торжествовали произвол и разбой, чинимые сильными мира сего. Но все же не перевелись благородные сердца в королевстве, и в пределах его жила надежда на перемены.

Наследницей короны Кастильи и города Леона была провозглашена инфанта Изабелла. Неудивительно, что руки ее стали домогаться высшие сюзерены. Выбор Изабеллы пал на Фердинанда, наследника престола Арагона и короля Сицилии.

Деятельное участие в судьбе Фердинанда и Изабеллы принял архиепископ Толедо. Им руководили политические и патриотические резоны. Он предвидел в союзе прежде недружественных тронов залог добрых перемен в стране и содействовал одолению препятствий на пути соединения молодых монархов.

На заре своего царствования будущие владыки Испании были не слишком богаты и не очень сильны. Венценосные жених и невеста поженились тайно, обходя козни пока еще опасных врагов. Стесненность в средствах вынудила их занять денег на бракосочетание. Но пришло время, и бедные прежде монархи завладели бесчисленными сокровищами Нового Света.

Фердинанд взошел на трон Арагона, его юная супруга Изабелла стала королевой Кастильи. Коронованная супружеская чета вознамерилась превратить родную Испанию в великое европейское государство. Монархам предстояло укротить амбиции своих вассалов-рыцарей, остановить междоусобие, возродить закон и вернуть достоинство простому люду. Полтора года энергичного правления и решительных перемен убедили все слои общества в пришествии новой и лучшей эры.

Рыцарские качества Фердинанда, его мудрость и непоколебимая твердость возбуждали поклонение, страх и любовь. Женственность и мягкость Изабеллы уживались с решительностью властительницы. Ее справедливость не грешила избирательностью: и вельможа и простолюдин равно рассчитывали на правый суд королевы. Стоило ей заговорить, и все вокруг, включая Фердинанда, уважительно смолкали, ибо почтение к уму есть проявление ума.

Еще задолго до царствования Фердинанда и Изабеллы приютила Испания в своих границах иудейское сословие. Некоторые евреи открыто исповедовали свою веру, другие таились. Веками жили израильтяне в Кастилье, Арагоне, Леоне, Наварре, на мавританских территориях.

Тянувшиеся к знаниям корпели над святыми книгами и, обретя мудрость, покидали родину ради стран, где ждал их заслуженный почет.

Родом занятий практического склада людей была всевозможная коммерция. И хотя в христианской стране положение сих адептов Моисеевой веры было низким и презренным, трудно преувеличить их роль в обогащении королевства.

И, наконец, к третьей категории испанских евреев принадлежали те, которые скрытно исповедовали веру отцов, а на людях являли себя безупречными католиками. Таковыми их знали власти и монастыри, и никто не догадывался о двойной жизни этих вельмож. Они удостаивались высоких должностей и отличий, служили королю и церкви, оставаясь в то же время тайными иудеями и расплачиваясь двуличием за верность корням. Взаимное доверие меж ними скреплялось страхом разоблачения. Откройся секрет, и вчерашние знатные особы

лишились бы всех родов обретенных благ, и самой жизни их угрожала бы смертельная опасность за обман.

Святая инквизиция – худший враг евреев – учреждена была во времена правления Фердинанда и Изабеллы. Но тайные суды католической церкви появились двумя-тремя веками ранее, и получили распространение в Испании и не только в ней. Поддерживаемые римским папой, гонители ереси не знали пределов жестокости. Они секретно собирали нужные им сведения о людях, заточали свои жертвы в тюрьмы, не гнушались пытками и полночными убийствами.

Испанцы не приветствовали тайные суды, преследовали их вершителей, но не уничтожили до конца. Хитроумные церковники сумели с годами набрать силу и доверие, и, наконец, в стране утвердилась инквизиция. Эти учреждения католической церкви действовали вблизи крупных городов и даже проникли в королевские дворцы, о чем, порой, не ведали и сами монархи.

Существование евреев в среде католиков омрачилось еще более. И в особенности тревожной стала двойная жизнь иудеев, тайно державшихся завета предков.

Глава 4

“Он на войне был яростнее льва,
В дни мира был он кроток, словно агнец, -
Таков был этот рыцарственный принц.”

(Уильям Шекспир, “Ричард II”, перевод Мих. Донского)

Перманентные войны, которые в средневековые времена вела Испания в своих пределах и вне их, имели то несомненное достоинство, что возвращали храбрых ратоборцев, давая им непреходящий повод блистать доблестью, силой и смекалкой. Без этих качеств немногого стоил мужской характер.

Испанские монархи справедливо гордились замечательными воинами, имена которых славились на родине, да и в целом христианском мире. Благородные вассалы собирались под властью твердого нравом сюзерена – короля Фердинанда. В свою очередь королева Изабелла пользовалась всеобщей любовью рыцарей. Те боготворили ее и мужеством и отвагой добивались ответного расположения. Забыть былые ссоры междоусобья и отличиться верностью короне – таким был надежный путь к сердцу королевы, который избирали достойные ее благосклонности.

Английский рыцарь Артур Стенли, вынужденно покинувший свой край и вставший под знамена испанского короля, верно и благодарно служил Фердинанду и одновременно добавлял славы незабытой родине. Монарх любил и почитал рыцаря северной страны. Патриотические чувства не мешали королю поощрять иностранца, до конца доверять ему и давать поручения, требующие личной отваги и абсолютной лояльности. Арагонские и кастильские друзья Стенли признавали его королевским фаворитом.

Настало время представить читателю Фердинанда Моралеса – тезку правителя. Личными достоинствами и заслугами человек этот завоевал пиетет всех сословий и достиг высочайшего положения в дворцовой иерархии. Король не принимал решений ни в совете, ни в военном лагере, ни в суде, не выслушав мнения Моралеса. Скромностью и неприязнательностью Фердинанд Моралес снискал любовь простых людей. Упоминание его имени неизменно сопровождалось всплеском добрых чувств.

Моралес начинал свою карьеру, служа пажом у высокопоставленного вельможи. Рвение, энергия и природный ум быстро доставили юноше признание. Возможно, мужская красота была ему в помощь. Молодой Моралес подружился с принцем Альфонсо, братом Изабеллы. Безвременная и таинственно-подозрительная смерть принца глубоко опечалила друга. Огорчение Моралеса не всем пришлось по нраву, и у него появились враги. Но благосклонность Изабеллы, которая защищала всех, кто был верен ее покойному брату, оградила Моралеса от бед. За преданность и прямоту королева воздала Фердинанду Моралесу абсолютным доверием, сделав его своим постоянным посланником к супругу королю.

Велико было личное богатство Моралеса. Именно у него заимствовали средства на бракосочетание венценосные, но бедные жених и невеста – Фердинанд и Изабелла. И именно верный и изобретательный Моралес сопровождал начинающего монарха Фердинанда в опасных его вояжах по стране, насыщенной тайными врагами.

Монаршее признание, растущие сила, почет и связи – ничто не убавляло от простоты, доброты и сердечности в отношении Фердинанда Моралеса как к людям низкого сословия, так и к вельможам. Он по праву слыл общим любимцем.

Фердинанд и Изабелла энергично утверждали приоритет королевской власти в своих владениях, избавляясь от бедствий разногласия и неустройства, объединяя Арагон и Кастилию на благо общего интереса Испании. Душой преданный монархам, Моралес весь без остатка отдался воплощению королевских планов. За службой затянулось холостячество, казалось, он не замечал, что сердце пусто без любви.

Желая добра лучшему вассалу, Изабелла всерьез и в шутку упрашивала его найти избранницу и осчастливить суженую. Неужто в целом королевстве не сыскать достойной девы? Фердинанд Моралес с честью отвечал, что женится не ранее, чем мир снизойдет на родную Испанию, и он сможет предложить невесте не только любовь, но и безопасный и спокойный дом. Женское сердце Изабеллы сожалело о недостатке пылкости в таком замысле, благоразумия которого она, впрочем, отрицать не могла. Королева уверенно заявляла, что выбор Моралеса непременно будет безупречен и не повредит ни знатности рода, ни чистоте благородной крови, ни преданности родной католической вере. При этих словах он в глубоком и благодарном поклоне скрывал краску, заливавшую его лицо. Краснея, мы уличаем себя во лжи и очищаемся.

Настал день, и Фердинанд Моралес поразил город Сеговию, родину его богатейших владений, да и всю Кастилию удивил неожиданным известием о своей женитьбе. Супругой всеобщего любимца стала мало кому известная очаровательная девушка по имени донна Мари Энрикес, уроженка Кастилии.

Любопытство к чрезвычайному событию сменилось восхищением замечательной красотой избранницы, уступившим место почтению к новоявленным качествам преданного мужа. Некоторые полагали, будто новобрачный слишком поглощен исполнением долга, политикой и войной, чтобы истинно любить. Но Изабелла, радуясь долгожданной женитьбе своего наперсника и уверенная в знании тайников его сердца, не сомневалась, что только любовь руководила Фердинандом Моралесом.

Глава 5

“И мы устроили прибежище спасения
В пустыне этой девственной.”

(Миссис Хеманс)

Убежище в Кедровой долине основал один единственный человек. Звали его Жульен Энрикес, и он приходился дедом знакомой нам уже Мари. Он чудом вырвался из лап тайного суда католической церкви и пять трудных лет был занят постройкой безопасного и скрытого пристанища для всей семьи. Казалось, сама природа назначила Кедровой долине стать неприступным местом спасения гонимых. Смекалка и энергия Жульена Энрикеса усовершенствовали случайное детище гор и лесов. Своими руками он возвел дом и устроил скрытые подходы к тайному месту.

Пока он трудился, враги рьяно искали беглеца, но тщетно. Бесплезность усилий охладила пыл церковников, и поиски прекратились. Судьи посчитали, что смерть спасла его. А он, порой, облачался в грубое одеяние, странствовал как нищий монах, не вызывая подозрений. Он отыскал свою семью и сопроводил ее в убежище. Несколько лет благополучной жизни в долине вознаградили Жульена Энрикеса за усердные труды.

Собственная семья его – это жена, сын и дочь. Вместе и наравне с ними он был ответственен за судьбу трех своих племянников-сирот – двух мальчиков и девочку, оставшихся от покойной его сестры. Муж ее погиб в страшных подвалах тайного суда, откуда самому Жульену Энрикесу удалось бежать. Племянников он любил как родных детей.

С годами укромное убежище в Кедровой долине становилось местом все более удобным для жизни. Вылазки во внешний мир Жульен Энрикес употреблял с неизменной пользой, приобретая вещи не только необходимые, но, иной раз, и атрибуты богатства. Окрепшие молодые мужские руки выстроили молитвенный дом. Священные обычаи древней иудейской веры вершились достойно и безопасно.

Теперь обратимся к именам и судьбам наших героев. Сын Жульена Энрикеса – Мануэль, дочь – Джозефина. Имена племянников – Фердинанд и Жульен, племянница – Мирьям.

Наполненностью событиями и страстями это маленькое место не уступало большому миру. Любовь, ревность, женитьбы, рождения, смерти. Умерла жена Жульена Энрикеса. Сын его Мануэль полюбил свою двоюродную сестру Мирьям и женился на ней. Они остались жить в долине. Дочь Джозефина вышла замуж за кузена Фердинанда, и молодая чета упорхнула из родового гнезда ради новой жизни, не убоившись опасностей.

Жульен, племянник Жульена Энрикеса, любил Джозефину, но она отдала руку и сердце его брату Фердинанду. Возможно, неудачник был слишком робок и чересчур печален. Его мучила мысль о несчастной судьбе отца. Безответная любовь и ревность потеснили эту муку, но когда брат с женой покинули долину, жажда мести вернулось к нему, и он ушел из родного дома, поклявшись отплатить церковникам.

В праздники Пэсах и Суккот молодые семьи и их верные друзья сходились в Кедровой долине под кровом ее патриарха Жульена Энрикеса. Покинуть католическое окружение, не вызывая подозрений, было не слишком сложно, ибо торжества эти приблизительно совпадали с христианской Пасхой и Днем Святого Михаила. До тридцати человек собиралось за столом основателя убежища, счастливого плодами ненапрасных трудов. Один только племянник Жульен, задумавший отомстить за отца, никогда не показывался в долине, и в конце концов его оплакали как умершего.

Фердинанд, племянник Жульена Энрикеса, погиб в бою за Испанию. Его вдова Джозефина, дочь Жульена Энрикеса, вернулась в родительское гнездо с малолетним сыном, тоже Фердинандом. Ребенок родился через год после свадьбы родителей. Однако, у Мануэля, сына

Жульена Энрикеса и его племянницы Мирьям долго не было детей, и лишь через одиннадцать лет супружества судьба наградила чету дочерью Мари.

Итак, юный Фердинанд был на десять лет старше своей кузины Мари. Мальчик обожал очаровательную малютку. По причине разницы в возрасте Мари была скорее любимой игрушкой, нежели товарищем Фердинанда. Когда юноше исполнилось пятнадцать лет, он покинул долину и стал пажом важного вельможи. Пролетели годы, и ребенок-игрушка превратился в изумительной красоты девушку. Фердинанд полюбил кузину и тянулся к родному дому, и приходил как мог часто, дабы свидеться с возлюбленной Мари.

К тому времени, когда Мари повзрослела, смерть уж несколько раз успела навестить Кедровую долину. Остались там только Мари и отец ее Мануэль. Родитель был несказанно рад обручению боготворимого им чада с кузенком Фердинандом. Пожалуй, Мануэлю не доставало фантазии представить себе счастье дочери с выходцем из чужой семьи. Такую мысль вполне допустила бы мать Мари, и доводы ее обычно убеждали супруга. Но, увы, ее не было в живых, а очевидное для тонкой женской души, порой недоступно пониманию неуклюжего мужского сердца. Недостаток воображения восполняется непрерываемой уверенностью, создавая мнимую реальность.

Мануэль по праву восхищался и гордился дочерью, ибо она была прекрасна. В будущем он видел ее любимой и обожаемой супругом, которым непременно должен стать его племянник. Он мечтал лишь об одном, чтобы Фердинанд испытывал к Мари столь же горячее чувство, как он сам, ее отец. Мануэль мог быть спокоен – Фердинанд преданно любил свою суженую, хотя перипетии борьбы за монаршие интересы крепко приковали его к службе и отдаляли счастье.

Покуда Фердинанд был поглащен делами государственными, Мануэль на время отпустил Мари из дома, позволив ей пожить в большом мире под надежной опекой его лучших друзей. В эти месяцы Мари встретила Артура Стенли.

Мысль о том, что драгоценное дитя может полюбить неиудея, чужака – не могла бы прийти в голову отцу, ибо это положение было для него фантастическим и диким. Мануэль не понимал женского сердца и сильных страстей его, разбуженных пьянящим духом рыцарского благородства. Для себя полагая веру отцов превыше всех прочих чувств, он не мог вообразить возможность альтернативы в сердце дочери. Отец был не совсем не прав.

Мари и Артур не произносили слов признания. Но голос Стенли, само присутствие его, робкое проикосновение – будили в ней незнакомое прежде волнение и несбыточную мечту. Когда он стал просить ее руки, она поняла, что любит его. Это открытие поразило, испугало и отрезвило. Фантом запретного счастья возник и исчез. Пропасть меж ними неодолима. Пожертвовать верой и семьей – вещь нетерпимая. Любовь такой ценой есть тяжкий грех.

Мари, как и Мануэль, отметала мысль о браке с христианином. Но отец, в отличие от дочери, считал невозможным не только союз с чужаком, но и любовь к нееврею. Наверное поэтому он, возвращая дочь домой в Кедровую долину, не заметил ее печали и удручения. Мари надеялась на время и здравомыслие, которые сотрут из памяти преступную любовь. Ей казалось, что она и впрямь забыла Артура. Но действительность – враг иллюзий. Его появление оживило чувство. Чтобы вернее оттолкнуть Стенли, она сотворила недопустимое – отрыла ему тайну. Она надеялась, что христианское предубеждение уничтожит его страсть и вместе с ней ее любовь. Но Артур и эту преграду одолел, и Мари поняла, что ей не забыть его и век жить с этой мукой.

Иной раз Мари было столь одиноко и тяжело, что она думала признаться отцу. Но она слишком любила его, чтобы причинить ему такое горе. К тому же Мари предвидела, как он рассудит. Да

и не вынести бы ей порицания ее сокровенных чувств кем-либо, хотя бы даже и родным отцом. Довольно с нее и собственного беспощадного суда.

Мануэль Энрикес отсутствовал в Кедровой долине, когда там побывал Артур Стенли. В день возвращения Мануэль почувствовал недомогание. Голова закружилась, и с ним случился обморок. Он не отнесся к этому серьезно. Он не боялся смерти. Единственным его желанием было знать, что Мари уже замужем за Фердинандом, и он надеялся успеть дожить до этого.

За первым приступом последовали другие, иногда легкие, а другой раз и продолжительные. Страх за отца и любовь к нему возросли в сердце Мари. Признание стало совершенно невозможным, ибо горе могло убить старика.

Глава 6

“О, я не жду похвал –
Лишь нежно взгляни, и устою на земле...”

(Миссис Хеманс)

По заведенной традиции в праздник Суккот собирались в Кедровой долине семьи детей и племянников Жульена Энрикеса, а с ними их верные друзья – иными словами все, посвященные в тайну убежища. Как требует того древний обычай, возводились шалаши на недельный срок. Хозяева и гости трапезничали, сидя под крышей этих временных построек и там же за беседами проводили время, свободное от пения молитв в празднично украшенной синагоге.

Красота шалашей и внутреннего их убранства, торжественные гимны и богослужения, чтение подобающих Суккоту библейских преданий, строгость соблюдения обрядов – равно волнуют души детей и стариков.

Для постройки стен шалашей брали толстые ветви пальм, кедров, ивы, дуба, акации. Крыши, выкладывались листьями и тонкими ветвями, которые, сплетаясь в решето, сообразно нерушимому закону оставляли видимым небо, и солнце и звезды одобрительно глядели на сидевших внутри шалашей строгих блюстителей древней веры. Вдоль стен выстраивались вазы с цветами. Искусно составленные букеты пестрели всеми оттенками осени и источали сладкие ароматы. Столы украшались фруктами, которые рождала земля Кедровой долины – пурпурный виноград, красные апельсины, бледные лимоны, лайм, гранаты, лимоны. Пироги пекла Мари, и к приготовлению других кушаний она тоже прилагала руку.

Случился год, когда к большому разочарованию Мануэля тайный клан не собрался на Суккот, и отец с дочерью грустно праздновали одни. Вдобавок Мануэль был озабочен быстро слабеющим здоровьем. В конце святого поста Ём Кипур, что пятью днями опережает праздник, со стариком вновь случился припадок, тяжелый и продолжительный. Очнувшись, отец успокоил дочь, сказав, что обморок стал следствием строгого поста. Однако, в глубине души он не верил собственным словам, он чувствовал близость смерти. Мануэля тревожило отсутствие племянника. Появление Фердинанда стало бы подтверждением истинности его слов о любви к Мари. Именно этого и вожделел Мануэль. Тогда он объявил бы о немедленной женитьбе Фердинанда и Мари, и набрался бы духу, и признался бы дочери, что близка его кончина, но бояться ее у него нет теперь причины.

На праздничную неделю непременно выпадает и суббота. В сей святой для иудеев день заботам и тревогам, будничному и суетному надлежит отступить в тень, и душа должна открыться для духовного и вечного, возвышенного и божественного. Но в канун наступающей субботы отец и

дочь сидели непривычно молча в шалаше и не вели обычную для такого часа живую беседу. От обеспокоенного дочернего взгляда не утаились напрасные старания отца скрыть с недавшую его тревогу.

Мари принялась упрашивать Мануэля открыться ей – не сможет ли она помочь? Она обвила руками его шею, нежным голосом молила довериться любящей дочери. Мануэль не был столь тверд, как Мари, умевшая в одиночку носить страдания в сердце. Не имея более сил сопротивляться дочерней любви, он открыл ей причину страха: кончина его близка, а судьба Мари не решена. Ему бы только узнать, что Мари стала женой Фердинанда, и, ослесчастливленный, он встретит последний свой час бестрепетно.

Мари побледнела. Встревоженный Мануэль прижал ее к своей груди. Он был уверен, что она горюет из-за его внезапного признания в неизбежном скором расставании с ним, и он захотел смягчить ее страдания. Он сказал, что любовь Фердинанда будет так же сильна, как и отцовская любовь, и она вкусит все счастье жизни. Он просил не горевать чрезмерно о близкой его кончине – ведь это путь естества.

Мари была удручена не столько известием о скорой смерти родителя, сколько его мечтой. Она ужаснулась: выходит, есть в ее сердце нечто дороже любви к отцу. Однако, признала эту истину, не желая обманывать себя. Натура Мари не выносила лжи. Она высвободилась из объятий отца, упала к его ногам и открылась ему, до последней капли опустошив сосуд души.

Задыхаясь от рыданий, она покаялась в любви к другому. Как выйдет она замуж за Фердинада, коли сердце и мысли ее несправедны? Обмануть кровного родственника? Столь благородного и любящего? А кто тот, другой? Он христианин! Какие ужасные слова она произнесла! Звучание их привело ее в трепет. Она отвела взгляд, по-прежнему стояла на коленях, мучительно ждала приговора отца.

Мануэль с сожалением узнал, что для любящей дочери есть вещи поважней долготы отцовского века, но не банальность жизни взволновала старика. Заурядное легко понять, и оно зачастую истинно.

“О, Мари! И это говорит моя Мари, дочь чистейшей и благороднейшей Мирьям? На свое счастье бедная мать успела умереть! Дитя мое, ты влюбилось в чужака, а своего готова изгнать! Какое горе! Бог, зачем ты покинул меня? Зачем не взял мою душу прежде?” Мануэль закрыл лицо руками, тяжкий стон сорвался с его уст.

“Отец! Мой отец! Милосердия ради не говори так! Упрек твой ранит, отчаяние твое – убивает... Невыносимо мне такое горе! Подумай, какую претерпела и терплю я муку, и она со мною навсегда! За грех мой я наказала себя сама и готова к новым карам, но молю тебя, отец, добавь к словам гнева слова любви!”

Мануэль силился заговорить. Но, потрясенный, он не успел вымолвить ни слова, упал на руки Мари и забылся в тяжелом обмороке. Мари смертельно испугалась – это она убила отца. В отчаянии она мысленно поклялась: если Бог смилостивится над стариком и вернет ему сознание, то любое желание отца станет и ее желанием, хоть опустеет кивот в девичьем сердце. Клятва достучалась до небес, и Мануэль трудно и неспешно ожил. По первому порыву он прижал драгоценное чадо к груди. Потом, не сдержавшись, заплакал навзрыд.

Мужские рыдания – тяжелое зрелище, вдвойне горько дочери видеть слезы отца. Но умеющий плакать умеет и надеяться.

“Я знала, что моя любовь грешна, но не думала, что чувство завладеет мной столь сильно. Я очнулась поздно, но не опоздала. У меня достанет сил уничтожить в душе запретные мечты. Мне будет больно, и это хорошо, ибо боль искупит вину. Я причинила тебе горе, дорогой отец, и за это тоже мне положено страдать. Объявляй мне свою волю, я целиком в твоей власти!”

“Ты согласна выйти замуж за Фердинанда?”

“Возьмет ли он меня в жены, если узнает все? А если не сказать ему, то это значит отплатить обманом за любовь!”

“Не говори ему, и ты убережешь его от горя, которому помочь бессильна. Став ему женой, ты непременно полюбишь его. Верностью смоешь грех, который сотрется из памяти с годами счастья!”

“Да разве смела бы я думать о замужестве, если б не намеревалась быть верна? Я поклялась слушать твоего слова и не нарушу клятву. Но вразуми меня, отец: соединившись с Фердинандом, разве я не согрешу против того, чужого, обманув его любовь?”

“Нет, Мари, не согрешишь, но убережешь его от ложного шага, ибо, прозрев, он поймет, что ему следует жениться на другой. А если выйдешь замуж за него, почувствуешь себя свободной? Конец такой страсти – несчастье обоих. Обещание девицы без отцовского благословения не имеет силы, и я освобождаю тебя от слова, данного христианину, и совесть твоя чиста пред ним, и ты не причиняешь ему зла. О, Мари! стань невестой Фердинанда! И оставайся по-прежнему дочерью мне и покойной Мирьям!”

Мануэль вновь привлек к себе Мари. Отец не убедил ее. Пусть она сказала Артуру, что не будет принадлежать ему, но ведь она призналась ему в своей любви! Узнав, что она жена другого, англичанин справедливо назовет ее признание ложным. А Фердинанду не сказать о Стенли – значит обмануть. Покаяние же незаслуженно омрачит благородную душу Фердинанда, и вдобавок ему будет тяжело сознавать, что жена его разбила чье-то сердце. Все худо – как ни поступи!

Молчали оба. Вдруг ветви, прикрывающие вход в шалаш, сдвинулись в сторону. На пороге появилась высокая мужская фигура. Мари вскочила на ноги, вскрикнув от неожиданности. Это Фердинанд. Он сбросил плащ, снял шлем с оперением, приблизился к Мари.

“Кузина, дорогая! Ты встревожена? Неужели не рада мне, любимая Мари?”

Мануэль, казалось, забыл о телесной слабости и душевном потрясении – столь велика была его радость. Дрожащими руками он обнял статного воина, утер слезу. “Фердинанд, мой сын, мой сын...”

Глава 7

“К жизни смерть порой близка,
Глянь-ка – обе вместе!
Вот могильщику кирка,
Вот фата невесте!”

(Из рукописей Г. А.)

Фердинанд Моралес, тайный иудей и богатый вельможа на службе королевы Изабеллы и ее супруга короля Фердинанда, обещал государыне, что решится на брак, когда мир и благополучие снизойдут на Испанию. Тогда он сможет предложить невесте не только любовь, но и свою защиту и надежный и изобильный дом.

В праздник Суккот Моралес явился в Кедровую долину, чтобы посвататься к своей кузине Мари. Он был старше ее на десять лет, и дружба связывала детей с детства. Мари повзрослела, и вместе с нею повзрослели чувства Фердинанда. Он полюбил девушку, и мечтал о ее руке и сердце.

Фердинад надеялся получить согласие Мари, а в благословении ее отца Мануэля Энрикеса был уверен, ибо тот знал о любви племянника и страстно желал видеть его своим зятем. Заручившись обещанием, Фердинанд намеревался уехать на два месяца – срок необходимый для приготовления к свадьбе – а затем вернуться в Кедровую долину для свершения обряда по законам иудейской веры. Празднование бракосочетания перед католическим миром должно было состояться после подлинной женитьбы. Истинность и ложность вещей зависят от точки зрения. Поэтому Фердинанд не упрекал себя в грехе обмана.

Перемена в облике Мануэля Энрикеса была слишком заметна, и Фердинанд весьма огорчился тяжелому недугу дяди. Мари полагала, что дни отца сочтены, и это помогло гостю объяснить ее замкнутость и даже отчужденность болью дочернего сердца. Фердинанда тронула трепетная серьезность, с которой отец передавал свою дочь его заботам, и он удивился неожиданной горячности Мануэля, заклинавшего его любить Мари, не взирая ни на какие жизненные перипетии и не меньше, чем он сам любит ее. Фердинанд усмотрел в этом страх старика перед скорым концом.

Мануэль и Фердинад вели беседу, и голоса их звучали радостно и возбужденно. Появилась Мари. Подозвав ее, Мануэль провозгласил, что она будет обручена с Фердинандом и станет его невестой. Небеса услышали его мольбы, и этот брак есть свершение его жизненной мечты. Мануэль произнес подобающее благословение, соединил руки молодых и оставил их наедине.

Трепетно и нежно Фердинанд попросил Мари произнести вслух согласие с отцовским решением. Он заверил ее, что если любовь к нему еще не поселилась в ее сердце, то это непременно случится в ответ на его преданность и обожание.

Что она могла сказать? Мари благоговела перед кузеном, восхищалась его славой и почетом, добытыми на службе у монархов. Она была бы рада броситься на шею к горячо любимому старшему брату, великодушному, всепонимающему, расплакаться и поведать о своей муке. Но клятва, данная отцу, отнимала у нее это утешение.

Она обещала Фердинаду принадлежать ему, любить и быть верной женой. Лишив себя права покаяния, она лишь промолвила со слезами на глазах, что недостойна любви своего рыцарственного жениха. Ответ Мари несказанно обрадовал его. Образцовую скромность невесты он отнес на счет восхищения его карьерой. Согласие в ее устах еще больше разожгло его чувство.

Два месяца, отделявшие отъезд донна Фердинанда от дня свадьбы, Мари старалась смотреть в лицо судьбе. Ей казалось, она встречала ее смиренно и благодарно. Верить желаемому легко. Без сомнения, она любила Фердинанда. Вспоминала детство, юность, их трогательную дружбу. Да если б не любила, разве сладки были б ее уху признания его?

Она усердно гнала всякую мысль о Стенли. Она молила Бога, чтоб надоумил, как не через силу, но подлинно забыть англичанина. Она просила Всевышнего впредь не сводить вместе пути ее и

Артура. Она спрашивала себя, если время сотрет в ее памяти тайну, то растает ли последнее облачко на небосводе счастья? Увы, честный ответ не утешал. Лукавя с самим собой, незадачливый хитрец не спрячется от взгляда простака.

Виды светлой жизненной стези и премудрое решение дилеммы “свой-чужой” не уничтожили боль за разбитое сердце Стенли. Он назовет ложью ее признание в любви, и сердечную эту муку Мари не дано залечить, и мысль о ней вырывает стон из ее горла.

Благодарность судьбе за полное осуществление желаний победила на время недуг Мануэля Энрикеса. Припадки не повторялись, и Мари надеялась на лучшее. Отец не напоминал дочери о грехе, но щедро изливал на нее свою любовь. При всяком удобном случае он напоминал ей о счастье, которое уготовано ей. Не взирая на слабое здоровье, Мануэль в сопровождении своего старого слуги однажды покинул Кедровую долину и вскоре вернулся нагруженный украшениями, шелками и всевозможными богатыми аксессуарами невесты, дабы добавить радости возлюбленному чаду.

Приближался день свадьбы. Фердинанд подумал, что Мари было бы приятно присутствие женского облика на торжестве. Он привез с собой донну Эмилию де Кастро. В доме друзей Мануэля Энрикеса – донна Альберто и донны Эмилии – раз гостила Мари. Тогда-то она встретила и полюбила Стенли. Увидев знакомое лицо, Мари невольно вспомнила то, что старалась забыть. С рыданиями она бросилась на шею донны Эмилии. Та нежно прижала ее к себе, с пониманием объяснив слезы невесты естественным возбуждением в преддверии решительных перемен.

Мануэль взглянул на маленькую группу вновь прибывших гостей. Он знал всех, за исключением одного человека в монашеском одеянии. Незнакомец отбросил назад капюшон и нацелил пристальный взгляд на Мари. Та покраснела и конфузливо отвернулась.

“Не смущайся, дитя мое! – воскликнул неизвестный, - я чужой для тебя, но ты мне не чужая, в чертах твоих я узнаю твою мать – мою любимую сестру Мирьям.”

Мануэль Энрикес вздрогнул, вспомнив голос того, которого считали покойным. “Взгляни на меня, Мануэль, - продолжил человек, - ведь я Жульен, твой кузен!”

Не успел Жульен договорить, как Мануэль бросился к нему, и родичи, не видевшиеся четверть века, крепко обнялись. Седина украсила волосы обоих. Преклонный возраст не ослабил уз кровного родства, столь крепких у гонимого народа. Жульен, когда-то покинувший Кедровую долину, чтоб отомстить церковникам за убийство отца, Жульен, не подававший о себе вестей и потому признанный умершим – жив и вернулся! Чрезмерное возбуждение Мануэля беспокоило Мари.

Фердинанд не был мнительным влюбленным. Безграничность его доверия к Мари не уступала истинности чувств к ней. Он допускал, что ее любовь не столь горяча, как его, но это не обескураживало, ибо он не сомневался, что Мари по достоинству оценит верность и надежность, и страсть ее сравняется с его страстью.

Он с детства тянулся к ней, а она привязалась к нему и почитала его. Юное девическое сердце всегда было открыто испытанному старшему другу. Разве зародились бы в голове Фердинада сомнения в желании Мари стать ему женой? Разве пришло бы ему на ум, что она предпочла бы принести ему горе отказом, нежели мучить его и себя обманом? Он сам, прямой и открытый, не мог предположить, что у невесты есть тайна от него. Но Мари Энрикес уже не управляла событиями, и течение несло ее вперед, и не оглядываться было благом.

Свадебное утро рассвело. Процессия в полторы дюжины человек направилась в синагогу – то самое здание, назначение которого озадачило Артура. Внутренний вид молитвенного дома показался бы ему не менее удивителен.

Стены, обшитые полированными кедровыми досками, не были украшены ни резьбой, ни картинами, ни какими-либо изображениями. В центре помещался высокий стол, окруженный по краям перильцами и убранный скатертью из дорогой искусно выделанной парчи. У восточной стены высился Священный ковчег. Верхняя часть его в виде арки сияла голубым. Свод этот опирался на два столба, на поверхности которых красовались золотые буквы. Занавесь Священного ковчега сдвинули в сторону, и глазу открылись пергаментные свитки Торы на серебряных осях. С крыши в центре синагоги свисал большой светильник, малый собрат его располагался над Священным ковчегом и горел постоянно.

Вековой ритуал узаконения любви вел Жульен, загодя сменивший грубую монашескую робу на торжественное одеяние раввина. На четырех серебряных жердях был натянут балдахин – хупа – и он нависал над головами новобрачных.

Волосы красавицы-невесты прятались под убором, напоминавшим восточный тюрбан. Чуть-чуть выглядывавшие из под него толстые темные косы оттеняли бледное лицо. Как хорош был наряд Мари: белое платье, шитье золотыми нитями, венок на голове. Плотная фата скрывала до поры до времени трепет девических переживаний. Пожалуй, жених волновался не меньше. Он преисполнился сознания серьезности момента и в строгом следовании установлений брачной церемонии усматривал доброе начало супружества.

Поднята фата, сказаны подобающие слова, испробовано вино, разбит бокал, надето кольцо на палец. Мари прекрасна красотой мраморной статуи. Лицо бело, но черты его спокойны. С восторгом глядят на нее отец и муж. Сегодня Мари овеществовала преданную дочернюю любовь, и безмерно счастлив Мануэль. Выйдя за Фердинанда, она привела его в райскую обитель свершившейся мечты, и он пережил свой лучший час.

Веселье и радость были главным содержанием свадьбы. Цветы в алебастровых вазах и фрукты в плетеных корзинах с успехом заменили атрибуты богатства. На стол подавались простые вина и непритязательная еда. Гости, все почти люди состоятельные и знающие роскошь, не пышности хотели в этот день. Их радовало братское общение, увы, не слишком частое, единство духа, довольство преданностью вере.

Застольная беседа текла неторопливо, начало смеркаться, на столе появились лампы, источавшие запах ладана. Жульен поднялся и произнес торжественное благодарение, полагающееся после празднования свадьбы. Гости умиротворенно смотрели на жениха и невесту.

Взгляд Мари упал на отца. Румянец на его лице пропал, губы дрожали, неподвижные глаза казались стеклянными. По телу его пробежала крупная дрожь, начались судороги. Что-то пугающее было в этом неожиданном припадке. Слуга подхватил хозяина, удержал от падения. Фердинанд, сам сохраняя спокойствие, старался унять страх в сердце Мари, заронить надежду.

Мануэля перенесли в его комнату. Сведущий в искусстве врачевания Жульен испробовал все известные ему укрепляющие средства. К несчастью, они не оказывали действия, и больной не приходил в себя. Мари стояла на коленях у ложа родителя. Ладони ее сжимали кисть его руки. Она передала бы ему свое тепло, если б он только мог его принять, но рука его оставалась недвижима и холодна.

На щеках Мануэля промелькнул румянец, глаза на мгновение открылись, и вновь сомкнулись веки. Казалось, он что-то хотел сказать.

Мари заметила секундную перемену: “Отец! – вскрикнула она, - заговори со мной, скажи, что прощаешь... и благослови...”

Сила отцовской любви на мгновение одолела смерть: “Простить? Благословить? – едва слышно произнес Мануэль, - да ведь ты стала женой Фердинанда, драгоценная моя Мари! Сбылись цель и мечта... Мое прощение и благословение с тобой! Как жаль уходить, как хочется видеть тебя... Но темно в глазах... Поцелуй меня, дитя...”

Мари бросилась на грудь отцу, покрыла поцелуями его лицо. Он тихо позвал: “Фердинанд...”

Фердинанд встал на колени, осторожно сжал слабеющую руку умирающего, благоговейно прижал ее к своим губам. Мануэль пытался говорить, но язык не слушался его.

“Ты мне больше, чем отец, - горячо промолвил Фердинанд, - я всегда любил и буду любить твое дитя. В обмен на преданность мою я получу ее любовь. Она никогда не узнает беды под моим крылом!”

“Мой сын, мой сын... да сбудутся слова твои... Жульен, брат, упокой меня рядом с Мирьям... Я хочу в последний раз услышать славу нашей вере...”

Затянули псалом. Когда-то лучше всех его пел Мануэль. Но сейчас его красивый голос не был слышен. Из последних сил Мануэль поднял правую руку, положил ее на глаза и почти беззвучно произнес “Слушай, Израиль...” Другие закончили молитву.

Фердинанд осторожно обнял Мари за плечи, хотел увести ее. Она вырвалась, бросилась к отцу, стала целовать мертвое лицо.

Глава 8

“Злых дум извне не ловит взор и слух:
Внутри, внутри змеится злобный дух!
Любовь – ясна, а Злобу, Зависть, Месть
Порой в усмешке можно лишь прочесть.”

(Джордж Байрон, “Корсар”, перевод Г. Шенгели)

Минул год или несколько более со времени замужества Мари. Жизнь молодой женщины текла спокойно и мирно, ибо Фердинанд, как и задумал, кроме любви дал супруге богатство и непроницаемую защиту. Мари обрела счастье с изъясном воспоминаний и тревог.

Тайная, истинная и скромная женитьба в Кедровой долине не разглашалась. За ней последовала открытая, показная и роскошная церемония в католической церкви. Высокого звания священник соединил соединенные сердца.

Как пожелала того Мари, она не была представлена королеве. Слабое ее здоровье и недавняя тяжелая утрата послужили Фердинанду удобными предложениями укрыть молодую жену от появления при дворе. Изабелла благосклонно приняла объяснение, тем более, что важность поглощавших ее в то время политических реформ перевешивала неудовлетворенный интерес к молодой жене ее лучшего вассала.

Мари стала хозяйкой крупнейшего и богатейшего поместья в городе Сеговия, что в Кастилье. Поскольку Фердинанд Моралес слыл всеобщим городским кумиром, то не удивительно, что и на долю его супруги невольно выпадала добрая квота народной любви. Порой, ее призывали применить влияние и власть, и она делала это достойно и с прибытком доброму имени мужа и с пользой и приятностью для просителей.

Мари чувствовала себя надежно и защищенно. Обожаемая мужем, она училась его любить и училась быть счастливой. Молитвы ее достигли небес: король назначил Артура Стенли на высокий пост в далекой Сицилии, и, значит, тропа ее более не встретится с его тропой.

Увы, мука в душе Мари отказывалась умирать. Чем больше она боготворила Фердинанда, чем больше восхищалась им, тем горше была мысль, что она обманывает великодушие и любовь. Моралес честен и открыт и не заслуживает лжи. Она истинно считала себя недостойной его. Хотя, если подумать, многие недостойны солнца, но оно восходит!

Мари полагала, что будь его любовь не так горяча, а доверие не так безраздельно, и ей было бы куда как легче. В минуты тяжких дум Мари хотела пасть к его ногам с мольбой умирить чувства к ней. Но признание принесет ему боль и ранит в самое сердце. И она отвергала покаяние – ей, а не ему положено страдать!

Среди многих испанцев благородного происхождения, посещавших дом Фердинанда Моралеса, был некий дон Луис Гарсиа, человек приятных, скорее очаровательных манер. Он никогда не говорил прямо о своем звании или ранге, и никому не ведомо было поле его деятельности – то ли это церковь, то ли орган государства, то ли армия, то ли королевский двор. Казалось, он везде был принят. Любезность с таинственностью вместе настораживают людей. Интуитивное чувство опасности не находило объяснения, но и не покидало тех, с кем имел общение ласковый и обходительный дон Луис Гарсиа.

Страницы нашего повествования еще поведают читателю многое о характере и роли этого персонажа. Пока лишь отметим его приверженность аскетизму и строгим правилам жизни. Он слыл религиозным, чурался мирских удовольствий и страстей. Дон Луис рьяно соблюдал предписанные посты и изобретал для себе добавочные, дабы молитвы его вернее находили путь на небеса. Щедрой благотворительностью он завоевал почет у монахов и бедного люда Сеговии. Образцового католика дон Луис Гарсиа любили холодно и не без опаски.

Дон Фердинанд тепло принимал в своем доме праведного гостя. Моралес не испытывал беспокойства. Абсолютная уверенность в непроницаемости брони из сплава доброго имени, богатства и монаршего покровительства не оставляла в его душе места для чувства опасности.

А между тем, благонамеренный и внешне холодный дон Луис питал самые горячие чувства к супругам Моралес. Завидуя признанию и ненавидя счастье, он всерьез озаботился поиском порочащих фактов. Дон Луис никогда не ведал любви, над этим чувством он скрытно насмехался. Он исповедовал злобу, амбиции, месть. Этот катехизис был родным его натуре и приносил ему успех.

Дон Луис мужал в аморальной атмосфере, которой дышала Испания до восшествия на престол королевы Изабеллы и короля Фердинанда. В те времена королевский двор потакал низким страстям и не почитал закон. Религия не играла роль защитника благопристойности. Убийство и насилие оставались безнаказанными. Казалось, порочные страсти есть лучшее руководство к действию, и добродетели нет места в стране.

Энергия новых монархов весьма способствовала возвращению законности и безопасности в Испанию. Людские нравы, однако, принимают реформы медленнее государственных устроений. Дон Луис Гарсиа был одним из тех, кто по-прежнему уповал на безнаказанность силы.

Фердинанд Моралес неохотно отлучался из своего дома в Сеговии, ибо расставание с молодой женой даже на небольшой срок томило его. Но короткие наезды в Вальядолид и в Леон для сопровождения Изабеллы, где королева попеременно держала свой двор, были неизбежны. Последний его отъезд грозил стать продолжительным. Ему предстояло вернуться вместе с монархами в Сеговию и оказать им гостеприимство. Мари, как и муж, огорчалась разлукой, которая всегда вселяла в нее чувства неуверенности и незащищенности.

Пока Фердинанд находился вне дома, Мари старалась никого не принимать – так спокойнее. Но по недосмотру слуг к ней допустили дона Луиса Гарсиа. Не слишком жалуя сего господина, она могла привести причину и не выходить к нему. Не желая казаться слабой самой себе, Мари приняла визитера.

Вкрадчивая и льстивая речь дона Луиса заставила Мари сначала испугаться, потом вознегодовать. По туманным намекам гостя она заключила, что ему, возможно, известна история ее первой любви. Неужели тайна открыта, и негодяй знает то, что не известно мужу? Страх и гнев смешались в сердце молодой женщины. Дерзкий лицемер смеет выражать сочувствие! Она сумела овладеть собой и изгнала доброхота из дома, но не тревогу из сердца.

В словах дона Луиса Гарсиа ей почудился намек на принадлежность его к некоей незримой силе, большей власти короля, к силе злонамеренной и опасной. Мари подумала, что секрет, который она хранит от мужа, не единственный в их семье, и есть у них общая тайна, разглашение которой смертельно опасно для обоих.

“Соккрытие от Фердинанда былой любви – почти измена. Молчание мое грозит благополучию его. Если дон Луис осведомлен, то, значит, я у него в руках, что может иметь дурные последствия для мужа. Нет альтернативы признанию. Пусть Фердинанд услышит горькую весть из моих уст. Хуже, если он узнает ее от врага.”

Так думала взволнованная Мари. Однако, дон Луис вовсе не был посвящен в ее жизнь. Но он хорошо понимал человеческую природу и проницательно увидел, что любовь Мари к Фердинанду не так горяча, как любовь Фердинанда к Мари. И на этом основании он предположил существование секрета у жены от мужа. И бросил пробный камень. Увы, он угадал, и круги разошлись по воде.

Ясный ум освещает путь к сути вещей и замечает незаметное другим. От взгляда дона Луиса не укрылся поднятый им ураган страстей в ее душе. Теперь он вооружится терпением. Он умеет ждать. Жизнь сама преподнесет ему желанный случай торжествовать, чиня зло.

Дон Луис Гарсиа был унижен женщиной, но не подал виду ущемленного достоинства. Спрятавшись за маской лицемерия, он вольяжно удалился, но оскорбленный, укрепился в желании мстить.

Глава 9

“Казалось, что окна ожили:
И стар и млад
Глазами жадными на них глядели.”

(Уильям Шекспир, “Ричард II”, перевод Мих. Донского)

Чета Моралес расположилась в будуаре Мари. Великолепно убранство комнаты, безупречен вкус украшающей ее мебели, изящна драпировка стен бледно-зеленой узорной тканью. Мари сидела в своем любимом кресле, Фердинанд разместился на подушке у ее ног.

Фердинанд живо рассказывал о теплой встрече, оказанной королю и королеве в Сарагосе. Они провозгласили себя главами рацарских орденов Сан-Яго, Компостелла и Алькантара. Монархи, став во главе этих сообществ, умерят их влияние в стране и заместят его своим авторитетом. Муж объяснил жене направление королевской политики, преследующей цель постепенного уменьшения силы дворянства и выдвижения на авансцену интересов простого народа.

“Хотя, дорогая, я сам отношусь к тому классу, активность которого будет сокращена, но с пониманием принимаю дух реформы, полезной для любимой Испании. Впрочем, не стану углубляться в этот предмет. Лучше сообщу тебе, что заработал упрек Изабеллы из-за того, что не привел тебя на праздник в Арагоне. Донна Эмилия описала тебя королеве в столь привлекательных красках, что государыня готова была прогнать меня с глаз долой, как негодного рыцаря, скрывающего от нее свою жену!”

“Наверное, ты прав, дорогой муж! Робкому моему нраву легче принять суету двора, чем испытание одиночеством...” – неожиданно горячо воскликнула Мари.

“Жаль, Мари, но расставания не минуют нас. Ведь ты жена рыцаря, и меня, как воина, будут звать на войну. Я вижу ты побледнела и дрожишь. Не надо. Я думаю, что прежде, чем я уйду из дому призванный к оружию, ты узнаешь и полюбишь Изабеллу. Ее защита и расположение, в которых я не сомневаюсь, послужат тебе утешительным бальзамом против одиночества.”

“Война? Зачем? Я думала, благодатные перемены воцарят мир в Испании!”

“Это верно, любовь моя, но спокойствие утвердилось лишь в наследственных владениях короля и королевы. Однако, есть области испанские, где правят мавры, не желающие принимать власть Арагона и Кастилии. Наши государи покончат с внутренними неурядицами и поведут доблесную армию на непокорных. Когда настанет день войны, и я с печалью покину тебя, ты должна будешь простить расставание своему солдату!”

“Но ведь королевство нынче расширилось. Или этого не довольно нашим монархам?”

“Ты судишь благородно и по-женски, - улыбнулся Моралес, - но притязания сидящих на троне иные – им, как ты заметила, не довольно, да и правы венценосцы. Испания станет ровень с великими государствами Европы. Дерзким амбициям благоволит удача. Пусть потомки короля и королевы наследуют корону целостной страны. Эту славную цель поддержит наше рыцарство, и я за нее пойду воевать. Но, милая моя Мари, час похода на мавров пока не настал. Зато пришло время оказать гостеприимство Изабелле и Фердинанду – они придут в наш город Сеговию, и ты полюбишь королеву, как и я.”

“Надеюсь стать верноподданной, как мой супруг. Изабелла не слишком строга, сурова?”

“Ты можешь быть спокойна, ибо нет в тебе качеств, кроме тех, что притягивают любовь. Коварство и обман, равно как честность и благородство, она читает пронизательным своим взором в сердце, а не на лице. Мне вспоминается ее испытующий взгляд, брошенный на королевского фаворита, молодого англичанина сеньора Артура Стенли, когда тот был представлен ей. Высокая его родовитость и заслуги доблести весьма удовлетворили королеву, и

она, как и муж ее, одарила рыцаря своим расположением. Кстати, мне не случалось прежде говорить тебе о молодом иностранце?”

Мари нашла предлог выглянуть на минуту в окно, дабы муж не заметил ее замешательства, и ответила отрицательным кивком головы.

“Этот юноша отличался веселым нравом, казался счастливым, не смотря на пережитую семейную драму на родине. Говорят, в последнее время он сильно изменился, сделался печален, замкнут, молчалив. Как будто он вкусил горя слишком тяжелого, чтобы поведать о нем. Король назначил его на службу в Сицилию, где он проявил себя отлично. Но он просит Фердинанда перевести его на место более живое и опасное. Король любит такие смелые характеры и, думается, уважит прошение Стенли.”

Вошел паж Алберик и вручил Моралесу перевязанный шелковым шнурком пакет с королевской печатью. Паж добавил, что послание доставлено офицером королевской гвардии.

“Прими посыльного в соответствии с его чином, Алберик. Я сейчас же прочитаю письмо и выйду к офицеру.”

Паж покинул комнату, и дон Фердинанд, развязав шнурок и разбив печать, углубился в чтение. Мари была рада, что он на минуту забыл о ней – ей требовалось время оправиться от небрежно брошенных мужем слов о возвращении Стенли в Испанию. Когда он кончил читать письмо, она уже овладела собой.

“Вот подтверждение моих слов, - сказал Фердинанд, поднимая над головой письмо, - монархи намерены перенести на несколько месяцев королевский двор к нам в Сеговию. Изабелла равно любит всех своих подданных и посему желает удостоить чести и наш древний город – разве хуже мы, чем Вальядолид или Леон? Теперь послушай, любовь моя, что пишет государыня касательно тебя: “Наш лучший вассал! Мы надеемся, на сей раз ты не утаишь от нас дорогой бриллиант, украшение твоего дома! Не с чужих слов, но мы сами желаем судить о цене спрятанного тобою сокровища, дабы не сомневаться в его стоимости. Завладев им, ты завоевал лавровый венок славы в победе над соперниками, теперь настала очередь получить награду от нас. Иными словами, дорогой дон Фердинанд Моралес, более не скрывай от нас донну Мари!” Заглазно обласканная королевой, Мари покраснела и опустила голову.

“Дорогая, прошу, добавь чести своему любщему мужу, очаровав королеву благородством, добродетелью и красотой! А вот второе письмо. В Сицилии случились беспорядки. Преданный королю сеньор Стенли решительно и с величайшим рвением восстановил спокойствие. Можно не сомневаться, ходатайство английского рыцаря будет удовлетворено, ведь смелая просьба выйдет всегда уместной. Его ждет важная роль в кампании против мавров. Теперь, Мари, мы должны приготовиться к встрече наших царственных гостей. У нас мало времени.”

Поцеловав жену, Фердинанд отправился отдавать распоряжения о подготовке замка к приему королевского двора. “Неужели Артур появится в Сеговии вместе с монархами? Только бы этого не случилось!” – твердила про себя Мари, охваченная ужасом нежданной беды.

Приготовления замка к прибытию короля и королевы шли полным ходом. Роскошным приемом Фердинанд Моралес в бесчисленный раз намеревался выказать свое благоговейное почитание коронованных особ.

Века сосуществования испанцев и мавров на одной земле обогатили оба народа взаимным проникновением культур. Первые переняли у вторых легкую и изящную архитектуру и искусство внутреннего и внешнего украшения зданий. От невольного союза двух цивилизаций

дом Моралеса впитал все лучшее в зодчестве. Если вдобавок упомянуть о природном вкусе хозяина и его богатстве, то станет очевидно, что именно Моралес мог лучше прочих почетных горожан Сеговии разместить важных гостей.

Для приема монархов и наиболее знатных рыцарей предназначался восьмиугольный зал. Стены помещения были украшены фресками, повествующими о важнейших событиях истории Испании. Вот великий воин Пелайо, вот сцены завоевания Астурии, вот портрет безвременно умершего принца Альфонсо, брата Изабеллы. Принц закован в латы, лик его благороден, поза величественна. На заднем плане видна армия в боевом порядке. На другой фреске изображено соединение Кастильи и Арагона – бракосочетание Изабеллы и Фердинанда в кафедральном соборе Вальядолида.

Огни инкрустированных драгоценными камнями золотых светильников сохраняли впечатление величия картин в темное время суток. И днем и ночью потрясали зрителя творения кисти и красок художника. Живопись – это чудо меж мыслью и вещью. Картины немые, но говорят обо всем.

Высокие двери вели в смежный зал, пол которого был выложен мрамором, а стены драпированы гнуэзским красным бархатом. Одним из украшений этого помещения служили чередующиеся хрустальные и серебряные вазы на постаментах из алебаstra и аквамарина.

Легкая, словно летящая крыша, высокий купол, изящная форма окон – все чудеса мавританской архитектуры красили жилище Моралеса. В восьмиугольном зале расставили столы для королевских особ и приближенных к ним. Смежный зал предназначался для размещения гостей менее высокого ранга. Половину прилегающего сада Моралес приказал ярко иллюминировать, другую часть его оставить в темноте для контраста.

Заметим, что краткие эти строки не претендуют на полноту отражения всех красот и чудес, предназначенных Фердинандом Моралесом для оказания почета любимым монархам. Нет зазорного в роскоши, ибо она принята на Олимпе, а изысканность двоцов не помеха владыкам печься о подданных.

Наконец, посыльный передовой гвардии прибыл в Сеговию с сообщением о приближении высоких гостей. Моралес немедленно собрал процессию собственных вассалов и поспешил навстречу.

Мари, как все женщины Сеговии, закуталась в вуаль и стала у окна, чтобы во все глаза глядеть на небывалое шествие. И увидеть или не увидеть того, кого она видеть не хотела.

Город превратился в огромную сцену полную веселья, суматохи и возбуждения. С крыш, балконов, колоколен свисали флаги и цветные гобелены. В каждом окне виднелось женское лицо, наполовину закрытое вуалью. Если верно, что все испанки прекрасны, то вид с мостовой на окна был не менее красив, чем зрелище, открывавшееся из домов на улицу.

В звон церковных колоколов время от времени врывалась военная музыка – конница въезжала в город. Даже священники, стоявшие возле церквей в своих безликих одеждах, смягчили строгие лица и улыбались, проникшись всеобщим энтузиазмом мирян.

Воины двигались неспешным шагом. Гарцевали на лошадях убеленные сединами рыцари и безбородые юноши. Богатые седла и яркие попоны красовались на спинах лошадей. Стальные наконечники сотен копий блестели в солнечном свете. В руках всадников покачивались легкие вымпелы, другие ездоки держали тяжелые знамена с геральдическими гербами и девизами. Глаза досужих зрителей ослепляло великолепное шествие шлемов и лат, мечей и щитов,

плюмажей и плащей, бархата и шелка. Помпезность будоражит душу, заставляет быстрее биться сердца, зажигает огонь в глазах. Даже одержимая страхом Мари, жалобно твердившая про себя “Только бы не он! Только бы не он!” при появлении каждой новой фигуры молодого рыцаря, и та увлеклась сказочным очарованием парада.

Три часа торжественное шествие текло по улицам Сеговии. Наконец, пронесся слух, что главные фигуры близко и скоро войдут в город.

И вот апофеоз настал! Возгласы приветствия, крики восторга. На вороном коне, в окужении почетной охраны из кастильцев и арагонцев, появился король Фердинанд. Как красиво одет монарх, как выразительны, как величавы черты лица его! Восемь лет старшинства и глубокая вдумчивость характера придавали ему вид верховенства в венценосной чете. Люди ликовали, зная наперед безошибочным чутьем толпы, что талант Фердинанда выведет его в число могучих европейских самодержцев и доставит любимой Испании богатство, славу и преуспеяние.

Показалась Изабелла. Покинув паланкин, королева села в седло каурой кобылы. Она ехала грациозно и с достоинством, улыбками и жестами отвечая на ликующие приветствия своих кастильских подданных. А те возгласами истинного восторга выражали безраздельную преданность королеве, вступающей в свои исконные владения.

Лицо Изабеллы излучало чистоту и любовь. Нежная кожа и пышные каштановые волосы в совершенстве дополняли аристократические испанские черты лица. Пожалуй, преувеличением было бы назвать Изабеллу красавицей, но свет умных пронизательных глаз придавал чарующую силу ее благородному лику. Хрупкость и женственность Изабеллы вполне соединялись с силой характера, отвергавшего обман и неверность.

Не только рыцари и знатные вельможи сопровождали королевскую чету. Люди ученые и талантливые в науках и искусствах, лучшие умы Испании окружали просвещенных монархов, щедро поощрявших знаменитостей, которым судьба назначила поставить родину в ряд цивилизованных стран Европы.

Мари не могла оторвать взгляд от королевы. Ее сердце наполнилось безотчетным благоговением перед государыней. Она не могла объяснить себе происхождения этого чувства, но отныне в душу ее влилась уверенность в будущем спасительном монаршем покровительстве.

Среди окружавших Изабеллу лиц Мари заметила мужа. Он беседовал с королевой, и щеки его пылали гордостью. Проезжая мимо окна, в котором она стояла, супруг поклонился с почтением ищущего признания жениха. Мари удовлетворенно подумала, что после женитьбы Моралес стал еще более рыцарственен.

Шествие закончилось. Мари отошла от окна, уселась в кресло, закрыла лицо руками. Благодарение судьбе: Артура Стенли не было среди вошедших в город.

Глава 10

“Мы свиделись. Ты знаешь, без волненья
Встречать не мог я взоров дорогих:
Но в этот миг ни слово, ни движенье
Не выдали сокрытых мук моих.”

(Джордж Байрон, “Ты счастлива”, перевод А. Плещеева)

Утих шум торжественной процессии, но не возбуждение горожан. Удаленная от центров власти Сеговия ликовала, приветствуя коронованных особ. Сердца в провинции горячей сердец столичных. Приехав в древний этот город, монархи рассчитывали делом доказать равную приязнь своим подданным во всех областях Испании. Велики надежды на равенство – остановит вражду и родит дружбу.

Высокие гости с благодарностью приняли дар от депутации города – золотую вазу, наполненную драгоценными камнями. Лучшей благодарностью дарителям явилось намерение Изабеллы устроить в Сеговии свою резиденцию на целый год. Помятуя о любви человеческой природы к лести, почету и доверию, королева добавила, что слава государства и благополучие монархов зависят от доброй воли подданных. Она уверена, что они помогут восстановить законность внутри страны ради общего блага. Она не сомневается в отваге рыцарства, защищающего родину от внешнего врага. Довольные депутаты заверили Изабеллу в бесконечной верности.

К встречавшей короля и королеву свите Моралеса присоединился дон Луис Гарсиа. Монархи были наслышаны о его талантах – благочестии и аскетизме. Моралес хотел помочь дону Луису в продвижении карьеры и представил его Фердинанду и Изабелле. Дон Луис безупречно вел беседу с высокими гостями и получил достойный прием. Однако, как и всегда, он возбудил в собеседниках смутное чувство настороженности. Он рассчитывал получить какой-либо пост при дворе, но надежды его не сбылись. Чуждый разочарованию, дон Луис влился в толпу придворных, уповая на терпение и время.

Мари трепетно готовилась к торжеству, которое устраивали коронованные особы в их с супругом гостеприимном доме. В выборе наряда она усматривала важный посыл и лучший послул завоевания сердца королевы. Рассчитывая на свое чутье и вместе с тем весьма доверяя тонкому вкусу мужа, она привлекла его в советчики. Польщенный, он старался быть полезным.

Итак, прекрасные волосы были собраны в виде венца на голове. Белая вуаль из прозрачной кружевной ткани удерживалась брильянтовой диадемой и внизу прикрывала плечи. Платье голубой парчи блестело в свете сотен ярких ламп. Свободные рукава обнажали красивую линию рук. Откинутый назад богато вышитый белый воротник открывал нежную шею. Изящные белые шелковые туфли, усыпанные жемчужинами, завершали туалет – чудесный плод раздумий, обсуждений и решений.

Появление Мари было встречено по-испански темпераментным и нескрываемым восхищением. Моралес представил супругу королевской чете. Мари робко опустила голову и преклонила колена. Монарх смотрел на нее с восторгом, пораженный совершенством красоты. Затем он помог ей подняться и шутя побранил за чрезмерно усердное выражение верноподданности.

Когда Изабелла впервые увидела Мари, глаза королевы увлажнились без всякой, казалось, на то причины. Проницательный взгляд государыни уловил легкую тень на прекрасном юном лице. Едва заметная печаль на нем словно предвещала будущие тревоги королевства. Изабелла сразу прониклась лучшими чувствами к Мари, а та, еще не зная этого, всем сердцем полюбила свою повелительницу.

Как неосновательно, как лукаво мужское мнение, мол, женщина никогда не восхитится женщиной, но лишь зависть и неискренность есть в их взаимных похвалах. Наоборот, тонкость женской души, природные доброта и милосердие, очарование юной красоты девушки и благородный ум зрелой матроны доступны пониманию именно таких, как они сами. В сущности, женщина ближе к идеалу человека, нежели мужчина. И судить о сих высоких

материях не дано досужим остроумцам, ибо даже своей невеликой утонченностью сильный пол обязан слабому.

“Мы не станем бранить вас, сеньор за ту ревнивую заботу, которой вы окружили этот драгоценный камень, поместив его в золотую оправу вашего дома” – сказала Изабелла дону Фердинанду, не сводя благожелательного взгляда с Мари. Обласканная высокой особой, Мари справилась со своей обычной робостью и далее с достоинством принимала похвалы и восторги гостей.

“Она слишком хороша, чтобы дышать воздухом двора!” – раздавались голоса. Переполненный гордостью дон Фердинанд смело возражал: “Я не боюсь за свою жену, она так же искренна и верна, как прекрасна и любима!”

“Мы не сомневаемся в этом! Лик и душа Мари равно благородны, беспорочны и чисты. Пятна не украсят идеальную белизну. Посему мы не настаиваем, как прежде, на постоянном присутствии Мари при дворе, где честность не всегда в чести... Святость сохраннее у домашнего очага!” – воскликнула Изабелла.

Надо ли говорить, с какой радостью, с каким облегчением выслушала Мари великодушный вердикт государыни! Моралес сердечно благодарил королеву, а та милостиво и отчасти снисходительно приняла слова признательности, гордая своею силой вершить благодеяния.

Удар гонга призвал гостей проследовать в пиршественные залы. Приглашенные шествовали мимо зеркал и фонтанов, фресок и картин, ваз с цветами и мраморных статуй, недвижимых и неотличимых от статуй мавританских рабов, огней сотен светильников и еще многих атрибутов роскоши.

Созерцание батальных фресок восьмиугольного зала добавило боевого духа в рыцарские сердца, и без того воинственные. Король гордился вассалами, гордыми былой славой Испании. Изабелла же глядела только на портрет покойного брата Альфонсо.

“У вас когда-нибудь был брат, Мари?” – спросила королева.

“Никогда, Ваше Величество.”

“Сможете ли вы понять силу любви в моей душе к этому царственному юноше? Как взволнована я этой картиной! Не колеблясь ни мгновения, я бы променяла трон и корону на счастье прижать милого Альфонсо к сердцу, как это сделала в тот день, когда он прощался со мной... Как оказалось, навсегда... Ваш муж говорил вам когда-нибудь о нем?”

“О, часто, часто, моя королева! Он говорил, и на глазах его блестела влага!”

Изабелла благодарно посмотрела на собеседницу, чувствительно пожала ей руку. Подошел Моралес с золотым кубком, который он намеревался подать царственной особе. Как и положено было в тот век, он сделал это, встав на колени, и первый глоток вина испил сам. Должно быть, разумен обычай, коли он примиряет с действительностью.

В разгар торжества зазвучала военная музыка. Ярко блестели хрустальные бакалы, наполненные знаменитым испанским вином. Вокруг стола раздавались шутки и смех. Рыцари не скупались на почтительные и хвалебные слова в адрес королевы. Чуть-чуть отступая от традиционного благочестия, Изабелла не возражала против свободного разговора дам с мужчинами. Разумеется, женщины опускали вуали, оставляя открытой то большую, то меньшую часть лица, подчиняясь фантазии кокетства. Как всегда, в руках испанок мелькали

веера – испытанное орудие любовной игры, которую в других странах дамы ведут с помощью глаз и голоса.

Снова прозвучал гонг. Вошел паж Алберик и сообщил о появлении новых гостей. Следуя долгу гостеприимства, Моралес поспешил вниз встретить вновь прибывших.

Наслаждаясь прелестью беседы с королевой, Мари не заметила последних движений в зале. Приветственные возгласы короля привлекли ее внимание. Она глянула через перила вниз. И, о, ужас! Стенли!

Лицо и губы Мари сделались бледны. Страх, почти отчаяние, охватили болящую душу. Мысленно она отдаляла неотвратимое, но реальность непривычна щадить. Она незаметно отступила на шаг назад в тень и, ухватившись за спинку кресла королевы, устояла на ногах. Сила духа одержала верх. Мари овладела собой, и только бледность выдвала пережитое потрясение.

Не сомневаясь, что встретит короля, Артур Стенли оделся в лучшее, что было у него. Не останавливаясь подробно на мужском наряде, скажем лишь несколько слов о мече Артура. Простой эфес не украшали драгоценные камни, но он блестел безукоризненной полировкой. Неброские ножны скрывали клинок лучшей английской стали. Стенли не обижался на шутки, мол, бедному иностранцу не по карману роскошный испанский меч Толедо. Он отвечал, что оружие досталось ему по наследству от отца, которому служило верой и правдой. А теперь сын на деле являет достоинства английского булата.

“Добро пожаловать, сеньор Артур Стенли! – воскликнул монарх, дружелюбно протягивая руку гостю, - клянусь святым Франциском, мне никогда не выучить, как называется ваш титул на родине!” Стенли почтительно преклонил колено. “Вернулся с новыми лаврами, юноша? – продолжил Фердинанд, - похоже, ты сделаешь нас своими должниками!”

“О, нет, мой государь, такого не может случиться! – горячо ответил Стенли на шутку Фердинанда, - я счастлив вновь и вновь доказывать Вашему Величеству свое мужество! Но моя преданность, как бесконечна бы она ни была, никогда не оплатит доверие испанской короны ко мне. И потому я вечный ваш должник!”

“Мы не сомневаемся в тебе, мой мальчик! – сказал король, - завтра мы с радостью послушаем о твоих доблестных деяниях в Сицилии. Мы надеемся, что твой преемник окажется не хуже. А сейчас занимай место за столом и празднуй с нами. Хотя, погоди, кажется наша изумительная хозяйка еще не приветствовала тебя! Изабелла, куда ты подевала донну Мари? Я видел ее возле тебя!”

“Да, исчезла! – озираясь воскликнула королева, - дон Фердинанд, мы просим вас позвать вашу жену!”

“Я здесь, Ваше Величество!” – сказала Мари, выходя из тени. Она стояла молча, яркий свет лился на ее лицо и фигуру. Но Стенли было достаточно услышать голос, чтобы узнать ту, которую любил.

Все глядели на Артура, доблестного героя этого дня, а он смотрел на Мари, и растерянный взгляд его выражал недоумение, замешательство, недоверие.

Это Мари? Она жена Фердинанда Моралеса? Такое возможно? Если она была такой, какой была, то могла ли стать другой? Минул год, чуть больше. Она сказала мне, что никогда никого не

полюбит и никому не будет принадлежать. Эта Мари и та Мари из Кедровой долины – один и тот же человек? В сумятице чувств он не мог поверить этому. Но голос?

Однако, овладевшая собой Мари любезно произнесла, что весьма рада приветствовать в своем доме друга ее мужа. Сбитый с толку Артур не нашел слов. Он почтительно поклонился и молча удалился на свое место.

Его скупой ответ на приветствие красавицы-хозяйки не вызвал удивления. За последнее время все успели привыкнуть к его сдержанности с женщинами. Усилием воли он замкнул в глубине сознания мысли об ужасном открытии и откликнулся на призывы боевых товарищей рассказать о подавлении бунта в Сицилии.

Мари робко посмотрела на мужа. Взгляд ее был встречен ободряющей улыбкой, отчасти успокоившей ее раненую душу. Моралес не заметил мимолетной бури чувств.

Но не таков был некто другой. Тот, кого Мари боялась и ненавидела, незаметно для нее находился рядом. С дьявольским ликованием этот человек внимал немому красноречию лиц Мари и Стенли. Вот недостающее звено в цепи его интриг!

Монархи покинули празднество, но оно на этом не закончилось. Приглашенные выказали желание осмотреть комнаты, сад, фонтаны. Постепенно гости разошлись.

Мари вышла в сад. Ночной прохладный воздух нес облегчение ее смятенной душе. Она брела по знакомой аллее. Подошла к любимому месту – статуя русалки посередине тихого искусственного озера. Звезды и луна отражались в воде. Тишина.

“Мари! – прозвучал голос Артура, - ты та самая Мари ? Фальшивая, двоедушная...”
Неожиданность, испуг, сумятица чувств заставили ее попятиться назад. Еще мгновение, и она упала бы в воду. Твердая мужская рука удержала ее. Мари отпрянула от Артура. Она стояла прямо, молча.

“Говори! Не молчи! – воскликнул он вместе грозно и с мольбой, - мои чувства обманывают меня? Ты так похожа на ту, что я боготворил! Ее тоже звали Мари. И голос ее звучал, как твой. Это только сходство, совпадение? Говори, скажи, что ты не та, что не тебя я видел в Кедровой долине, мною любимую Мари!”

“Я та самая Мари! Я стала другой. Я лжива и жестока. Оставьте меня, сеньор Стенли. Слишком поздно объяснять!”

“Слишком поздно? – гневно воскликнул Артур, - небом клянусь, ты должна объяснить! Ты обратила истину в ложь, чистоту в абсурд, ты разбила мне сердце! Говори!”

“Я заговрю. Но не сейчас. Молю, Артур, ради той любви, оставь меня. Я не могу сейчас ни говорить ни слушать!”

“Я уйду, но ты должна снова встретиться со мной! Ты не можешь отказать мне, ты не можешь пасть так низко, чтоб не объясниться с тем, кого любила! Случившееся – гнусность! Я уйду, но мы встретимся еще!” – вымолвил Стенли и зашагал прочь.

Артур удалился. Вышла из-за облаков луна. Мари заметила отражение в воде темного силуэта. Обернулась и увидела сияющее лицо ненавистного дона Луиса Гарсиа. Затаившись в кустах, он все слышал. Он взглянул на нее змеиным взглядом ядовитого василиска. Потом быстро отступил в темноту и исчез.

Собрав последние силы, Мари скорым шагом поспешила к дому. Фердинанд Моралес встретил ее.

“Мари, дорогая, ты здесь и одна? Почему ты дрожишь? Что случилось?”

Еще минута, и она бросилась бы к его ногам с запоздалым покаянием. Умоляла бы о прощении, о защите от Артура и от нее самой. Но прежде чем открылись ее уста, она прочитала в лице мужа, что тревога за нее не стерла занеки счастья минувшего вечера. Он дождался желанного. Она не осмелилась нанести удар его чувствам, она не имела права причинять ему горе. Мари обвила руками шею Фердинанда и разразилась слезами. Он нежно прижал ее голову к своей груди.

“Ты утомлена, моя любовь! Ты чистое и слабое существо. Как славно, что королева не требует твоего неизменного соседства с тронем! А твой супруг не столь честолюбив, чтобы тщеславно наслаждаться победным блеском своей жены при дворе. Наоборот, я счастлив тем, что ты принадлежишь лишь мне. Улыбнись, все хорошо у нас. Тебе необходимо отдохнуть!” – сказал Фердинанд и на руках отнес Мари в ее покои.

Глава 11

“Но Родрик обернулся к ним,
Огнем безжалостным палим.
Все – стыд, и боль, и пыл, и злость –
В багровом пламени слилось:
Отныне Родрик удалой
Вернулся к ревности былой.”

(Сэр Вальтер Скотт, “Дева озера”, перевод П. Карпа)

“Я думаю, Педро, наш постоялец малость не в своем уме. Молодой сеньор все ночи напролет расхаживает по комнате, разговаривает сам с собой, произносит безумные слова, да так яростно жестикулирует, что если б не его красивое лицо и добрые глаза, я б затряслась от страха!”

Так говорила своему мужу старая Джоана Лопез через десять дней после того, как в их доме стал на постой Артур Стенли. Старик Педро ответил в том смысле, что англичанин явился с дикого острова, где жители только и знают, что резать друг другу глотки, и чего же ожидать от варвара?

“Пусть он иностранец! Он еще мальчишкой покинул Англию и теперь верно служит нашему королю, и не важно вовсе, что он не родился в Испании и не испанец по крови!” – возразила Джоана.

Педро был недоволен присутствием иноземца в доме, и ему не нравилось благоволение короля к англичанину. “Ясно, это не Изабелла, благослови ее Боже, избрала себе такого фаворита! Ради Фердинанда она терпит его. Боюсь, молодчик еще натворит немало зла. В голове помешанного весь мир перевернут. Храни нас, святой Яго, от бед!”

“Педро, ты лицеприятен! Да разве у замышляющего зло будет такое прекрасное и доброе лицо? С бедным юношей произошло какое-то несчастье. Глаза его ясные, а улыбка печальна. Я зря сболтнула, что он не в своем уме!”

“Глупый твой язык! Вы, бабы – дуры! Думаете, если кто вышел статью и лицом, то он во всем хорош! Вот тебе и мил этот белокожий да голубоглазый дикарь. А уж если пошло на то, чтоб о красоте говорить, то и я не последний среди мужчин! Протри глаза, Джоана!”

“Нет, Педро, дорогой, это тебе, старому ревнивцу, глаза застелило! Старые безумцы еще безумнее молодых!”

В знак окончания словесного боя с супругой Педро вышел из дома, громко хлопнув дверью. Джоана принялась готовить трапезу для постояльца. К разочарованию хозяйки, гость оставил почти нетронутыми плоды ее кулинарного рвения.

Мозг Стенли без усталости денно и нощно вгрызался в прошлое, вопрошал, искал ответы. Мари открыла ему тайну – она иудейка – и другой бы испугался высоты барьера. Однако, устройство природы Артура особенное – трудность цели его не останавливает, наоборот, толкает навстречу ей.

Он соглашался пренебречь мнением света и наказами попов, что было невообразимо много в тот фанатичный век, и только честь он не делал предметом мены. Стенли не мог вообразить, что для Мари вера отцов не менее значима, чем честь для него.

Мари объясняла свой отказ долгом верности отцу. Если так, то положение небезнадежно. Прошло бы время, прервалась бы связь с родителем, и Мари могла бы стать Артуру женой. Стенли не сомневался в ее любви и потому надеялся. Увы, случилось непоправимое.

Как больно сознавать себя жертвой коварства, как трудно видеть возлюбленную принадлежащей другому, как тягостно их счастье! Не в силах перестать любить, Стенли все перебирал в памяти каждую встречу и каждое слово – ее и свое. В чем разумная причина измены? Он не находил ее, и ум его вконец затуманился. Бедствие обманутого горше безответной любви. Плутая в лабиринте ложных посылок, он додумался до абсурда: дон Фердинанд и он стали жертвами колдовства – средства, которым иудейское племя добивается любви христиан.

Стенли должен был участвовать в жизни двора. На людях он скрывал страдания, но дома, наедине с самим собой, давал выход бушевавшим в сердце чувствам, да так рьяно, что даже благосклонная к молодому постояльцу Джоана заподозрила его в помешательстве.

Почтение к Фердинанду Моралесу сменилось в душе Артура на глубокую неприязнь, впрочем, естественную. Обдумывая эту перемену, он пришел к решению, что причина ее заключается в той легкости, с которой Моралес, вылепленный, как полагал Артур, из той же глины, сумел завоевать Мари, в то время как он, Стенли, готов был жертвовать столь многим, а не добился ничего!

Минули две недели, как Артур решил снова говорить с Мари. Однако, он пока не чувствовал, что обрел необходимое самообладание для холодной бесстрастной речи. Король несколько раз просил Стенли передавать послания Моралесу. Эти поручения Артур выполнял сухо, вручая пакет, быстро откланиваясь и удаляясь.

Как-то в утренний час, проходя по главной улице Сеговии, Стенли услышал за спиной изощренно-изысканное приветствие. То был его мимолетный знакомый дон Луис Гарсиа.

“Куда так рано направляется почтенный сеньор?” – спросил дон Луис, завершая тираду многословных благопожеланий.

“В имение дона Фердинанда Моралеса с письмом...” – последовал рассеянный ответ.

“Должно быть, депеша от короля?”

Стенли ответил кратким непритязательным “да”. Поглащенный своими мыслями, он даже не рассердился на бестактное любопытство. Дон Луис пристроился к Артуру и пошел рядом.

“О, дон Фердинанд Моралес высоко ценим Его Королевским Величеством! Заслуги Моралеса столь велики, что он по праву стал фаворитом короля, не так ли, сеньор Стенли?”

“Монархи не жалуют благоволение незаслуженно!” – резко ответил Артур, и перемена его тона не ускользнула от дона Луиса и порадовала его.

“Дон Моралес – всеобщий любимец, отмечен многими талантами. Он обращает в золото все, к чему прикоснется. Он сказочно богат. А главное его достояние – это прекрасная жена-красавица. Скажите, сеньор Стенли, вам доводилось видеть существо более совершенное, чем донна Мари?”

С удовлетворением отметив, как по лицу Стенли пробежала тень, дон Луис продолжал красноречивый панегирик в адрес Мари. Потом он вдохновенно заговорил о взаимной любви меж супругами, о гармонии и прочности их брака, о прекрасном союзе родственных сердец. Дон Луис упивался болью, причиняемой собеседнику. Стенли слушал молча, подавляя бурю чувств. Наконец, попутчик его откланялся.

Дон Луис торжествовал. Он смиренно опустил глаза, чтобы случайный прохожий не заметил в них блеск бешеной радости. Зрелище чужого страдания необходимо для счастья. “Эти люди взобрались на вершину башни счастья, а теперь они скатились вниз! Я поусердствую, дабы сделать их падение ужасным, насколько возможно. Я долго ждал, теперь настало время действовать!”- думал дон Луис Гарсиа. Завернувшись поплотнее в плащ, он обогнул огромный сад Моралеса и вошел в боковую калитку.

Артуру нелегко досталось сохранение внешнего спокойствия, пока коварный знакомец лил ему в уши яд сладких речей. Приняв посланника, Моралес заметил, что в сердце юноши бушуют страсти, и тревога, а то и горе, разъедают больную душу. Возможно, взволнованный Стенли не был безукоризненно почтителен с Моралесом. Но тот, видя скорбное смятение духа, оставался великодушен и приятной речью старался облегчить груз тайной тоски.

Исполнив королевское поручение, Стенли распрощался с Моралесом и покинул приемный зал. Идя вдоль сада, он различил сквозь ограду знакомую фигуру. Мари неспешно шла по садовой тропинке. Желание немедленно встретиться с нею и узнать причину перемены пересилило волю и здравомыслие. Плохо сознавая, что делает, Артур вернулся. Не будучи приглашенным, он вошел в дом и проскользнул незамеченным в сад. Еще минута, и Артур стоял против Мари.

Глава 12

“Если так глядит притворство, небеса притворны.
Я этому поверить не могу.”

(Уильям Шекспир, “Отелло”, перевод Б. Пастернака)

Едва дон Фердинанд Моралес вышел из дома, как услышал за спиной звук робких шагов. Обернувшись, он увидел дона Луиса Гарсиа, который приветствовал его с печальным

выражением лица и неуверенностью в голосе. Никогда не скупящийся на сочувствие к ближнему, Моралес осведомился, не случилось ли несчастья.

“Сохрани Боже от несчастья, дон Моралес! Вот только разлад мыслей терзает мой дух. Хранить молчанье – худо, ведь равнодушие преступно. Однако говорить – мучительно, ибо причинять горе противно миролюбию моей души. Непосилен груз противоречий, мне надобно спасительное наставление...”

“Мой друг, вы просите совета, и я готов служить, ибо совет полезен тому, кто бескорыстно ищет знаний. Однако, объяснитесь яснее, - с полуулыбкой ответил Моралес, - слова ваши показались мне туманны. Я не сомневаюсь, что такой прямой и честный человек, как вы, не остановится пред выполнением долга, каким бы трудным он ни был!”

“Разумеется, дон Моралес! Беда, однако, в том, что дело сложно, путано и нелогично. Я вправе бездейственно созерцать ход дурных деяний, которые и без меня наружу выйдут. Открывшись, принесу горе там, где должен бы доставить радость. Возможно, могу остановить худое, но рискую впасть в немилость за мнимую ложь. Впрочем, моя боль второстепенна...”

“Мой добрый друг, в чем же состоит сия головоломка?”

“Суть дела такова. Некая жена лжет мужу, которой беззаветно верит ей. К женщине вернулся возлюбленный юности, и мысли ее о нем, и они тайно видятся. Я мог бы предотвратить встречу, призвать обманщицу к лучшим чувствам, вразумить мужа, наконец! Но вправе ли посторонний вторгаться в дела супружеские? Об этом наставлении я и просил вас, дон Фердинанд Моралес!”

“О, дон Луис Гарсиа! Угроза чести – великое бездолие. Если известные вам основания серьезны – ваш долг сказать!”

“Кому?”

“Пастырю заблудшей овцы – ее мужу!”

“Положим. Но это значит, что вкушающего радость бытия я ввергну в ад ревности и подозрений!”

“Мы проклинаяем лекаря, причиняющего боль, но исцелившись, любим его. Вот совет мой, дон Луис: расскажите мужу известное вам, не утаивая и не прибавляя. Одну только простую правду. Кто знает, может статься, что объяснившись, муж и жена не сойдут с пути счастья. Ведь вещи выглядят со стороны, порой, обманчиво, не так ли?”

Дон Луис медлил, размышляя и сомневаясь. Допустим, он просветит Моралеса, но если тот станет действовать, как только что сказал – благоразумно и не теряя головы – то не повредит ли это заветным планам? Однако, промедление повредит им еще больше: Стенли сейчас объясняется с Мари, и обидно будет, если ревность мужа не поспеет к этой сцене.

“Да укрепит Бог ваши силы, мой бедный друг! – произнес дон Луис полным сочувствия голосом и положил руку на плечо Моралесу. Тот вспыхнул, боль пронзила сердце, он с трудом устоял на ногах. Чужая беда – трофей рассудка, своя – добыча страсти.

“Дон Луис Гарсиа! Я понял вас. Я – тот несчастный муж! Где негодяй, покусившийся на доброе имя и честь? Мари, моя Мари? Могу ли я поверить? Говорите правду, дон Луис, и я не отвергну вас, как лжеца. Я не отступаю от своих слов!”

Дон Луис не нуждался в повторной просьбе. Он выложил Моралесу наблюдения своего проницательного ока. Рассказал, как заметил неравенство любви, как росли и подтвердились подозрения, как Мари и Артур взволновались, встретившись на приеме у монархов, как объяснялись они ночью при луне, как Артур потребовал свидания, и в заключении добавил, что, должно быть, они сейчас в саду.

Дон Фердинанд терпеливо слушал и глядел на благонамеренного осведомителя твердым стальным взглядом, который мог выдержать только законченный лицемер. Лишь один раз дрогнуло смятенное сердце мужа – он вспомнил, как плакала Мари той ночью. Она роняла слезы ему на грудь!

“Я выслушал вас, дон Луис Гарсиа. Благодарю, если сказанное – правда. Если ложь – остерегаю: не попадайтесь мне на глаза, дабы не быть раздавленным, как насекомое!”

Дон Фердинанд повенулся и исчез в глубине дома. Дон Луис смотрел ему вслед, смеясь дьявольским смехом. Затем направился к знакомой ему калитке.

“Сеньора дома?” – спросил Моралес служанку жены, и та ответила, что Мари в саду. “Почему, Мануэла, вы не с ней, как обычно?”

“Мой господин, она отослала меня десять минут назад.”

Моралес двинулся в направлении, указанном Мануэлой. Он шел по тенистым аллеям, обнесенным апельсиновыми и лимонными деревьями. Сладкий аромат кружил голову. Вот поворот к фонтану, за ним беседка. Моралес вспомнил, как он любовно выкапывал саженцы в Кедровой долине, чтобы соорудить стены и кровлю для этой легкой постройки. Вспомнил, как называл беседку “нашим домом”, когда сживал в ней с Мари.

Моралес подошел ближе. Беседка не пустовала. Он различил голос Мари. Его слуха достиг другой, мужской голос. Кольнула боль ревности. Дон Луис был прав. Мари не одна. Она отослала служанку. Моралес должен был идти вперед, взглянуть беде в глаза. Но не бесконечно мужество, и твердость духа не беспредельна. Он опустился на скамейку поблизости. Глаза не видели, но уши не могли не слушать. Кинжалы слов вонзались в сердце. Никогда он не испытывал подобной муки.

“Неслыханное превращение! И ты не назовешь его причину, хоть пустейшую, не снизойдешь до оправдания измены? – прозвенели в тихом воздухе слова Артура Стенли, - я знаю, сила и богатство неудержимо манят женщин, но не думал, что такова и ты! Так быстро справиться с любовью, одолеть препятствия, по твоим словам неодолимые, и выйти замуж за другого! Как много можно успеть за короткие полгода!” – с горьким смехом произнес Стенли.

“Срок огромный для терзающейся души...” – пролепетала Мари.

“Для терзающейся души! Какая ложь! Явился фаворит монархов, народный идол, крез – и, шутя, покорила тебя! А я кто? Изгнанник, иностранец. Чем я богат? Мечом, честью, любовью. Такой верной, такой высокой любовью! – при этих словах голос Артура смягчился, но тут же вновь окреп, - но что для тебя любовь против тщеславия! Я, гупец, поверил в небылицу! Ты не любила никогда, но вызвала мою любовь, чтоб насладиться своею силой. Ты стала женой Моралеса, оставив мне обломки счастья... И все же я люблю тебя... О, видит Бог, как глубоко!”

“Артур, - бескровные губы Мари дрожали, она едва произносила слова, - я принесла тебе горе... Но не кори меня напрасной виной. Без сердца, лишь умом холодным рассуди и вспомни все. Разве радовалось я силе своей, о которой и не подозревала до того, как поняла, что ты полюбил

меня? Разве не говорила я тебе, что любовь нашу мы должны забыть, что судьба повелевает нам расстаться, что никогда не буду я твоей? Злополучной красотой и неуместной любовью я принесла страдания обоим. Ни в чем, слышишь, ни в чем я не обманула тебя... Клянусь... Прошу, не добавляй мне грехов несовершеннолетних!”

“Пусть так! Но если история твоя правдива, то почему ты стала женой Моралеса, запрещенного тебе так же, как и я? Чему могу я верить? Ты клянешься ложно! Ты не любила, коль ухитрилась столь быстро перевернуть свой мир!”

“Довольно, сеньор Стенли! – на сей раз твердо произнесла Мари, - я готова остаться клятвопреступницей в твоих глазах, но взамен уничтожь в душе память обо мне, о недостойной! Покрывало тайны, окутывающей меня сейчас, еще плотнее, чем прежде, и я не скажу ни слова более, чтоб обелить себя в твоих глазах. Обрати любовь ко мне в презрение и покинь меня!”

“Нет, не отсылай меня с опустошенным сердцем, - горячо воскликнул Артур и бросился к ее ногам, - скажи, что не по своей воле, но по принуждению чуждой внешней силы ты стала женой гордого испанца. Скажи, что не полюбила его, а меня, как прежде любишь, и я смирю свой дух и тебя благословлю!”

“Чего ты требуешь, сеньор? Долг жены, благодарность супругу и почитание его – святыни для меня! Услышишь то, что просишь, и стану презираема тобою. Встань с колен, Артур! Твое уничижение предо мной равно чуждо и тебе и мне. Оставь меня. Эта встреча наедине – последняя!”

Артур Стенли почувствовал в решительных словах Мари звучание благородства правды, хоть и не открытой до конца. Упреки пролетели мимо цели.

У Стенли кончились слова. Он поднялся, чтоб уйти. Вдруг страшное проклятие сорвалось с его уст. Мари подняла голову и увидела мужа.

Твердой речью своей Мари укрепила собственное сердце, но сокрушила дух Артура. К отчаянию его прибавился гнев. Он увидел Моралеса, и безумие ярости овладело им.

“Тиран и трус! – вскричал одержимый дикой страстью Стенли и выхватил из ножен меч, - как смеешь ты шпионить? Ты ограбил меня! Ее любовь принадлежала только мне! Гнусным обманом и грубой силой ты взял сокровище, цену которого тебе не дано понять! Ты уклоняешься от поединка? Обнажай меч, или я ослаблю тебя трусом на весь мир!”

Испуганная Мари бросилась между ними. Она бы упала, не поддержи ее Моралес левой рукой. Его единственной защитой от клинка Артура была безоружная правая рука, которой он заслонил грудь и голову.

“Убери меч! – решительно воскликнул Моралес, глядя на противника скорее с жалостью, чем с ненавистью, - я не буду драться с тобой. Говори обо мне, что хочешь. Я не боюсь ни языка твоего, ни меча твоего, ни тебя самого! Очнешься от безумия – и раскаешься в безрассудстве! Себя простить тебе труднее будет, чем мне простить тебя! Иди!”

“Я не могу драться с незащищенным противником, - процедил Стенли, - а теперь слушай меня, дон Фердинанд Моралес! Мы были товарищами по оружию, но это в прошлом. Теперь я твой враг! Я клянусь взять твою жизнь или потерять свою! На краю света я разыщу тебя, скрытый под личиной благородства трус!”

Презрительный смех, с которым Стенли вложил меч в ножны, должно быть, подсластил ему миг страдания. Он повернулся и зашагал прочь, и звон шпор был слышен в тишине сада. Мари в ужасе взглянула на мужа. Она не прочитала в лице его ни гнева, ни осуждения. Несчастливая разрыдалась, лишилась чувств.

Глава 13

“Остался мне надежды дым.
Грядущее не сопрягай с былым,
Спроси: ты разве не любила?”

(Эдвард Бульвер-Литтон)

“О, уходя, не покидай!
Прости: я причинила зло,
Но то, что было – то прошло!”

(Эдвард Бульвер-Литтон)

Сознание постепенно возвращалось к Мари. Непомеренные тяжесть и боль давили на сердце и мозг, словно их перетирали поместившиеся в ее теле огромные мельничные жернова. Мужа не было рядом. Она горько подумала, что, пожалуй, впервые он оставил ее в трудный час.

Перед мысленным взором Мари сменялись одна за другой картины утреннего потрясения. Она спросила себя, зачем ей жить? Умереть – вот идеальная развязка. Отчаянная эта догадка вспыхнула ярко, но угасла быстро. Не слишком ли легкий путь к спасению? Разве она наказана сполна, чтоб самочинно завладеть милосердием судьбы? Любовью к одному она разбила сердца двоих!

Но разве она хотела зла? Нет! Она желала творить только добро – другим и себе. Она не лгала. Утаить часть правды, чтоб не учинить беды – разве это ложь? Или грех? Нет! Источник всех несчастий, отмеченных ее прикосновением – жестокая судьба! Так вера в провидение избавляет от вины.

Мари терзалась мыслью о причиненной Фердинанду муке – какая несправедливость в ответ на его высокую любовь! Она сознавала явственно, что сейчас она любит его так сильно, как никогда прежде. Что до чувства к Стенли, то в минуту мысленного покаяния пред мужем, помехой жалости звучали в ее ушах гневные слова и срашные угрозы Артура.

Старший слуга осторожно вошел в комнату Мари. Ее встревоженный взгляд и опасливое молчание сказали чуткому его сердцу больше, чем выразили бы красноречивые слова. Кто ни о чем не спрашивает, тот лучший утешитель.

“Дон Фердинанд отбыл к королю по срочному вызову. Он медлил, дожидаясь, пока вы не начнете приходить в себя. Убедившись, что здоровью вашему ничто не угрожает, он уехал.” – мягко произнес слуга.

“К королю, - повторила про себя Мари, - мужественный, он продолжит исполнять свой долг, хоть сердце его разбито... Он забудет думать о его драгоценной прежде, а ныне горемычной жене... Поделом. Я погасила светильник его счастья... – Доложи, когда он вернется, - сказала она вслух, - и попроси слуг не беспокоить меня.”

Мари осталась в комнате одна. Напрягая слух, ждала знакомые шаги. Кажется, раздались. Помедлив, позвала Алберика. Паж вошел.

“Сеньор давно вернулся?”

“Полчаса назад, госпожа. Он проследовал в свои покои и просил не тревожить его.” – ответил Алберик.

На десять минут, не более, простиралось терпение Мари. Она вошла к Моралесу. Он сидел к ней спиной, погруженный в себя. Не обернулся. Мари подумала, что в первый раз муж не услышал ее бесшумные шаги.

Кого-нибудь другого такие горести сломили бы или пробудили бешеную ярость. Но Фердинанд сохранил твердость духа, ничем не выдал бедствия раненой души. Всепоглощающая мысль сверлила мозг – он никогда не был любим! Отец и дочь обманули его. Он вспоминал события в Кедровой долине перед свадьбой. Так вот почему старый Энрикес заклинал его любить Мари, не взирая ни на какие жизненные перипетии! По причине крайности случаются открытия.

“Фердинанд.., - едва пролепетала Мари, обнаружив себя и упав на колени перед мужем, - не отворачивайся от меня, не ненавидь меня, у меня никого нет, кроме тебя, - и она зарыдала, проникшись страхом реальности собственных слов.

Ее трогательная беззащитность заслонила его собственную муку. Он поднял ее с колен, обнял, и она почувствовала на своих щеках, как его горячие слезы смешались с ее слезами. Так стояли они долго и молча. Мари первая подала голос. Она молила выслушать ее прежде, чем она примет упрёки.

“О, супруг мой! Если не можешь более любить – я приму эту кару. Но только прости! Я не хотела зла. Мысль, что узнаешь о Стенли не от меня, стала моим кошмаром. Невыносимую терпела боль, принимая твою любовь и ласку с камнем обмана на душе. Но я слаба, и я боялась. Не могла причинить тебе страдание и потерять твою любовь страшилась. Худшее сбылось. Заклинаю тебя, прости!”

“Верю, ты хотела быть правдивой. Но по чувству долга, не из любви! Ты любила другого, и могу ли я вынести это, Мари?”

“Можешь, Фердинанд! Я люблю тебя! Тебе одному принадлежит мое сердце. Возьми его – ведь я твоя! Прости и люби меня! Былое осталось в прошлом. Навсегда!”

“И любимая навсегда! – подавляя собственные муки, не без труда вымолвил Моралес, дабы словами этими облегчить груз ее невзгод, - а теперь откройся и поведай то, что я должен был знать раньше. Ничего не бойся, я – нерушимая твоя опора!”

Мари рассказывала Фердинанду историю греховной любви, с готовностью перекладывая печали из своей души в его. Моралеса тронули ее по-детски доверительные речи, целящие своею искренностью. Сам не замечая, он все крепче прижимал Мари к себе. Он ловил ее горячие слова и утирал ее горячие слезы. Он претерпел удар, но свежий ветер ее признания совершенно разогнал тучи несчастья.

“А Стенли? – спросила Мари, осмелев, - ты простишь его, Фердинанд? Он не сознавал, что говорит!”

“Мне жаль его. Постараюсь простить. Надеюсь, он примет жизнь, как есть. Чего не избежать, то нужно достойно встретить и можно презирать.”

Изрядное разочарование постигло дону Луиса Гарсиа. Прискорбен результат его затеи – любовь между Мари и Фердинандом лишь окрепла. Жена почувствовала себя спокойнее и увереннее под крылом у мужа. Однако, неудача не охладила мстительного пыла дону Луиса. Встреч с ним Моралес избегал. Если им случалось говорить друг с другом, Фердинанд бывал краток и высокомерен. Скорее всего, заподозрил злонамерение доброхота.

В сердце Мари поселились чувства безопасности и тихого счастья. Она была надежно защищена и не грешна перед защитником. Но на дне души шевелилась тревога. Она страшилась встречи с Артуром. Мари в своих молитвах просила Бога, чтоб ниспослал мир в его сердце. Она отвернулась от него, но он не стал ей безразличен. Колочая мысль напоминала Мари о грехе пред ним и пред собой: она никогда не сможет открыть Стенли правду об истинной причине своего замужества.

Монархи имели обыкновение раз в месяц собирать совет по важнейшим государственным делам. Приглашались умнейшие из приближенных, и, конечно, Фердинанд Моралес был постоянным членом совета. Соборания начинались поздно и продолжались за полночь.

Приближался день очередной встречи. Моралес чувствовал необъяснимую тяжесть на душе. Чуждый мистике и насмешник над глупыми приметами, он гнал прочь настроение тревоги. Наступил день совета, и груз лег на сердце, и, кажется, даже дышать стало нелегко. Он зашел к Мари для прощания. Она стояла у открытого окна. Воздух был тих, как перед бурей.

“Ты идешь на совет, дорогой? Не рано ли? Ты бледен. Тебе нездоровится. Пожалуйста, пропусти раз, побудь со мной.”

“Я должен идти, любимая. Я бы хотел провести с тобой этот вечер, но не привык уклоняться от исполнения долга. Не тревожься. Свежесть взбодрит меня.”

“Смотри – не дрогнет лист. Тишина обернется бурей, темнеет, и тучи затянули небо.”

“Ожидание буйства стихии гнетет нас. Пусть буря разразится, а когда утихнет, то и безосновательная тревога наша забудется.”

“Если идти неизбежно, то не медли, успевай до непогоды!”

Фердинанд поцеловал Мари на прощание. Затем, повинувшись какому-то неясному порыву, судорожно обнял ее, прижал к своему сердцу и вымолвил горячо: “Пусть Бог навечно благословит тебя, моя единственная!” С этими словами он ушел.

Моралес вышел из дому. Почти стемнело. Воздух и жара давили своею тяжестью. Люди попрятались в домах. Улицы опустели, лавки и мастерские ремесленников закрылись. Глядя на запад, Фердинанд различил в последних закатных лучах черную тучу. Она медленно росла, подвигалась к центру небосвода. Верх ее был озарен багровым светом, будто огромное животное истекало кровью. Грянул гром, бешеные молнии набегали одна на другую, разрывая черноту ночи. Под проливным дождем Моралесу осталось пройти последний отрезок пути, называемый “Одинокой улицей”.

В этот жаркий вечер незадолго до заката Артур Стенли вернулся домой после утомительных военных упражнений. Он снял меч, беззаботно отбросил его в сторону и с жадностью выпил

большой бокал вина, всегда ожидавший его. Он улегся на кровать, и сон сморил его. Столь крепкий, что дыхания почти не слышно было.

Все последние дни Артур только и думал о встрече с Мари и Моралесом. Вспоминал и перебирал в памяти каждое слово. Военные обязанности исполнял в силу привычки, почти бессознательно. Он утешался своей убежденностью в искренности Мари – он поверил, она не лгала. Но неоткрытая до конца тайна теснила дух. Он стал одержим фанатичной страстью уничтожить Моралеса в поединке, или свою жизнь отдать. Стенли тешился картинами смертельного боя с обидчиком, и бесконечно строил планы встречи с ним.

Необычайной силы раскат грома вырвал Стенли из глубокого сна. Тяжесть воздуха давила грудь, железные обручи боли стискивали голову. На мгновение молния осветила комнату, Артур заметил ножны и успел открыть окно. Комната снова погрузилась в плотную тьму. Он укрепил ножны на поясе, но не нещупал рукой эфес. Меча не было.

Стенли пытался вспомнить, куда положил оружие. Шатающейся походкой он обошел темную комнату с намерением отыскать пропажу. Удивительно, но ноги едва слушались его, словно колдовское зелье сковало их. Стенли кликнул хозяев, требуя огня. Джоана и Педро не отозвались на зов чересчур возбужденного постояльца – подумали, что пьян. Затем они услышали, как жилец выбежал из дома. Благоволившая ему Джоана на этот раз подумала, что Педро, возможно, прав, подозревая Стенли в дурных намерениях: лишь ради злодеяния выйдет человек наружу в такую бурю.

Артур зашагал вперед неверным шагом. Куда, зачем он шел? Он не знал. Он словно был под действием дурмана. От молнии до молнии он преодолевал путь в сотню-другую шагов. Вот Одинокая улица. Артур шагал нетвердо. Вдруг ноги почувствовали помеху. Артур не устоял, споткнулся. Блеск небесный на мгновение осветил все вокруг. Лежащий ничком Стенли поднял голову, взглянул на остановившее его препятствие. Увиденное потрясло. Холод ужаса сковал сердце.

Глава 14

1-й монах:

Слышите? Буря беснуется, страшно нам
В глухом безгласном одиночестве...

Бернард:

О, жуткий час я пережил! Я брел своей дорогой
с лампадой тусклой. Вдруг вижу: тело мертвое
простерто на земле ничком.
И кровь свежа, дымится – знать, убит недавно.

(Джоанна Бейли, “Де Монфорт”)

На королевский совет собрались государственные мужи и доблестные воины, представлявшие Кастилию и Арагон. За окнами в ночной тьме бесновалась буря. Неистовству природы отвечало подавленное настроение собравшихся. И сам король пребывал в меланхолии, и не брал угощения с блюд, и не пил вина, и другие поступали также.

Не столь непогода, сколь отсутствие важнейшего королевского советника тревожило людей. Совет не начинался, задерживался на два часа – все ждали Фердинанда Моралеса. Без него нельзя ни обсудить дела, и ни принять решений. Где в час королевского совета может

находиться сей человек, никогда не уклонявшийся от исполнения долга и никогда не грешивший опозданиями?

“Говорят, что сильную бурю неизменно сопровождает несчастье, но это всего лишь легенды...” – задумчиво произнес дон Феликс Эстабан.

“Да? Так говорят легенды? – неожиданно спросил король, известный скептик в отношении чудес, - и есть в этом правда?”

“Кто верит в чудеса, тот верит в рассказы о них. Я не из тех. Беда случиться может, но легендой или чудом ее не объяснить!” – сказал дон Феликс, удивившись вопросу короля.

“Случись беда с Моралесом, и как ее ни объясняй – а это беда народа и страны! – воскликнул король Фердинанд, - кто видел его последним?”

“Я видел его еще до захода солнца.” – ответил дон Феликс.

“Где?” – спросил король.

“В его имени.”

“Как выглядел он? Был здоров?”

“Он жаловался на угнетенность духа, чему объяснения не находил.”

“Он упоминал о сегодняшнем совете?”

“Да, и с радостью! Он говорил, что заседание у короля вернет ему силы и бодрость.”

“Коль так, то нет сомнений, что произошло несчастье! - громко и уверенно сказал король, - верный мой дон Алонзо, - обратился он к одному из бесстрашных рыцарей, - отбери лучших людей и во главе отряда отправляйся на поиски. Все самые укромные тропинки обследуйте в этой кромешной тьме. Не возвращайтесь без известий, худых или добрых. Неизвестность хуже горя. Поторопись, дон Алонзо!”

Гордый доверием, рыцарь бросился исполнять приказ. Кто-то из присутствующих предположил, что, возможно, нездоровье супруги задержало вельможу. Король отмел неудачную догадку, ибо в помыслах Моралеса первенствует долг.

Минул час в ожидании возвращения дон Алонзо. Люди молчали, иногда произносили шепотом два-три слова. Напряжение и тревога нарастали. Вдруг внизу в большом зале послышались шаги многих ног и возбужденные голоса вошедших. Посланец короля проследовал наверх.

“Дон Алонзо вернулся! – вскричал король, - говори скорее, верный идальго, какую весть принес нам?”

Бледный, как мел, доблестный воин шел, спотыкаясь, навстречу Фердинанду. Опустился на ближайший стул, закрыл лицо руками, стон вырвался из его горла.

“Вина, скорее дайте ему вина! - вскричал монарх и первым протянул бокал дону Алонзо, - какое страшное зрелище заставило дрогнуть тебя? Где Моралес? Ты нашел его?”

“Да...” – едва слышно выдавил дон Алонзо, и зловещая лаконичность встрепенула сердца.

“И где же он? Почему не здесь? Что с ним? – задавал король торопливые вопросы, боясь ответа, - говори, друг, - что задержало его?”

“Смерть! – ответил рыцарь, преклонив колено пред монархом, - о, мой король, Моралес убит!”

“Убит! – повторил король, и это слово отозвалось эхом ужаса и горя во всех устах, - кто посмел поднять руку на любимца монархов и народа? И помыслить нельзя причину для вражды или ссоры с этим человеком! Нет, дон Алонзо, пожалуй, потрясенный зрелищем, ты по ошибке принял за Моралеса другого человека!”

“И я так думал. Увы, мой король! Мертвое тело в зале кровью заверяет мои слова!”

Ни слова не говоря, Фердинанд решительно направился вниз. Там в воздухе висел гул возбужденных голосов, солдаты неперебойно выкрикивали проклятия и угрозы убийце. Появление монарха заставило их почтительно замолчать. Король подошел к лежащему на носилках и укрытому покрывалом телу. Он приготовился поднять полог, и на лице его промелькнул испуг – он страшился правды.

Король решил, наконец. Отбросил ткань. Не могло быть сомнений. Знакомый высокий лоб, теперь белый и холодный, как мрамор. Остекленевшие глаза. Сжатые губы. Черные волосы со следами запекшейся крови. Правая рука сжимала рукоять меча – должно быть, Моралес намеревался вступить в бой. Смертельный удар был нанесен сзади с адской силой, чтобы покончить дело разом. Стон горя и ужаса сорвался с уст Фердинанда.

“Кто убийца? Кто свершил черное дело? – вскричал король, - дон Алонзо, есть след, улика?”

“Есть след и есть улика, мой король! Убийца схвачен нами, и он под охраной!”

“Горюя и негодуя мы забыли о правосудии! Привести убийцу! – потребовал Фердинанд, - прежде чем приговорим негодя к смерти через муки, выслушаем объяснения и оправдания его!”

В смущении помедлив, дон Алонзо дал знак. Ввели человека со связанными руками, закутанного в плащ, в глубоко надвинутой шляпе, так что нельзя было видеть лица. Холод предчувствия забрался в сердце короля. Он приказал снять с человека плащ и шляпу.

“Стенли! – в изумлении вскрикнул Фердинанд.

“Казнить англичанина! пытки и смерть! Лишить жизни неблагодарного!” – вырывались из солдатских глоток дикие возгласы. В гневе воины даже забыли о присутствии монарха, гремя оружием обступили связанного Стенли и готовы были свершить самочинную расправу.

“Он был мой враг, я поклялся взять его жизнь или отдать свою, - глухо проговорил арестованный, не сознавая пагубность этих слов для самого себя, - он украл мое счастье и обрек меня на прозябание. Я ненавидел его, но я не убивал! Я желал честного поединка, а не подлого убийства. Теперь я каюсь в своих кровавых мыслях. Я не убивал, и меч мой незапятнан!”

“Лжешь, иностранец! – вскричал дон Феликс, - вот эфес и остаток клинка, вынутый из тела. Мы слишком хорошо знаем, кому принадлежит этот английской стали меч, и второго такого во всей Испании не сыщешь! И не чужая рука нанесла удар твоим оружием!”

К признанию умысла смертельной мести прибавилась бесспорная улика. Стенли был обречен. Кое-кто требовал немедленной расправы, коль вина очевидна. Другие предлагали расследование и проверку обстоятельств дела, дабы никто в Европе не упрекнул Испанию в незаконной казни иностранца. Король склонялся ко второму мнению.

“Примем мудрый совет, - рассудил Фердинанд, - семь раз отмерим, чтоб не ошибиться. Дело правосудия проверять достаточность улик. Очевидность – еще не доказательство. Прошу всех, кто сможет, привести доводы вины или безвинности. Дон Феликс, до суда Артур Стенли на вашем попечении. Полночное это убийство – горе и позор наши, и тяжело сознавать их. Уведите арестованного, мы больше не хотим его видеть!”

В отчаянном порыве несчастный юноша вырвался из под охраны и бросился в ноги Фердинанду.

“О, благородный Фердинанд, я не убийца! Не убийца! – вскричал Стенли отчаянно и со страстью, способной обесценить признания и улики. Не о пощаде я прошу, мне не нужна жизнь, коль опоздала месть моя! Я молю сохранить мою честь! Я не совершал гнусного преступления, и в этом клянусь в присутствии жертвы. Убитый не уничтожен! Если я виновен – пусть мертвый заклеит меня взглядом!”

В тот давний век, бывало, прибежали к помощи убитого в опознании убийцы. Люди затаили дыхание в суеверном страхе. Лица побледнели, сжались смелые сердца. Но холодная рука Моралеса не указала на Стенли, а зрачки остекленевших глаз мертвеца не повернулись в сторону обвиненного. Дон Феликс, недруг мистики, дал знак охране поскорее увести несчастного.

Шум событий достиг покоев королевы. Столь ярый гомон не мог быть следствием бури. Встревоженная Изабелла послала узнать, что происходит внизу. Одна из юных приближенных отправилась в зал. Прошло несколько минут, и девушка вернулась, дрожа от ужаса новостей – дон Фердинанд Моралес убит, и его убийца никто иной, как англичанин Артур Стенли.

Как всегда, владея собой и не теряя присутствия духа в тяжелые минуты, Изабелла скорым шагом проследовала в зал. Она вошла, когда выводили арестованного. Офицеры успокаивали солдат: угрозы – не мужское дело!

Король не сразу заметил появление Изабеллы. Королева нагнулась над телом убитого. Не отпрянула, не побледнела. Только произнесла: “Бедная, бедная Мари...”

Слова эти достигли ушей собравшихся мужчин. До сей минуты головы их были заняты мыслями лишь о мертвом и о расправе. И тут все вспомнили о живущей и о жалости. Непрошенные слезы навернулись на глаза короля. “Что станет с Мари? Как сумеем мы сообщить, и как сможет она пережить?” – подумал монарх.

“О, моя Изабелла! Будь благословенно сострадающее женское сердце твое! – произнес Фердинанд и осторожно отвел королеву от носилок с телом, - ручаюсь, ни один из нас, оплакивая Моралеса, не подумал о жене его. Достанет ли мужества мужчине передать страшную весть несчастной Мари, смягчить ее горе, успокоить?”

“Это сделаю я, - без промедления ответила Изабелла, - исподволь и осторожно я подготовлю ее. Я знаю, как она любила, как он любил... Только я смогу оплакать вместе с ней потерю. Лишь женские уста найдут слова утешения. Она придет сюда, ко мне...”

У тела выставили охрану. Король принял меры секретности, дабы слухи не опередили сообщения властей, и не задали бы неверного направления чувствам и действиям людей, и не возникло бы в народе волнения, чреватого народным волнением, столь нелюбимым монархами.

Глава 15

Нет, чует сердце, что большое горе
Судьба во чреве носит для меня.
Я трепещу, чего-то ожидая,
И это что-то горше и страшней
Разлуки с королем, моим супругом.

(Уильям Шекспир, “Ричард II”, перевод Мих. Донского)

После нежного прощания с мужем Мари долго еще стояла у окна и глядела, как собирается непогода, и, странное дело, пылкость и ласка последних минут будили в сердце ее не умиротворенность чувств, но смятение их.

Фердинанд нездоров? Он чего-то опасался? Отчего он был порывист, а не сдержан, как обычно? Он что-то предчувствовал? Или что-то знал и скрывал? Но боязнь за себя потеснила в ее душе тревогу за мужа. До конца ли простил? Любит ли, как прежде? Не пошатнулась ли вера в нее? Как жаль, что он ушел. Ей вновь и вновь нужны слова его уверений. Ей страшно без клятв его. Ей самой насущно вновь открыться, покаяться, довериться, признаться в любви.

С блеском первых молний исчезла тягость ожидания грозы, и полегчало на душе. Мари собрала домашних вокруг себя, повела оживленную беседу и до самой ночи старалась справиться с удрученностью, не вполне отступившей. Мари не ждала Фердинанда раньше утра следующего дня. Она отправилась на покой, и сон ее был крепок.

Мрачная громыхающая ночь сменилась тихим солнечным утром. Наперекор благолепию природы сердце пробудившейся Мари вновь сжалось от страха. Кровь стучала в висках. Перед глазами опять возникла сцена прощания вчерашнего вечера. Мари позвала Мануэлу, спросила не вернулся ли Фердинанд. Служанка ответила, что господина до сих пор нет, и он никогда столь долго не усердствовал на совете. Взглянув на побледневшую хозяйку, Мануэла прикусила язык. Ужас охватил Мари, тошнота подступила к горлу.

“Мануэла, пошли кого-нибудь к королю, я хочу знать, что задержало мужа...” – с трудом проговорила Мари. Но не успели отправить посыльного, как явился Алберик и, не скрывая тревоги, сообщил, что Изабелла просит донну Мари срочно прибыть к ней, и что паланкин королевы дожидается у подъезда.

“О, госпожа, позволь мне сопровождать тебя, - плачущим голосом воскликнул паж, - я хочу знать, не случилось ли беды с моим добрым благородным господином: кого ни спросишь – все угрюмо молчат!”

“Замолчи и ты! – сердито зашипела Мануэла на Алберика, - невоздержанным своим языком хочешь госпожу убить?”

“Убить? – повторила услышанное слово Мари, - кого убить, кто убит? Что он говорит? Где мой муж?”

“Он задержался на совете у короля, моя госпожа, - поспешно ответила Мануэла, - не обращайтесь внимания на этого глупого парня – у короткого ума длинный язык. Ее Величество желают вашего срочного прибытия и прислали паланкин. А ты, Алберик, - шепнула она пажу, - тоже иди и возвращайся поскорей, лучше знать худое, чем томиться в неизвестности!”

Как мучителен и долог был этот краткий путь к Изабелле! Ожидание беды сжимало сердце, и мысли путались.

“Что произошло? Открылся секрет иудейства мужа, и он осужден? Я вызвана, чтоб разделить его недолгу? Пусть так, главное – не разлучаться! Но ведь такого не случилось прежде в Испании! Нет, здесь другое злоумышление судьбы. Артур? Он исполнил угрозу? О, как жить тогда?”

Мари не заметила, как в голове мелькнуло имя, ею самой запрещенное для собственных уст и мыслей. Ибо воспоминания о Стенли омрачали благополучие нового счастья стыдом за обман и боязнью воскрешения греховной любви.

Окончился томительный путь, и Мари приготовилась услышать плохую весть, не зная какую.

С великой осторожностью, душевно и сочувственно Изабелла сообщила Мари о ночном несчастье. Избегая преждевременных утешений, без притязаний на монаршее величие, с сердечной простотой и по-женски сострадательно королева просила Мари дать выход горю и плакать и плакать досыта.

“Почему смерть на взяла меня? – повторяла Мари сквозь рыдания, - зачем понадобился ей мой благородный муж? О, Фердинанд, ты ушел, когда я только научилась любить тебя! Годами любви и верности я хотела искупить боль, что причинила тебе... Ты оставил меня одинокую, без друзей...”

“Не без друзей и не одинокую! – обнадеживающе прервала Изабелла причитания Мари и жалостливо прижала ее к своей груди, - плачь, бедная моя девочка, твоя потеря стоит многих слез. Вспоминай свое сокровище, вспоминай счастливые дни. Как искренно он любил тебя, и как ты...”

“И я любила, горячо-горячо любила! О, всемогущая королева, сделай так, чтоб я в последний раз услышала голос его, увидела святой лик его! Один лишь раз! Сердце мое жаждет этого!”

“Ах, кабы престол наделял всемогуществом... Ты можешь увидеть его, бедная моя Мари, но слышать его никому более не дано. Поверь, голос Моралеса смолк не только для жены, но и для всей Испании и монархов ее. Удар был слишком силен!”

“Удар? Какой удар? Как он умер? Кто убил его? Смилуйся, добрая королева, дай мне знать правду!”

“Дело не вполне ясное, дитя мое. Ответь мне, знаешь ли ты человека, ненавидевшего твоего мужа, или, быть может, был враг у Моралеса? Жене известно многое...”

Мари упала на колени, обхватила руками платье королевы. Сквозь слезы она бормотала неразборчивые слова. Хотя Изабелле показалось, будто Мари скрывает что-то, она не стала настаивать на ответе – слишком велико горе у бедняжки. Королева бережно подняла Мари с колен, взяла ее руку в свою.

“Нашелся негодяй, который грязным делом полночного убийства преступил законы божеские и человеческие. Здесь все таинственно. Но не сомневайся, Мари: гнусное злодеяние будет отомщено!”

“Убийство? Кто убийца? – вскрикнула Мари в ужасе представив себе страшную смерть мужа, – кто поднял меч на моего Фердинанда? О, королева, скажи мне!”

“Возможно, человек этот тебе известен. С тяжелым сердцем мы его подозреваем, нам трудно поверить в его виновность, но есть сильная улика и признание. Это любимец моего мужа, молодой англичанин Артур Стенли.”

“Стенли!” – пронзительно вскричала Мари и вскинула на изумленную Изабеллу безумный взгляд. В следующее мгновение она без памяти рухнула к ногам королевы.

Глава 16

“Средь неприветной мрачной ночи
Могильный скорбный гимн звучит.
Темно, ни зги не видят очи,
Душа, страдая, кровь сочит,
И ком земли о гроб стучит.”

(Чарльз Суэйн)

В этом месте нашего повествования нелишне сделать маленький исторический экскурс, чтобы помочь читателю лучше понять действия монархов по отношению к подозреваемому в убийстве Артуру Стенли.

В 15 веке в Кастилии существовал так называемый кортес – учреждение, подобное нашему парламенту. Кортес уравнивал могущество короля и аристократии влиянием народа. Он издавал законы, устанавливал налоги, разбирал жалобы, объявлял войну, заключал мир. Кортес не мог быть распущен или упразднен только лишь по воле короля. Для этого требовалось согласие самого кортеса. Шотландский историк Уильям Робертсон писал, что в те давние времена принципы свободы и законности были осознаны в Кастилии глубже, чем в любой другой европейской стране, и Англия пришла к такому пониманию государственного устройства лишь через сто лет.

В Арагоне во главе судебной власти стоял независимый от воли монарха верховный судья. Личность его была неприкосновенна, он даже мог смещать недостойных доверия королевских министров. Законные права арагонцев были определены с тщательностью, нехарактерной для Европы той эпохи. Ни один араговец не мог быть заключен в тюрьму, подвергнут пыткам и осужден без доказательств и соблюдения судебных процедур.

Изабелла и Фердинанд возрадили охранное воинство под названием Святая Эрмандада – Святое Братство. В задачу сего учреждения входило обеспечение безопасности в городах, охрана торговых путей, борьба с разбойничаящими рыцарями. Эта вооруженная организация помогала монархам ограничить произвол феодалов, которых она лишала возможности незаконного суда в их поместьях или укрывания преступников от возмездия.

Испанские традиции законности (кортес, верховный судья) и новые реформы монархов (Святая Эрмандада) подсказывали Изабелле и Фердинанду образ действия в решении судьбы Артура Стенли. Суд над предполагаемым преступником должен был вершиться по всем канонам, что в

особенности важно, поскольку обвиняется иностранец: Испании приличествует выглядеть достойно в глазах Европы. Сам Фердинанд намеревался председательствовать на суде. Королевский приказ требовал тщательного сбора доказательств и свидетельств. При необходимости суд мог быть отложен на срок до двух недель со дня убийства.

Артур Стенли считался вассалом короля. В соответствии с еще существовавшим тогда феодальным обычаем, король, как сюзерен Стенли, мог самолично вершить суд над своим вассалом и приговорить его к смерти. Однако, такое решение противоречило бы духу испанского правосудия и букве закона Святой Эрмандады. Ввиду всех важных резонансов Фердинанд отверг короткий путь.

Гнусное убийство Моралеса чрезвычайно возбудило жителей Сеговии. Рыцари старались унять гнев солдат и горожан, многие из которых требовали выдать им преступника для самочинной расправы. Плач и проклятия, скорбь и гнев, мольбы и угрозы – все смешалось в рокоте улиц и площадей Сеговии в эти тревожные дни.

Старый Педро, у которого квартировал Стенли, злорадно подливал масла в огонь общего негодования, рассказывая всем, кто только изъявлял готовность слушать, как не ошибся он в своем пророчестве о злонамеренности бледнолицего англичанина. Вот только не предвидел Педро, что беда будет столь велика.

Тело Моралеса покоилось в отведенном Изабеллой помещении, и жители города толпами шли туда, чтобы увидеть в последний раз своего любимца и проститься с ним. Не было ни роскоши, ни помпы, ни рыцарских регалий. Так хотели люди, знавшие покойного, как самого скромного и самого праведного попечителя, радетеля, командира. Благородной крови от рождения, Фердинанд Моралес говорил с простыми горожанами, как с равными, утешал в несчастьях и разделял радости. Достойный человек всегда прост, а быть простым – труднее всего на свете. Собственным примером, что красноречивее слов, он вдохновлял юношество на исполнение долга перед страной, короной, семьей. Горожане приходили по зову сердца, дабы отдать последнюю дань восхищения и любви. Надо ли удивляться великой людской ярости против подлого убийцы?

Настал день погребения. Похоронное шествие возглавлял король. Он шел с непокрытой головой, закутанный в черный траурный плащ. За ним следовали благородные рыцари из Кастилии и Арагона. Кровных родственников не было на похоронах, но присутствовали домочадцы и слуги. Доблестные солдаты и офицеры, которых когда-то вел в бой Моралес, провожали покойного командира. Замыкали шествие люди простого звания.

Сеговия горевала. Флаги были приспущены, мастерские и лавки закрыты, балконы затянуты черной тканью. Кафедральный собор не вмещал всех скорбящих. Украшенный серебром гроб черного дерева установили возле алтаря. Лицо покойного приоткрыли, как принято на католических похоронах высокопоставленных особ. Звучали колокола, молитвы, песнопения, и отовсюду доносился плач.

Привинтили крышку гроба. Его медленно и торжественно опустили в склеп, и зауспокойная месса сопровождала эту печальную церемонию. Погребальный обряд завершился, и только тогда люди почувствовали всю глубину утраты. Возбуждение в городе стихало, но мрачное настроение надолго поселилось в сердцах.

В ночь после похорон в кафедральный собор вошла группа бедных странствующих монахов, по виду принадлежащих к ордену святого Франциска. Несколько рыцарей сопровождали вошедших. Все были закутаны в траурные плащи, капюшоны надвинуты, и лиц не видно. Они ждали окончания последнего песнопения за упокой души усопшего.

Когда собор совершенно опустел, монахи спустились под землю, и рыцари повели их по тайным переходам склепа. Безмолвные ночные гости несли гроб в точности такой же, как тот, что днем был помещен в усыпальнице. Проворно произвели замену. Гроб с останками Моралеса закутали в черное покрывало и погрузили на подводу. Расторопные монахи со своим драгоценным грузом бесшумно, как и появились, покинули Сеговию.

Группа двигалась к югу. Ехали по ночам, а днем делали привалы в безлюдных местах. Количество сопровождающих уменьшалось. Наконец, их остались четверо. Они остановились перед замаскированным входом в Кедровую долину. Люди осторожно подняли гроб с подводы и на плечах снесли его к месту семейного захоронения.

Прозвучала скорбная молитва на древнем языке, гроб опустили в землю, и Фердинанд Моралес упокоился навечно среди родных по крови и вере. О небольшом этом кладбище в Кедровой долине заботились слуги дома Энрикеса. Как принято у иудеев, ухоженные могилы были предельно просты – ни гранита, ни бронзы. Памятники мертвым воздвигались в сердцах живых.

В кафедральном соборе Сеговии соорудили пышное надгробие в честь Фердинанда Моралеса – дань благодарности монархов и народа.

Глава 17

Анджело:

Закон – не чучело на огороде,
Бездейственно застывшее навек
И ставшее из пугала насестом
Для воронья.

Эскал:

Но действовать давайте
Не обухом, крушащим наповал,
А тонким краем лезвия щадящим.

(Уильям Шекспир, “Мера за меру”, перевод Осии Сороки)

В день накануне суда над Артуром Стенли королева вознамерилась обратиться к мужу с важным и не терпящим отлагательства делом. Изабелла нашла Фердинанда в его кабинете за изучением военных карт. Король хоть и был весьма поглощен своим занятием, но появление супруги заметил сразу и с привычной радостью.

“Дорогая, ты появилась кстати, как всегда. Взгляни на эти карты, Изабелла. Похоже, мои планы покорения мавров работают не дурно! В среде неприятеля нет единства, зато ссоры становятся все яростнее – чего же лучшего желать? Мне доносят, что дорога к Альгаме не защищена. И это тоже славно! Однако, я вижу, ты чем-то обеспокоена?”

“Да, мой воинственный муж! Но сейчас тревога моя далека от войны. Сегодня я не готова думать о государстве – только о человеке. Ты догадываешься, о ком!”

“Я знаю, Изабелла, ты хочешь говорить о жене покойного Моралеса, о прекрасной Мари. Что с ней?”

“Ей слишком плохо, Фердинанд. Я сожалею, что позволила ей взглянуть на тело убитого мужа. Я надеялась освободить ее от пут молчания, но ужас зрелища лишил ее остатка сил, и она не пришла в себя даже к похоронам. Я не смогла помочь ей, помоги же ты!”

“О, дорогая, да разве могу я прибавить доброты твоему сердцу, добрейшему из всех людских сердец?”

“Да, Фердинанд, можешь! Нельзя ли освободить несчастную Мари от обязанности свидетельствовать на завтрашнем суде?”

“Неизбежного не миновать, Изабелла. Разве это может ранить ее? Да и справедливо ли будет по отношению к убитому и к ней самой не сделать все возможное для разоблачения убийцы?”

“Муки Мари беспредельны, и присутствие на суде ляжет непомерным лишним грузом на страдающее сердце. Разве не достаточно свидетельств?”

“Боюсь, не достаточно. Дон Луис Гарсиа под присягой сообщил, что Стенли в присутствии Мари поднял меч на Моралеса, говорил, что ненавидит, и клялся взять жизнь его. Если слова дона Луиса не лживы, то их довольно для обвинения Стенли. Но как случилось дону Луису видеть и слышать ссору? Это подозрительно, и нет сомнения в недостойности его намерений. На хитроумного очевидца опасно полагаться. Не доверяя ему, мы призываем Мари. Ничего, кроме истины не изрекут ее правдивые уста. Если она опровергнет дона Луиса, то жизнь Стенли спасена, если подтвердит – убийцу ждет казнь. Жизнь и смерть рыцаря в ее словах. Теперь ответь, Изабелла, требуется ли нам свидетельство Мари?”

“Вы правы, Ваше Величество. Но сердце мое не хочет добавлять горя страдающей душе. Нельзя ли, не отступаясь от благородной цели, избавить Мари от ранящей публичности суда?”

“Я пока не знаю...” – задумавшись ответил Фердинанд.

“Справедливое решение судьбы молодого англичанина, вручившего себя нашей защите и верно нам служившего – необходимо. Значит, ради праведного суда неминуемо привлечь Мари. Но я всерьез боюсь, что появление в публичном месте совершенно помутит ее рассудок, и без того затуманенный от горя. Пусть она даст свидетельство только мне, своей королеве!”

“Но кто примет присягу?”

“Отец Францис. Хотя она может поклясться и мне. Даже если захочет обмануть – я замечу непременно!”

“Друзей и врагов Стенли навряд ли устроит свидетельство, которое они не слышали!”

“Разве слово Изабеллы есть предмет сомнения? Разве благородные рыцари унижат себя недоверием к королеве? Если Мари подтвердит слова дона Луиса, то дело будет сразу решено, а если опровергнет, то я сведу их вместе, и, не сомневайтесь, Ваше Величество, по выражению лиц, по взглядам, по движению губ я отличу ложь от истины. Мы спасем Мари от лишней боли, и она привяжется ко мне, как к матери и другу. Пусть подданные видят свою королеву в свете милосердия, это нужно и мне, и им, и Испании!”

“Дорогая моя Изабелла! Уже и сейчас королева Кастилии слывет человеколюбивой и справедливой, и добрая эта слава перейдет в века. Пусть будет по твоему желанию. Я извещу Мари о ее обязанности свидетельствовать на суде, а ты предложи ей взамен беседу с глазу на глаз под присягой. Выбор оставим за ней, но ответ ее должен быть быстрым, ибо завтра суд.”

Удовлетворенная решением короля, Изабелла поспешила в свои покои. По пути на обдумывала предстоящую беседу с Мари.

Изабелла вспоминала тот разговор с Мари, когда сообщила ей страшную весть. Почему она упала без чувств, выкринув имя Стенли? Как случилось, что жена Моралеса оказалась свидетельницей его ссоры с англичанином? Женское сердце Изабеллы угадывало, что Мари скрывает некую романтическую тайну, и королева надеялась, что несчастная проговорится по слабости своей, однако, та не выдала себя ничем. Но при этом Изабелла слишком сочувствовала бедняжке, чтобы допытываться. Королева предложила молодой вдове занимать комнаты поближе к своим покоям, дабы страдальца меньше мучилась одиночеством. Мари с благодарностью приняла приглашение.

Придя к себе, Изабелла собрала для беседы привычный круг приближенных дам. Речь королевы была проста и дружелюбна и вместе с тем полна монаршего достоинства. Не выказывая превосходства, она умела снискать любовь подданных сердечностью и умом. Особым вниманием королевы пользовались молодые девушки. Изабелла ревностно следила за их образованием, и сама старалась вселить в них дух благородства, ибо будущим матерям предстояло воспитывать новое поколение дворянства.

Ближе всех к Изабелле сидела Мари. Бледная, молчаливая, одетая во все черное. На голове чепец, из под него выглядывали две толстые косы. Даже в бедственном положении она оставалась замечательно хороша собой. Она не принимала участия в общей беседе. Перед ней лежало рукоделье, и потихоньку росли вышиваемые на ткани цветы.

Появилась Катарина. “Моя королева, паж Его Величества явился с сообщением к донне Мари.”

“Прими пажа, Катарина!” – сказала Изабелла.

Юноша вошел и глубоко поклонился Мари. Она подняла на него глаза. На лице ее промелькнула тень тревоги, она предчувствовала неприятную весть. Паж заговорил.

“Его Величество король Фердинанд посылает приветствие донне Мари Энрикес-Моралес и просит ее присутствия на завтрашнем суде над Артуром Стенли. Необходимо свидетельство донны Мари, подтверждающее или отвергающее обвинение против сеньора Стенли, якобы заявившего, что он ненавидит и убьет донна Фердинанда Моралеса, мир праху его. Король неколебим в своем намерении свершить справедливость в отношении живого и отомстить за убитого. Поскольку от слова донны Мари зависит жизнь обвиняемого, Его Величество требует ее свидетельства.”

Мари молчала. Паж, справедливо полагая, что королевский приказ не требует ответа, уважительно поклонился и вышел. Невидящим взглядом Мари смотрела ему вслед, она не заметила, как вышивание упало на пол, закрыла лицо руками, лихорадочно думала: “Чего от меня хотят? Я должна произнести то, что станет смертным приговором Стенли? Я не сделаю этого!”

Мари не знала, сколько времени она сидела в оцепенении. Она услышала, как королева произнесла ее имя. Она отняла руки от лица, вокруг никого не было, она осталась наедине с Изабеллой. Королева смотрела на нее с искренней жалостью, готовясь предложить щадящую альтернативу. Не в силах сдержать порыва, Мари бросилась к ногам Изабеллы.

“О, великодушная королева, молю вас, избавьте меня от этого!”

“От чего я должна тебя избавить, дитя мое? Смолчав, усугубляешь преступление! Разве ты можешь не хотеть помочь правосудию в отыскании убийцы твоего мужа?” – спросила Изабелла, и голос ее был полон сострадания.

“Пусть умрет убийца, но не Стенли! Почему грязное преступление связывают с незапятнанным именем? Артур не убивал! О, не убивайте его тоже!”

Мари подняла голову. Она увидела, как королева смотрит на нее пронзительным, почти суровым взглядом, полным подозрений. Она содрогнулась, кровь бросилась ей в лицо.

“О, не будьте слишком строги ко мне! Я не знаю, что говорю, считайте меня сумасшедшей, не желающей смерти убийце мужа. Сострадания ради не спрашивайте меня ни о чем... Я хочу умереть... Убейте меня, но не требуйте от уст моих смертного приговора...”

Теперь Изабелла не сомневалась в том, что Мари таит от нее нечто важное, возможно, ключ к разгадке преступления. Королеве были досадны недомолвки в ответ на монаршее милосердие, но все же в эту минуту ей руководили человеколюбие и доброе сердце.

“Не бойся, моя страдальца, - вымолвила Изабелла мягко, - я не причиню тебе боль и не стану задавать вопросов, кроме требуемых правосудием. Без трепета смотри на меня, бедное дитя. Невероятное обвинение выдвинуто против Артура Стенли. Мы не слишком доверяем его обвинителю, но закон не позволяет нам пренебречь его словом. Его подтвердит или опровергнет твое правдивое свидетельство. Оно решит судьбу Стенли.”

“Мое свидетельство решит его судьбу? – взволнованно воскликнула Мари, и луч надежды озарил ее лицо, - о, моя королева, правильно ли я поняла, что могу спасти его?”

“Мари, прошу, уйми волнение и выслушай спокойно мой ответ. Ты должна понять, что Его Величество не может поступиться справедливостью суда. Поэтому тебе неизбежно рассказать, что видела и слышала. Но ты вправе выбрать из двух бедствий меньшее для тебя – явиться на суд или под присягой с соблюдением церковного ритуала свидетельствовать лично мне. Решай, Мари!”

Доброе сердце королевы учащенно билось. Ей было нелегко ставить несчастную вдову перед тяжелым выбором. Она терпеливо ждала ответа. Мари долго хранила молчание, размышляя. Наконец, она встала в полный рост, гордо выпрямилась, лицо ее выражало отчаянную решимость. Она заговорила, и голос ее звучал твердо и спокойно.

“Королева Испании! Я знаю, вы не ждете от меня того ответа, который я дам сейчас. Я пойду на суд. Я выполню волю короля. Я не изменю своего решения. Оно вам кажется невероятным, но я прошу не спрашивать причин!”

Сказавши это, Мари испугалась своего непочтительного тона. Она вновь бросилась к ногам Изабеллы с мольбой.

“О, добрая и благородная королева! Подавленная горем, я на минуту позволила себе забыть неравенство наших положений и говорила без должного почтения. О, милосердная, извини свою верноподданную и любящую Мари. И в знак прощения исполни мою просьбу!”

“Мне нечего прощать, дитя мое, - сказала Изабелла, ласково проводя рукой по склоненной голове Мари, - в часы несчастья положения монарха и подданного равны! А что до просьбы твоей – проси, что хочешь, я исполню!”

“Моя королева, завтра на суде я произнесу вещи необычайные, должно быть, страшные, но истинные. И как бы не порочили меня собственные речи, я молю вас не отталкивать вашу Мари, ибо ей больше, чем когда-либо, нужна будет ваша защита. Я молю не отвергать мою любовь и продолжать меня любить!”

“Как странно все и таинственно, - сказала Изабелла, усомнившись в здравости ума страдальцы, - я исполню твою просьбу, как и обещала. Однако, приоткрой завесу тайны, Мари!”

“Вы услышите об обмане, и многие выкажут свое презрение и осуждение... Вы не оттолкнете меня, моя королева?”

“Я прощу обман, если ты покаешься и скажешь правду. Ты слишком взволнована, бедное дитя мое, и придаешь чрезмерное значение не слишком важным вещам. Сейчас иди и молись, чтобы завтрашний день дал тебе мужество для свидетельства в суде. Я прощу тебя и буду любить, как прежде. Святые отцы поддержат твои силы.”

Изабелла притянула ее к себе и поцеловала в щеку. Эта нежность и огромное доверие королевы растрогали Мари. Ее намерения не изменились, но исполнение их сделалось мучительнее.

Глава 18

Леонт:

К великой нашей скорби открываем
Мы этот суд...
Но тираном никто не назовет нас, ибо мы
Передаем решение правосудью,
Чтоб осудить иль оправдать открыто.
Введите подсудимую.

(Уильям Шекспир, “Зимняя сказка”, перевод Вильгельма Левика)

Наступило утро дня суда. Синее небо, высокие белые облака, прозрачный воздух, ароматы земли – одним словом, очарование прекрасной Испании. Как чужды этому благолепию убийство, смерть, горе!

Городки и деревни вокруг Сеговии отряжали своих посланцев на суд – и горожанам и селянам не терпелось узнать, как решится дело об убийстве Моралеса. Печаль и негодование гнездились в сердцах людей. Скорбели о благородном земляке и жаждали расправы над подлым иноземцем.

Помещение суда наполнилось до отказа. На почетном месте восседала Изабелла. Ее присутствие предопределяло справедливость предстоящего действия. Она с удовлетворением отмечала, что яблоку негде упасть в зале, ибо желала широкого распространения молвы о беспристрастности правосудия в ее владениях. Сплоченной группой сидели святые отцы из ближайшего католического монастыря.

Монахи Святого Франциска славились своей неподдельной преданностью Богу, а некоторые из них отличались ученостью. Их любовь к вере не знала ни границ, ни преград, ибо без испущенности нет монаха. Покушение на правила служило причиной неприязни, а непослушание влекло за собой гонения. Взгляд извне католического общества отметил бы, пожалуй, что бесконечные достоинства монашеской праведности имели продолжением недостаток терпимости. С внутрикатолической точки зрения недостатки немислимы.

Возглавлял группу монахов заместитель настоятеля монастыря отец Францис – человек непреклонного аскетизма и твердых принципов. Бесстрастное лицо его внушало почтение и благоговейный страх. Оно не выражало ни доброты, ни злонамерения. Он посвящал свою деятельность борьбе за смягчение нравов, за искоренение распутства, за изгнание излишеств из жизни испанцев, а также неустанно пекся о религиозном просвещении народа. Католику нет нужды искать истину – он ею владеет.

Отец Францис слыл человеком глубоких знаний, тонко понимал человеческую натуру, обладал энергичным практическим умом. Проницательность Изабеллы и Фердинанда различила сквозь завесу аскетизма огромные достоинства отца Франциса. Его талантам суждено было сыграть немалую роль в истории Испании. Прошли годы, и, к несчастью, влияние этого человека на жизнь страны повредило судьбе свершенных монархами реформ.

Сам настоятель монастыря, будущий основатель испанской инквизиции и первый великий инквизитор Испании – Торквемада, отсутствовал на суде ввиду обилия иных важнейших дел веры и церкви. Торквемада был весьма доволен возможностью препоручать мирские и монастырские занятия своему надежному и способному заместителю. В свою очередь, облаченный доверием отец Францис ревностно и со рвением отдавался исполнению долга.

Святые отцы расположились в порядке старшинства. За ними сидели рыцари, избранные для участия в суде. Среди них преобладали кастильцы – земляки убитого. Присутствовали люди из Святой Эрмандады, ибо без них не вершилось правосудие. Высокие участники предстоящего разбирательства образовали полукруг, в центре которого было приготовлено кресло для короля. Особые места предназначались для обвиняемого, для обвинителей, для свидетелей. Цепь солдат окаймляла зал. Усиленная охрана окружила пятачок, где предстояло появиться Стенли.

Ужас и потрясение от убийства дона Фердинанда Моралеса несколько поубавились за истекшие две недели. Теперь командиры и солдаты все больше вспоминали молодого англичанина Артура Стенли. Истинный боец – храбрый, сильный, благородный. Пожалуй, между Моралесом и Стенли нельзя было исключить возможность ссоры, которая вполне могла закончиться поединком, что было в обыкновении благородных дворян в тот героический век. Доблестному Стенли подобал честный бой на равных, но не полночное убийство! Да и возможно разве перерождение природы человека? Но как быть с признанием и уликой? Мучимые сомнениями, люди с мрачными лицами ожидали начала суда.

Ровно в полдень отворились парадные двери зала, и король Фердинанд вошел в сопровождении пажей. Присутствующие почтительно встали. Монарх занял свое место, огляделся и знаком руки предложил всем сесть. Минуту-другую король собирался с мыслями, обдумывая вступительное слово, потом в благоговейной тишине зазвучала торжественная речь.

“Святые отцы, Святая Эрмандада, рыцари, солдаты, горожане, крестьяне! Нам нет нужды объявлять причину, собравшую всех вас здесь и сейчас. Убитый и предполагаемый убийца люди благородного звания и посему необходимо наше королевское участие в суде. Изабеллой, королевой Кастилии поручено нам представлять ее, как сюзерена убитого дона Фердинанда Моралеса.”

“Мы, король Арагона, считаемся сюзереном английского дворянина Артура Стенли, предполагаемого убийцы, и имеем право единолично решать судьбу нашего вассала и карать его. Однако, мы оставляем дело на усмотрение суда. Артур Стенли, обвиняемый иностранный рыцарь, спасся от тиранов собственной страны, и мы не дадим Европе повода утверждать, что он погиб от тиранов страны, его приютившей. К тому же, мы не забываем его большую и полезную службу на благо Испании и Сицилии. Характер и заслуги Артура Стенли столь не совместны с гнусным деянием полночного убийства, что нам надлежит с исключительным

тщанием и беспристрастно проверить доводы и улики. Только истина ляжет в основу решения суда, который не станет прикрытием предубеждения и ненависти. Мы будем счастливы обнаружить непричастность юноши, но если он виновен, то, как требует наша святая вера, он заплатит кровью за кровь!”

Слова короля прозвучали упреком кое-кому, особенно простолюдинам, не ведавшим о доблестях обвиняемого, но предубежденным против иностранцев. Наконец, был провозглашен приказ “Вести заключенного!” Все головы дружно повернулись к дверям, и взгляды сошлись в одной точке.

Охрана ввела Артура Стенли. Он шел в кандалах, в рваной испачканной одежде, с непокрытой головой. Товарищи по оружию не сразу смогли признать в этом исхудавшем человеке с бледными губами и впалыми серыми щеками, со спадавшими на грязный лоб спутанными волосами недавнего товарища по оружию. Две недели в заключении истощили тело, но не сломили его дух. Он почтительно поклонился королю. Фердинанд глянул на него таким взглядом, который смутил бы даже самого закоренелого преступника. Но на лице Стенли ни один мускул не дрогнул, и гордым своим видом он словно заявлял, что сломить его невозможно.

“Артур Стенли! – воскликнул король, - мы слышали от донна Феликса Эстабана, что вы отказались от привилегии защиты, которую должны вам предоставить люди, знающие законы и процедуру суда. Чем объясните вы свое неблагоприятное решение? Вы ставите столь низко вашу честь? Безразличие к собственной судьбе похоже на признание вины. Жизнь слишком мало значит для вас? Или за кратчайший срок вы познали законы чужой страны и сами постоите за себя? Отставивая невинность и при этом отказываясь от защиты, вы полагаетесь на Божественную справедливость и только на нее? Ваша опрометчивость может помешать правосудию в поиске истины. Мы не имеем права казнить невинного. Как монарх и как судья приказываю отвечать!”

“Чем защита будет полезна мне? – начал Стенли голосом слабым, но быстро крепнувшим, - разве отрицая доказательства вины она сохранит мне жизнь и возвратит честь? Я отказался от защиты, чтоб сокращая время муки, ускорить неизбежный конец. Мне нечем опровергнуть обвинения, и вы правы, мой король, моя надежда уповает лишь на Божественную справедливость. Добавлю к сказанному, что честь не позволяет мне отрицать правду обвинений, кроме одного – я не убивал! Я признаю, что ненавидел, что грозил, что хотел пролить кровь, что не отомстил, наконец! Я желал честного поединка, но подлого убийства я не совершал! Пусть меня казнят, но за недобрые мысли, а не за преступные дела. Я не тот, кто злом за добро платит стране и монарху, приютившим меня. Если через годы найдется истинный убийца, все вспомнят мои слова. Я не убивал!”

“Сеньор Стенли, если вы действительно невинны, - начал свое слово заместитель настоятеля отец Францис, - то неизбежно найдутся доказательства этого, ибо справедливость есть Божественное провидение, в которое все мы свято верим. Защита ускорит, а не замедлит, как вы ошибочно полагаете, развязку. Отвергая защиту, вы пренебрегаете жизнью, мудростью Творца вам дарованной, а это грех, подобный греху самоубийства!”

“Увы, святой отец, арсенал моих доказательств пуст – одни слова! – возразил Стенли, - и никто не поверит небылицам. Ведь я признался, что ненавижу Моралеса, что желаю его смерти, обломок моего меча был извлечен из мертвого тела, меня застали рядом с убитым, его кровь обогрела мои руки и одежду. Это все верно и это всем известно. А мой рассказ каков? В ночь убийства таинственно пропал мой меч. Я бросился его искать в разгар свирепой бури и неведомо зачем забрел на Одинокую улицу, где пусто – ни души. В темноте споткнулся, и вспышка молнии выхватила из мрака тело Моралеса, преградившее мне путь. Упав, я невольно испачкался кровью убитого. Я был столь сильно потрясен, что не нашел ни сил, ни духу, чтобы

искать или преследовать убийцу и даже на помощь звать не мог. Кто здравомыслящий, зная то, что знают все, не расмеется мне в лицо услышав сей рассказ? Святой отец, ожидающую меня кару я приму, как справедливое воздаяние за грешные помыслы мои. Я не должен обольщаться надеждой на милосердие Господа. О, мой король, я слишком долго злоупотреблял временем почтенного собрания. Пусть суд продолжается, не отвлекаясь на мои неправдоподобные рассказы.”

Безупречная честность и благородство речи Стенли растопили лед сомнения большинства сердец, и многие готовы были немедленно освободить его от оков и вернуть свободу. Но лицо отца Франциса осталось непроницаемым и он велел дону Феликсу пригласить свидетелей.

Глава 19

“Дух его спокоен,
Естествен цвет лица,
И взгляд не прячется –
Невинности бесспорные черты!”

(Миссис Хеманс)

Суд продолжался. Артур Стенли сидел невозмутимо, с гордо поднятой головой, и твердым взглядом смотрел на своих судей. Он не сомневался в исходе дела, он знал наперед приговор и готов был встретить смерть, как неизбежную кару. Груз становится легче, когда несешь его с покорностью. Приняв безысходность, Стенли умиротворил душу.

Свидетельство дона Алонзо звучало просто и непритязательно. Он до мелочей подробно описал место, где обнаружил тело убитого, рассказал о крайнем возбуждении Стенли, испачканного в крови Моралеса, упомянул извлеченный из мертвого тела обломок английского меча и четко ответил на все вопросы судей.

Затем настала очередь Педро и жены его Джоаны. Старик сообщил, что с первого дня, как англичанин поселился в его доме, ему слышны были из комнаты жильца часто повторяемые слова “кровь” и “месть”. Педро не преминул досадливо упомянуть, что постоялец почти не прикасался к прекрасным блюдам, приготовленным кулинаркой Джоаной, а это, безусловно, говорит о помрачении иноземного ума.

Отец Францис спросил, не случалось ли Педро или Джоане слышать от Стенли слово “убийство”, и получил отрицательный ответ. Пусть не удивляется современный читатель вопросу судьи. Ведь слова “кровь” и “месть” в те времена отнюдь не указывали на преступные намерения произносившего их – они лишь намекали на честный поединок. Другое дело – слово “убийство”!

Джоана припомнила, что как-то раз, когда она забирала от постояльца почти нетронутый обед, он, погруженный в свои думы, произнес “О, Мари, Мари!” Это заявление заставило Стенли покраснеть, отца Франциса – нахмуриться, короля – внимательно взглянуть на заключенного, а Изабелла многозначительно вскинула брови.

“В котором часу ваш жилец покинул дом в ночь убийства?” – продолжил заместитель настоятеля.

“Колокол кафедрального собора прозвонил одиннадцать раз.” – дружно ответили Педро и Джоана.

“Когда он улегся спать?”

“С заходом солнца, Ваша честь.”

“Он звал вас, просил огня?”

“Э-э-э...” – издал Педро неопределенный звук, а Джоана промолчала.

“Вспоминайте и отвечайте! – строго приказал отец Францис, - вы свидетельствуете под присягой, церковь наказывает за ложь!”

“Он просил огня, но...”

“Но вы не сочли нужным исполнить просьбу в поздний час! – грозно проговорил отец Францис, - а между тем, квартирант ваш утверждает, что отправился на поиски меча, и если это верно, значит, оружия не было при нем, и, стало быть, он не убивал! Принеси вы огонь, и мы бы знали с ваших слов, действительно ли он невооруженным покинул дом. Ваша нерадивость послужила во вред суду и заключенному и в помощь настоящему убийце!”

“Из слов сеньора Педро и сеньоры Джоаны, - продолжил отец Францис, - можно заключить, что Стенли спал от захода солнца до одиннадцати вечера, и сон его был весьма глубок, и его не могли разбудить на ужин. Весьма странное поведение преступника за час-другой до исполнения задуманного зла. И зачем требовать огня полночному убийце, торопящемуся покинуть дом навстречу своей жертве? Я думаю, свидетельства домохозяев говорят в пользу невиновности Артура Стенли.”

“Ваш вывод, отец Францис, логичен, однако, вес его не решающий, - возразил глава Святой Эрмандады. Возможно, выходя из дома сеньор Стенли не имел преступной цели, но ведь есть его признание о ненависти и желании мести! И разве не свойство природы человека поддаваться соблазну удобного момента?”

“Брат, вы возражаете резонно, но все же мы сохраняем надежду на невиновность. Ибо признание сеньора Стенли во вражде и жажде мести не доказывает, что он убил!” – заметил отец Францис.

“Сеньор Педро, - продолжил заместитель настоятеля, - вы можете подтвердить, что квартирант ваш спал от захода солнца до одиннадцати часов? Не забывайте о присяге!”

“Я помню о присяге, Ваша честь, - ответил запуганный старик, - я не осмелюсь поклясться, что жилец спал все это время. Мы с женой выходили к соседям. Когда вернулись, Джоана пыталась предложить ему отличный ужин, но он спал все в той же неизменной позе.”

“Во время вашего отсутствия кто-нибудь был дома?”

“Девушка Бета сидела за работой в комнате этажом ниже.”

Пригласили девушку. Обмерев со страху, она отвечала тихим слабым голосом. Бета сообщила, что незадолго до девяти часов ей послышались крадущиеся шаги и звук закрываемой двери наверху в комнате Стенли. Услыхав эту новость, король и заместитель настоятеля разочарованно переглянулись, а лицо главы Святой Эрмандады выразило удовлетворение. В глазах Артура Стенли засветилась надежда.

“Сейчас ваше слово, сеньор Стенли!” – воскликнул король.

“Благодарю вас, мой король! Нет ничего невероятного в словах девушки. Я уверен, что в мое вино подмешали сонное снадобье, и некто, чьи шаги слышала Бета, пробрался в мою комнату, пока я крепко спал, украл мой меч, чтоб совершить убийство и направить правосудие по ложному пути. Нелепо предполагать, что шаги принадлежали мне, и я вышел из дома, убил, затем вернулся и вновь улегся спать – где время взять на все? На нелепостях мир стоит, но лучше обойтись без них! А, главное, лишь безумие погонит убийцу назад к телу жертвы, удерживая от попытки скрыться!”

“Название сему безумию – совесть! – гневно воскликнул глава Святой Эрмандады, обращаясь к арестованному, - она по принуждению Божественного духа вселяется на миг в злодейское сердце и вопреки его воле возвращает убийцу к жертве, дабы не позволить избежать ему горького финала! Я думаю, отец Францис, для обвинения сеньора Стенли нам не хватает лишь подтверждения заранее обдуманного замысла!”

“Прошу прощения, брат, - возразил отец Францис, - но вывод этот мне кажется поспешным. Замечание арестованного правомерно, и нельзя им пренебречь. Встать, уйти, убить, вернуться, вновь притвориться спящим – не коротко ли время отлучки Педро и Джоаны? Да и Бета не слыхала шагов во второй раз, а ведь она уже была настороже!”

“Мы можем принять сии рассуждения, почтенный отец, - сказал глава Святой Эрмандады, - но разве есть у нас доказательство того, что убийство не было совершено после одиннадцати часов незадолго до обнаружения доном Алонзо тела убитого Фердинада Моралеса и находившегося тут же Артура Стенли?”

Отец Францис вызвал слугу дон Фердинанда Моралеса и спросил, в котором часу его покойный хозяин покинул дом. Слуга без колебаний ответил, что это произошло ровно без четверти девять – как раз звенел соборный колокол.

“Однако, это рано, - заметил отец Францис, - ведь король назначил время в десять, а путь верхом не занял бы более двадцати минут, пешком – около сорока минут.”

“Да, Ваша честь, - сказал слуга, - это рано, но это было так. Могу поклясться в этом, да и конюх подтвердит мои слова.”

Конюх удостоверил и добавил, что господин его не велел готовить лошадь – намерен был идти пешком и прежде частенько так поступал. Затем слуга и конюх принялись сокрушаться о гибели и восхвалять добродетели любимого хозяина. Они утверждали, что в час перед уходом Моралес выглядел больным, и тревога звучала в голосе его. Тут в сердцах людей вновь возгорелся гнев, который сменился было интересом к судьбе обвиняемого.

“Итак, ваш господин вышел из дома без четверти девять, - обратился отец Францис к слуге и конюху, - в котором часу, по вашему, он мог достичь Одинокой улицы?”

“В десять-пятнадцать минут десятого, если нигде не задерживался по дороге.” – прозвучал уверенный ответ.

“Поскольку дон Фердинанд Моралес не явился к назначенным десяти часам, то расчет времени указывает на свершение убийства между девятью и десятью. Никто уверенно не слышал, как обвиняемый выходил из дома ранее одиннадцати, и принимая сие за истину, мы заключаем, что преступление свершилось до появления сеньора Стенли на месте злодеяния!” – сказал отец Францис.

“Однако, мы не имеем доказательств того, что дон Фердинанд Моралес не задержался по дороге, - возразил глава Святой Эрмандады, - его домашние не могут этого утверждать.”

“Убитый известен своею аккуратностью. Нелепо думать, что он готов был опоздать к монарху на совет.” – заметил заместитель настоятеля.

“Никто не станет думать так! – воскликнул глава Святой Эрмандады, - но, святой отец, ведь он был болен! Разве не об этом говорили нам слуга и конюх? Недуг мог задержать его, однако, повинясь чувству долга, дон Фердинанд Моралес решил хоть с опозданием, но прибыть к королю, и на Одинокой улице встретил сеньора Стенли и свою смерть!”

Отец Францис велел позвать королевского лекаря. Вошел одетый в черное почтенный человек.

“В котором часу вы осмотрели тело Моралеса, и можете ли вы судить о часе кончины?” – задал вопрос заместитель настоятеля.

“Я осмотрел тело вскоре после полуночи. Я пытался вернуть Моралеса к жизни, но тщетно. Он скончался приблизительно за три часа до моего осмотра, то есть, немного позднее девяти.” – дал свой лаконичный ответ королевский лекарь.

После сообщения врачевателя в зале воцарилось недолгое молчание. Неясность положения опечалила лица короля и королевы. Рыцари переглядывались, словно надеялись найти разъяснения один в глазах другого. Простолюдины щептались. Потом вопрошающие взгляды обратились в сторону заместителя настоятеля. Отец Францис заговорил.

“Суд выслушал свидетельства, но задача его, увы, не стала проще, ибо сказанное здесь не рассеяло окутавший картину преступления туман. Есть приблизительное соответствие во времени между звуком шагов, часом выхода Моралеса из дома и моментом его смерти. Будь мы уверены, что сеньор Стенли оставался в своей комнате до одиннадцати, то его непричастность к убийству была бы очевидной, и мы должны были бы принять утверждение об украденном мече. Но вот беда: мы не знаем наверняка, кому принадлежали услышанные служанкой шаги – негодяю, похитившему меч, или сеньору Стенли! Я склоняюсь к мысли о невиновности подозреваемого, мой оппонент, глава Святой Эрмандады, держится противоположного воззрения. Общим обсуждением наш суд должен найти истину!”

“Почтенный отец Францис! – воскликнул глава Святой Эрмандады, - путь, по которому мы шли, не привел и не приведет нас к бесспорному решению. Вернемся к начальной точке – к признанию обвиняемого в ненависти к убитому и в намерении мести. Весьма вероятно, что дон Фердинанд Моралес, положение которого много выше положения его юного противника, отказал ему в удовлетворении. Тогда, одержимый отчаянием и враждой, не видя иного способа отомстить, сеньор Стенли задумал и осуществил злодейство. Ибо у общего нашего любимца не было других врагов, и кто бы поднял на него руку? Чтобы принять или отвергнуть это предположение, мы должны выслушать свидетельства, касающиеся признания подозреваемого.”

“Быть по сему! – воскликнул король, испытывая нетерпение решить дело поскорее, - у нас есть два свидетельства. И, да видит небо, если они не совпадут хоть на малость, пусть заключенный будет помилован!”

Был приглашен дон Луис Гарсиа. Его появление вызвало удивление многих и прежде всего самого арестованного. Новый свидетель изложил содержание бурной беседы между Моралесом

и Стенли и не забыл упомянуть об угрозах обвиняемого убитому. Удивление Стенли сменилось негодованием и отвращением.

“Негодяй! – гневно выкрикнул Стенли в нарушение процедуры суда, не позволяющей обвиняемому говорить, не будучи спрошенным, - где вы прятались во время разговора и как проникли в дальний угол сада дона Моралеса? То не случайность, а подлый замысел шпионства! С какой целью подслушивали? Теперь судьба моя зависит от злонамеренного свидетеля! Пусть так!”

“Дон Луис Гарсиа! – воскликнул король, - судом не принимаются свидетельства, полученные бесчестным путем! Подслушивание есть бесчестие. Потрудитесь объяснить обстоятельства, приведшие вас в сад дона Моралеса!”

Низко поклонившись королю, Дон Луис смиренно ответил, что лишь любовь к истине руководила им, но, к несчастью, неумелостью рассказа он вызвал сомнение Его Величества в чистоте и благородстве своих целей.

“Дон Феликс, будьте добры, сопроводите к нам последнего свидетеля!” – воскликнул король Фердинанд, не удостоив ответом дона Луиса.

Глава 20

Самозабвенна женщины любовь,
Нежное сердце и тело хрупкое
Мгновенной силою полны!

(Миссис Хеманс)

Коль здесь тебя я вижу,
То мысль о смерти не страшит...

(Миссис Хеманс)

За скользкими речами дон Луис Гарсиа упрятал прямой ответ на вопрос монарха – каким образом он оказался свидетелем яростной ссоры. На его счастье король не стал допытываться, куда не выслушал второе свидетельство. Увертки и непрямота дона Луиса были замечены, и он потерял последних из немногих своих почитателей.

Отказ суда принимать свидетельство на том основании, что личность очевидца не удовлетворяет нравственным канонам, современному читателю покажется лишенным здравого смысла, ибо противоречит прагматической цели правосудия. Однако, в Испании в тот давний романтический век честь и вера имели высший приоритет, и предъявленное королем требование дону Луису не вызвало удивления.

Вошел дон Феликс. С ним – последний свидетель. Женщина. Она приподняла вуаль, чтобы видеть происходящее. Вдох изумления пронесся по залу. Взволнованный Артур Стенли не усидел на месте – казалось, готов был броситься навстречу вошедшей. Зал узнал вдову Фердинанда Моралеса. Щеки впали и бледны, губы бесцветны, во взгляде мука, но на глазах ни слезинки. Несчастье не стерло красоту молодого лица, но скорбь превратила его в мрамор.

“Прошу вас, сеньора, садитесь, - галантно произнес король, удивившись и огорчившись произошедшей за две недели перемене, - мы сожалеем о вынужденном вторжении в болящее

свежее горе. Но мы не имеем права пренебречь вашим свидетельством, ибо от него зависит судьба обвиняемого. Садитесь, сеньора.”

“Силы не оставят меня, почтенный король! – ответила Мари, - и не годится подвластному сидеть в присутствии монарха.”

Король был тронут несчастным видом Мари и вместе с тем польщен ее верноподданным порывом. Он не стал дожидаться, пока заместитель настоятеля изложит свидетельнице суть дела, и взял этот труд на себя. Затем он огласил вопросы, не которые суд ожидает ответа.

“Известно ли сеньоре Мари Энрикес-Моралес о существовании какой-либо причины ненависти обвиняемого к убитому? Произносили ли они оскорбления и угрозы? Видела ли она, что обвиняемый поднимал меч на ее мужа? Подтверждает ли она, что Моралес отказал Стенли в удовлетворении, подтолкнув его тем самым к мести путем убийства?”

Огласив вопросы, король уступил место отцу Францису, дабы тот вступил в свои бесспорные права судьи. Заместитель настоятеля немедленно встал, трепетными руками взял серебряное богато украшенное распятие и торжественно подошел к Мари.

“Дочь моя! – воскликнул святой отец с волнением, которое всякий раз рождалось в сердце его, когда он подносил священный символ веры к очередному свидетелю для приведения к присяге, - клянись говорить правду, всю правду и ничего кроме правды! Клянись воскресением к жизни нашего спасителя Иисуса Христа! Клянись Святым духом и Святой троицей! Дочь моя, клянись, и да будет с тобой благословение или проклятие, как скажешь ты истину или ложь!”

Не формально, но душою и умом произнес отец Францис установленные ритуалом урочные слова. Одна рука его держала Святое распятие, другая – торжественно поднята. Его волнение передавалось публике. Проникновенные интонации вливали в сердца нектар общности, близости, одинаковости, надежности, и сумма сладостных чувств этих составляла восторг – весь мир становился достоянием осчастливленных людей, он был им понятен и ими любим.

Стенли пребывал в крайнем напряжении. Что скажет Мари? Догадки одна другой невероятней затопили его мозг. Не хитрила ли с ним Мари? Если нет, значит, католическая присяга для нее пуста! Свидетельствуя, она может обманывать, не греша! Но ведь уста ее не знали прежде слова лжи! Не долго Стенли блуждал в тупике бесплодных домыслов. Быстрый ответ Мари поразил его и поразил Сеговию.

“Святой отец, - прозвучал твердый голос Мари, - я полна почтения к собранию и сознаю значимость и последствия моих слов. Я не могу помочь правосудию в решении о виновности или безвинности сеньора Стенли. Я вышла из народа, который не имеет права свидетельствовать в суде. Я не могу принять присягу, ибо не принадлежу к вере, от имени которой она произносится. Я – иудейка!”

Потрясены были все – монархи, монахи, Святая Эрмандада, рыцари, горожане, крестьяне. Отец Францис в панике отступил на несколько шагов. Его лицо выражало брезгливость, ноздри раздувались, глаза едва не вылезали из орбит. Он вперил взгляд изумления и унижения в хрупкое существо, решившееся на неслыханную дерзость. Служители истинной веры сгрудились вокруг заместителя настоятеля и готовы были немедленно предать анафеме нечестивицу.

Артур Стенли невероятным усилием разорвал круг блюстителей его неволи и бросился к ногам свидетельницы. “Зачем ты это сделала? – тихо и глухо, чтоб только она слышала, произнес он, - почему не приняла присягу? О, Мари, я не достоин твоего самопожертвования!”

“Ты не достоин? Ты убил? – ужаснулась Мари.”

“О, нет!” – только и успел вымолвить Стенли, как стражи вернули его на место. Короткий сей ответ вернул ей уверенность в Артуре.

Фердинанд, король Арагона, слыл рьяным католиком, но благочестие не охладило его горячего желания спасти Мари. Заметив, что отец Францис, овладевши собой и отряхнувшись от первого смятения, приготовился держать речи гневные и вершить деяния необратимые, монарх опередил его.

“Постойте, почтенный святой отец! – воскликнул Фердинанд, - ужасные слова сеньоры бессмысленны, ибо сказаны в безумии. Горе помутило ее разум! Взгляните, какими глазами она смотрит на заключенного! Нет сомнения – это взгляд помешанной! Дон Феликс, прошу немедленно увести донну Энрикес-Моралес! Ах, как права была моя Изабелла – она остерегала меня от этого жестокого шага... Боюсь, мы погубили несчастную Мари!”

“Призываю Ваше Величество проявить хладнокровие, - возразил королю отец Францис, - святотатственные слова произносились связно и не в бреду сумасшествия. Не позволим ускользнуть богохульнице, откуда не отдаст она долг почтения Святому распятию – символу нашей истинной веры! Не мешайте этому, Ваше Величество, спасите вашу душу от адского огня!”

Все силы духа сожгла Мари в пламени страшного признания. Месть церкви за многолетний обман, преследования суда инквизиции, угроза безопасности тайным единоверцам – обо всем забыла Мари, лишь одна дума стиснула мозг – любой ценой не погубить Артура. Теперь она стояла молча и перебирала запоздавшие мысли о чудовищной величине жертвы. Но слово сказано, и ничего не изменить. А отец Францис нависал напротив с распятием, гневно смотрел ей в лицо и ждал покаяния. Непосилен Мари был накал той минуты. Она разразилась истерическим смехом и упала без чувств.

“Не говорил ли я, что она безумна! – вскричал король, - к чему была эта жестокость? - добавил он, с укором глядя в сторону заместителя настоятеля, - дон Феликс, выполните, наконец, мою просьбу!”

Дон Феликс мягко и нежно взял на руки хрупкое тело и осторожно вынес из зала. Король исподлобья посмотрел на заключенного и увидел полный муки и огня взгляд, которым Стенли провожал Мари. Как и некоторые другие в зале, монарх подумал об истинной причине вражды между Стенли и Моралесом. Поневоле король стал больше доверять свидетельству дона Луиса Гарсиа.

Порядок был восстановлен. Раздасадованный очевидностью своей ошибки, отец Францис устранился от дальнейшего ведения суда и передал полномочия главе Святой Эрмандады. Тот потребовал от заключенного высказаться в свою защиту, но Стенли ничего не добавил к непризнанию вины.

Глава Святой Эрмандады выразил сожаление о несостоявшемся свидетельстве сеньоры Мари Энрикес-Моралес и принес благодарность дону Луису за ценное сообщение суду. Он указал на сложность обстоятельств дела, однако, по его мнению, имелось достаточно оснований признать Артура Стенли виновным в убийстве. Он просил суд провести широкое обсуждение, дабы приговор явился результатом общего решения.

Дебаты отличались продолжительностью и углубленностью. Совокупность фактов, свидетельств и улик позволила большинству священников и вельмож признать сеньора Артура Стенли виновным в убийстве дона Фердинанда Моралеса и вынести преступнику смертный приговор.

Однако, ввиду категорического отрицания заключенным его вины, королева Изабелла устами герцога Мурция просила отсрочить исполнение приговора на один месяц. Это даст время Испании молиться за отыскание либо настоящего преступника, если им не является Стенли, либо за обнаружение бесспорных доказательств невиновности последнего. Заключенный будет переведен из тюремной темницы в башню замка. Если по истечении месячной отсрочки положение не изменится, то на Одинокой улице на месте убийства будет сооружен эшафот, на который возведут Артура Стенли. Его публично лишат знаков рыцарства – сломают остаток его меча и собьют шпоры с сапог. После этого он будет повешен, как простолюдин, совершивший убийство.

Ни один мускул не дрогнул на лице Стенли. Казалось, мысли его далеки от зала суда. Король благодарил почтенное собрание за деятельное участие и помощь. Изабелла удовлетворилась принятием отсрочки исполнения приговора. Святая Эрмандада не сомневалась в том, что никакие увертки не помогут обвиняемому избежать эшафота через месяц. Отец Францис нашел в себе силы сказать напутственное слово приговоренному. На этом суд завершился, и публика разошлась.

После суда возбуждение в Сеговии не утихло, но вошло в новое русло. Люди строили догадки о причине страшного признания Мари и о возможной романтической подоплеке вражды между Моралесом и Стенли. Лишь один человек не гадал, не тревожился, не жалел и не любил. Дон Луис Гарсиа составлял зловещие планы и действовал во исполнение их.

Глава 21

Не действует по принуждению милость;
Как теплый дождь, она спадает с неба
На землю и вдвойне благословенна:
Тем, кто дает и кто берет ее.
И власть ее всего сильнее у тех,
Кто властью обличен. Она приличней
Венчаному монарху, чем корона.

(Уильям Шекспир, “Венецианский купец”, перевод Татьяны Щепкиной-Куперник)

Мир знает годину правления королевы Изабеллы Кастильской, как время глубоких реформ. К добру и к худу деяния великой государыни сообщили новые черты лику Испании и Европы. Но люди реже вспоминают о том, что Изабелла не только властвовала, воевала, решала судьбы народов, подписывала указы, снаряжала заморские экспедиции – но была нежной матерью и верной супругой.

Женское сердце Изабеллы умело сострадать и любить. Немало горестей выпало на ее материнскую долю. Старшая дочь королевы, тоже Изабелла, овдовела в молодости, а, родив дитя, лишь единожды успела взглянуть на него, и отлетела душа роженицы. Прекрасный Хуан, наследник престола и гордость родителей, умер девятнадцати лет от роду вскоре после свадьбы. Корону, богатство, власть – все бы отдала королева за счастье семьи. Чувства государыни – что чувства простого человека, она не возносилась над подданными, была милосердна и жалостлива.

На утро после суда королева пребывала в своих покоях, упиваясь детскими ласками инфанты Изабеллы и совсем еще малыша инфанта Хуана. Вошел король Фердинанд с намерением обсудить вчерашнее громкое дело. Он спросил, не замечала ли Изабелла признаков безумия у Мари. Отрицательный ответ убеждал в том, что признание Мари хоть и было сделано в состоянии крайнего возбуждения, но оно не есть бред сумасшедшей и абсолютно правдиво.

“Кто мог подумать, что жена дона Моралеса иудейка! – взволнованно воскликнул король, - не потому ли он старался скрыть ее? Как сумел усмирить он совесть католика, соединив судьбу с дочерью мерзкого народа? Где нашел он эту писаную красавицу? Хотя сейчас вопросы эти бесполезны. Однако, какова причина ее самоубийственного признания?”

“Причина, несомненно, есть, - задумчиво ответила Изабелла, - она откроется со временем. Удовольствуемся догадками, ибо, пытаясь дойти до сути, мы доставим новые страдания несчастной. Дадим ей время сжиться с горем. Потом святые отцы сумеют отвратить Мари от подлой веры и обратят в веру истинную, и душа ее избегнет мук в аду.”

“Прибегнуть к помощи святых отцов? Начетчики эти только и умеют, что пытаться и отправлять на костер, ведь стать священником может всякий, кто мнит о себе лучше, чем о соседе. Святые отцы обвинят ее в обмане церкви и в оскорблении Бога. Они скажут, что она околдовала Моралеса, и ты знаешь, Изабелла, как церковь наказывает за колдовство!”

“О, нет, Фердинад, я этого не допущу! Я сострадаю ей, я ее люблю, да простится мне эта любовь!”

“Твоя подлинная набожность, которой я свидетель – гарантия прощения. Но дело здесь не просто, и разрешима ли задача? Мари принадлежит к народу-вероотступнику, ненавидящему нас и ненавидимому нами. Народ сей пятнает жизнь христианина своими мерзкими обычаями, обманом, ростовщичеством, мошенничеством, корыстолюбием. Святые отцы торопят меня передать богоотступницу в руки милосердной церкви. Спасти от кар и вместе с тем изменить ее природу под силу лишь тебе, Изабелла!”

“Лишь мне под силу?” – взволнованно повторила королева.

“О, да! Твоя святость, твое религиозное усердие, твоя богобоязненность создали тебе высочайший авторитет у святых отцов, и для них твое слово весомее моего. Держи Мари при себе. Пусть никто, кроме тебя и твоих приближенных не входит к ней. Не допускай к Мари священников, сошлись на временное повреждение ее ума, придумай что-нибудь еще. Не отдавай ее не милость церкви!”

“Как несчастная вдова, как страдалница, как женщина, наконец, Мари получит защиту от своей королевы. Пусть она вероотступница, пусть дочь наихудшего народа, но королевское милосердие ей причитается. Только бы найти средства спасти бедняжку от вечных мук и вовлечь в лоно подлинной веры!”

“Никто, кроме тебя, Изабелла, не годится на роль спасительницы. У тебя есть помощницы. Ты можешь обратиться к доброму отцу Денису – единственному из францисканцев, которому можно доверить беседу с блуждающей во тьме. Только ты сумеешь обойтись мягкими мерами!”

“Да будет так! Пусть только немощ покинет ее тело, и я позабочусь о ее душе. Я верну ей радость жизни!”

Велико было удивление охраны, наблюдавшей, как Изабелла по нескольку раз на дню смело входит в комнаты той, кто назвала себя иудейкой. Ведь существа, относящиеся к мерзкому

этому народу и не люди почти. Не повредит ли королеве такое тесное общение? Она даже призвала лекаря, и сама деятельно участвует в исцелении!

Всерьез растревожились приближенные королевы. Девушки наверняка знали, что проклятая иудейка женила на себе дону Моралеса, используя приемы колдовства – так делают дочери этого гнусного племени. Надо ли лечить богохульницу? Разве положено ей христианское милосердие? Действие окаянной веры опасно, как чумная зараза! Зачем горячо любимая всеми Изабелла ходит по роковой тропе?

Девушки упрашивали королеву остерегаться злого духа иудейства и держаться подальше от беды. Среди радетельниц ее безопасности была и Катарина, самая преданная из окружения Изабеллы. Королева любила ее больше всех приближенных, и потому предубеждения ее были особенно досадны.

Раз, когда Изабелла направлялась к Мари, девушки, не в силах более сдерживать тревогу за судьбу государыни, бросились перед ней на колени и дружно умоляли не входить к иудейке и не оскверняться. Коленопреклоненная Катарина находилась ближе всех к госпоже, она ухватила ее за подол платья и не скрывала слез.

Глаза Изабеллы приобрели холодный стальной цвет, гнев и тяжелый упрек засветились в ее благородных очах. Королева произнесла отповедь, каковой прежде никто и никогда не слышал в ее окружении.

“Женщины ли вы? – негодуя вопрошала королева, испепеляя взглядом верноподданных своих, - неужели оставим мы страдальцу без сочувствия, без помощи, без опоры – и все потому, что ей выпал несчастный жребий родиться иудейкой? Женское сердце – бездна, в глубине которой всегда найдется место жалости. Броня благочестия защитит католические души от осквернения. Разве не долг наш подать руку помощи бедной вдове, дабы выволить ее из темной бездны ложной веры и подарить ей надежду в светлом мире Христа? Встань с колен, Катарина! Неужели угасла в тебе искра женственности? Следуй за мной!”

Изабелла и Катарина остановились на пороге комнаты Мари. Больная была бледна, глаза лишены прежнего блеска, взгляд блуждал, губы дрожали.

“Взгляни на нее, Катарина! – неслышно для Мари произнесла Изабелла, - ведь ты помнишь ее во всем очаровании, красивой, любимой всеми. Сейчас перед тобой разбитое горем жалкое существо. Как постарела она от непосильных испытаний, а ведь лет ей чуть больше чем тебе! Презирай, ненавидь ее веру, и в этом мы с тобой едины. Но она женщина, она слаба и она страдает. Жалость нужна всем, даже дочерям ее народа. Если ты готова видеть только ее иудейство и, как чумы, страшишься осквернения, значит ты не тот человек, за кого мы тебя принимали!”

“О, моя добрая королева, не карайте разочарованием! – взмолилась Катарина, - не отсылайте меня от больной, я готова заботиться, служить, я буду полезна ей и нежна с нею! Только прикажите, Ваше Величество!”

“Вот мое приказание – изгони из сердца ложный страх и безжалостность, побуди его к милосердию. Нет ничего важнее, чем мыслить благородно и судить милостиво. Я знаю, это трудно, и этого пока довольно. Если понадобится помощь, я призову тебя. Ты прощена, Катарина.” Осчастливленная девушка поцеловала протянутую монаршую руку и залилась слезами раскаяния и радости.

С заблуждениями своих приближенных Изабелла справлялась увещаниями и силой личного примера. Куда труднее было противостоять духовному рвению святых отцов. Не заставил себя ждать с визитом заместитель настоятеля. Он потребовал выдать церкви богоотступницу для разбирательства и наказания. Королева ответила твердо, что Мари отдала себя на ее милость, и обязанность трона повелевает Изабелле защищать свою подданную.

Отец Францис не отступал. Он живописал опасности, которым подвергает королева себя и свой двор, давая приют иудейке. Он старался пробудить у Изабеллы отвращение к мерзкой особе, намекнул, что упорство королевы может вызвать неодобрение церкви и даже пробудить подозрения в действии иудейского колдовства, поразившего дух Ее Величества!

Изабелла гордо заявила, что ее репутация преданной католички столь прочна и известна в Испании, да и во всей Европе, что она вполне может разрешить себе опекать иудейку, не возбуждая подозрений церкви в своем перерождении. Святому отцу ничего не оставалось, как согласиться. Тогда он пожелал встретиться с богоотступницей, но и в этом намерении не преуспел – Изабелла отказала ему, сославшись на крайнее нездоровье Мари.

Аскетическая суровость отца Франциса распространялась прежде всего на него самого. В отношении своих ближних он способен был на сочувствие, и, порой, проявлял гуманность. Поэтому проникновенный рассказ королевы о бедственном положении Мари, о ее физических и душевных муках, о прискорбных переменах в ее облике растрогал святого отца, и глаза его увлажнились.

Королева заверила заместителя настоятеля в своем твердом намерении выволить Мари из оков ложных убеждений и наставить на путь истинной христианской веры. Для высокой этой цели она применит все мыслимые мягкие средства, и если они не приведут к успеху, то не остановится перед суровыми мерами. Этот план заслужил горячую похвалу священника. Желая укрепить его уверенность в своей лояльности, королева предложила ему проверить жилище покойного дона Моралеса – нет ли там опасных книг или иной ереси, подлежащей уничтожению.

Отец Францис весьма впечатлился добротой королевы, ее благоразумием и силой убеждения. Он вошел к ней полный суровых намерений, а вышел с размягченным сердцем. Он был удивлен и рад произошедшей в нем перемене. “Священник – всего лишь толкователь прошлого, а женщина – воистине оракул, и будущее говорит ее устами!” – высокопарно размышлял святой отец.

То был успех благородной и возвышенной в мыслях женщины, державшей в руках королевский скипетр Кастильи. Историки единодушны в том, что яркая личность королевы Изабеллы являла изумительное единство твердости характера, государственного ума, аристократического нрава, несравненного милосердия и покоряющей женственности.

Кто уничтожит на полотне истории хоть один мазок, тот уничтожит все полотно. Мрачную тень бросают на образ государыни два указа, ее рукой подписанных – об учреждении Святой инквизиции и об изгнании евреев. Впрочем, питающие к ней склонность копатели прошлого усматривают в этих ее деяниях попытки обуздания религиозной рьяности.

Король Фердинанд вполне уважал церковное правосудие, но бдительно охранял от него свою корону. Поэтому он не хотел участия церкви в деле Мари Энрикес-Моралес, расценивая такое вмешательство, как покушение на свой монарший статус.

Прошло совсем немного времени после суда, как вновь на Сеговию обрушилась новость неожиданная и негаданная. Таинственным образом исчезла Мари.

Глава 22

“Ни стонов ропота глухих
На тяжкий приговор судьбы,
Ни помыслов о чем ином,
Как лишь о мире неземном,
Ни слова, кроме слов мольбы
Да тех невольных кратких слов,
Когда спокойно был готов
Он топора удар принять...”

(Джордж Байрон, “Паризина”, перевод Аполлона Григорьева)

С каждым уходившим днем неумолимо таяло время отсрочки приговора Артуру Стенли. Люди молились за него, искали доказательства его невиновности и не находили, высматривали следы подлинного убийцы и не могли увидеть. Никто не сделал новых открытий, и по-прежнему единственным доводом в пользу ожидавшего казни было его категорическое непризнание вины.

Горячо желали монархи спасти доблестного рыцаря, но любовь к правосудию брала верх над соблазном вмешаться в решение суда. Даже если не принимать во внимание свидетельства дон Луиса Гарсиа, найденная улика – обломок меча Стенли, извлеченный из тела Фердинанда Моралеса – указывала на англичанина, как на убийцу.

Правосудие вершила Святая Эрмандада, и она считалась только с доводами холодного рассудка, а не с чувствами, пристрастиями и рыцарскими заслугами. Как мало значит отрицание вины – ведь им можно прикрыть любое преступление! Король уполномочил этих людей, и непоследовательно было бы оспаривать их вердикт. Судьи единодушно не сомневались в виновности Стенли и согласились на месячную отсрочку казни лишь из почтения к Изабелле.

Фердинанд получал от рыцарей петиции с просьбой о помиловании, которое является прерогативой монарха. Но помилование означает признание преступления, а король желал оправдания. Он мистически верил, что в самый последний момент перед казнью случится чудо, и Артур Стенли будет спасен, как невиновный.

Приговоренный к смерти не имел таких надежд. Он с отвращением думал о гнусном преступлении против благородного Моралеса. Больше собственной судьбы занимала Стенли мысль о том, что злодеяние совершено его оружием. Стенли усматривал в этом небесное возмездие за незаслуженные обиды, нанесенные им великодушному дворянину, командиру, другу, товарищу по оружию. Он корил себя за угрозы, за жажду мести. Он задумал убить, и верный меч его свершил кровавое дело. Голос совести кричал ему, что он и есть убийца, и казнь – справедливый финал.

Стенли не переставал думать о Мари. Почему она сделала страшное признание? Не желала свидетельством погубить его? Принесла себя в жертву ради него? Но ведь не могла же она не сознавать, что не спасет его! Она поступила так, ибо душа ее не мирилась с мельчайшей виной перед ним. Пусть ей не по силам уберечь его, но она не добавит зла! Если верно это, значит по-прежнему жива в ее сердце любовь к нему. О, как он любил ее в последние свои дни! Сильнее, много сильнее, чем прежде!

Честь обязывала Стенли не бояться смерти. Он твердил себе, что казнь заслужена им. Он обращал свои взоры к Богу, искал утешения в раскаянии. Успокоительное снадобье духовных

речей отца Франциса, невещавшего ему, было в помощь ему. Но ужасно ожидание конца в цветущем возрасте. Не в силах юноша принять, как истину, что сладкая жизнь на небе прекраснее полной суровых искусов жизни на земле.

От дона Феликса, дружелюбного своего тюремщика, Стенли с радостью услышал о гуманном отношении Изабеллы к бедной вдове, а также об отрадной перемене. По словам дона Феликса, помрачение разума Мари осталось в прошлом, и ум ее прояснился. Но телесная слабость не отступила, а после признания в иудействе, на душе ее стало тяжелее прежнего, ибо мучительно сознавать себя мишенью всеобщего презрения.

Мари стало известно, что святой отец Францис произвел досмотр в доме Моралесов, не нашел предметов ереси и этим крайне удивлен. Она передала ревнителю чистоты догмата, что теперь ей нечего скрывать, и указала место в доме, где он найдет искомое.

Пойдя по указанному следу, священники обнаружили в изобилии еретические книги и атрибуты ложной веры. Фолианты были преданы огню, не смотря на упоминание Бога на их листах. Серебро подсвечников расплавили и применили для украшения церкви. Нишу, где хранились непотребные предметы, тщательно отмыли от следов скверны и окропили святой водой. Место это заложили камнями и вмуровали в новую стену крест.

Произведенные деяния дали надежду святым отцам на благодатное действие времени, способное изгладить из памяти людей существование богохульного тайника. Надежду церковников разделяли и монархи, ибо они хотели забвения иудейского прошлого Мари ради ее католического будущего.

Стенли узнал от дона Феликса, что обнаружение ереси в доме Фердинанда Моралеса вызвало немалое брожение при дворе и в кругах духовенства. Достоин ли ревностного католика прельститься красотой иудейки и вступить с ней брак, скрывая от своих сюзеренов и от глаза людского ее и ее веру? Отсутствие ответа на этот вопрос беспокоило церковь.

Дон Феликс разъяснил своему подопечному узнику имущественные перспективы донны Мари. Как иудейка, она не может наследовать за мужем его состояние и имение, которые, согласно закону, перейдут к короне. Но если богоотступница примет католичество, то часть богатства будет сохранена за ней.

Дон Феликс столь часто говорил о возможности принятия Мари католической веры, что Стенли невольно стал думать об этом, как о событии не просто вероятном, но, как о деле почти решенном. Терпение и время, и она станет католичкой! И эта мысль вела за собой другую – Мари несомненно любит его! Не может не любить, ведь она жертвовала собой ради этой любви. И она вновь свободна! О, как хотелось жить!

В один из дней дон Феликс явился к Артуру с невероятной новостью. Он взволнованно сообщил о таинственном исчезновении Мари. Монархи гневались и горевали. Фердинанд больше гневался – велик урон престижу самодержца. Изабелла скорее горевала, жалея питомицу и страшась за нее.

Двор был охвачен ужасом. Сеговия вновь бурлила. Не находилась путеводная нить, и следы никто не оставил. Охранники ничего не слышали и не видели, клялись, что никто в ночь исчезновения Мари не проходил мимо. Однако, один из них вспомнил, что ему послышался сдавленный возглас, но он решил, что это ветер шумит, и не поднял тревогу.

“Сдавленный возглас? - задыхаясь от волнения вскричал Стенли, - да это ж верный знак недобровольного исчезновения! Произошло насилие! Клянусь – тут рука церкви!” Дон Феликс был поражен, как глубоко потрясла Стенли весть об исчезновении Мари.

“Отец Францис поклялся мне, что никто из братьев не сделает такого. Ни Святая Эрмандада, ни францисканцы не унижат королевскую власть и не причинят горе королеве. Отец Торквемада, единственный, кто мог дерзнуть, к счастью, давно отсутствует в Сеговии!” – вступился дон Феликс за священников.

“Если не церковники, то кто? Мари не было причины бежать, страшась за свою судьбу, ведь она под защитой благородной Изабеллы!” – настаивал Стенли.

“Уверен я, здесь не обошлось без колдовства! – решительно заявил дон Феликс, - проклятая ее раса искусно владеет этим ремеслом. Судите сами, Артур, окна не открывались, двери не скрипели, неусыпные караульные ничего не слышали. И даже если б выкрали ее, то злоумышленники не преодолели бы бдительно охраняемую внешнюю ограду. Одно остается – применив колдовскую силу, она сменила человеческий облик на некий иной, и исчезла неузнанная!”

Так глубокомысленно рассуждал образованный и умный испанский рыцарь. Так в 15 веке считала вся Европа. И Артур Стенли не удивился этим словам, для него иудейская вера тоже была синонимом колдовства. Но для Мари он делал исключение.

“Что думает королева?” – спросил Стенли.

“Ее Величество полагает, что сдавленный возглас принадлежал Мари, и существует темная сила, которая похитила ее. Королева горюет о Мари и упрекает себя за то, что недостаточно была близка к ней и не уберегла несчастную.”

“Несомненно, темная сила существует. Она убила Моралеса, она задумала погубить Мари, и моя очередь на за горами. Мы – жертвы дьявола из ада, - поддержал Стенли, - но Господь отомстит за нас, кончится власть сатаны, и ангелы небесные восторжествуют! – добавил он, испугавшись собственного фатализма.”

“Ангелы не лишат католиков благорасположения, но проклятая иудейка не должна пробраться с нами на небо!” – торжественно провозгласил дон Феликс. Кровь бросилась в голову Артура – он не мог слышать хулу на возлюбленную. К счастью, благоразумие быстро обуздало гнев, и дон Феликс не успел заметить ярость, мелькнувшую в глазах Стенли.

С этого дня думы заключенного были поглощены судьбой Мари, хотя конца собственной судьбы ему осталось ждать недолго. А Сеговия устала от размышлений о таинственных перипетиях в истории Моралеса. Вновь намечались празднества и рыцарские турниры. Люди хотели позабыть головоломки и рады были вернуться к обыденной череде похожих дней.

Три дня отделяли Стенли от вечности. Отец Францис неутомимо увещевал и ободрял приговоренного к казни, приготавливая его душу к переходу в мир иной. Святой отец стремился довести свои молитвы до сердца смертника и убедить его, что раскаяние в грехе отворит пред ним врата небес. Стенли каялся, но по-прежнему не признавал, что совершил убийство.

Стоя на пороге неминуемого, отрекаясь от земной суеты и веря в благодать небесную, Артур в приливе бурных чувств признался отцу Франциску в любви к Мари и повинился в злонамерении мести Моралесу. Признанием своим Стенли совершенно покорил чувствительное сердце святого отца, и тот обратился к королю с просьбой продлить отсрочку приговора.

Фердинанд, хоть и был душевно тронут сообщением отца Франциса, не считал возможным вмешиваться в ход правосудия. Он не мог нарушить свои обязательства Святой Эрмандаде. Король не изменил день, но перенес час казни – с шести утра на полдень. Он продолжал верить в чудо последнего мига.

Наступило утро рокового дня. Последние мысли Стенли принадлежали Мари. Он поручил ее судьбу отцу Францису – если найдется ее след, если она жива. Стенли просил священника передать ей, что он любил ее до последнего дня, и шел на смерть с мыслью о ней. Придя в возбуждение от наплыва чувств, отец Францис обещал защитить вероотступницу, елико возможно.

Оставался один час земной жизни приговоренного. Появился дон Феликс. Послышались тяжелые шаги охраны. Артур Стенли должен был принять смерть.

Глава 23

“О, времена бессмертные, великие,
Когда ведомые лишь совестью,
Всем сердцем предки поклонялись Богу.
Мудрой простотой отмечены, не отступали
От канона и закона – двух братьев веры.
Ни смерть, ни пытки не поколеблют дух,
Что неразлучен с верою отцов.
Запечатлен их подвиг постоянства
На честных истории страницах.”

(Джеймс Грэхем)

Обернемся назад, дорогой читатель. Молодая вдова Мари Энрикес-Моралес после страшного потрясения, вызванного ее публичным добровольным признанием иудейства, пребывала у Изабеллы под королевской защитой и под монаршим надзором недреманного ока. Мари сознавала свое положение пленницы и, тяготясь им, полагала его меньшим из зол, возможных во враждебной внешней среде.

Она жила страхом наступивших дней и отрадой дней ушедших. Трагедии Артура и ее собственная неотступно будоражили ее мозг. Но когда она вспоминала мужа, великодушнейшего из людей, тепло благодарности заполняло все ее существо. Узнав о Стенли, он не уничтожил в своем сердце любовь к ней, но понял, простил и продолжал любить. Так трудится великодушные: пренебрегая важным, завоевывает главное и создает должников.

Мари заставила себя не молиться за жизнь Стенли, но не могла изгнать из головы мысли о нем. Опять, как до своего признания Фердинанду, она начала бояться своих чувств, и твердила себе вновь и вновь, что факел угас, и нельзя глядеть в прошлое.

К счастью, во мрак болящей души упрямо прорывался целительный луч. Поначалу страдания мешали ему, но с каждым днем луч становился смелее и ярче. Это вера отцов освещала сердце. И не страшилась Мари ни презрения, ни осуждения и не мыслила отречься. Так уж устроены наши понятия – чем подлее в чужих глазах наше кредо, тем дороже оно нам.

А сейчас позволим себе краткий исторический экскурс. Множество евреев проживало в средневековой Испании. Народ этот начал заселять Пиренейский полуостров со времен

римского императора Адриана во II веке нашей эры. По мнению историков, евреи стали первыми колонистами, осваивавшими страну, любившими и почитавшими ее почти как родной Сион.

Влияние католической религии в Испании было, пожалуй, сильнее, чем в любой другой европейской стране. Владевшая мыслями людей церковь успешно внушила своим прихожанам идеи демонической пагубности иудейской веры и нетерпимости к ее адептам. Не будем забывать, однако, что нетерпимость есть продолжение великой праведности. Заметим также, что испанские тираны усматривали в многочисленности евреев повод для усиления гонений против них.

Значительная часть евреев Испании скрывала свою иудейскую веру, и соблюдала видимость принадлежности к католицизму. Этому способствовали королевские указы о принудительном крещении в VII и более поздних веках. Не желавшие принимать веру Христа подвергались пыткам, и имущество их конфисковывалось. Евреям не разрешалось покидать пределы страны, ибо монархи и церковь не хотели лишаться выгод, доставляемых трудолюбивыми и умными подданными.

В нынешнее либеральное время утаивание своих религиозных убеждений считается недостойным двуличием. Но неправильно судить с такой моральной позиции испанских евреев, живших в эпоху средневековья. Соккрытие веры было средством ее спасения от гибели. Евреи тайно оставались иудаистами, но по требованию церкви соблюдали католические обряды. Те немногие, что держались веры отцов открыто, пребывали в жалком состоянии, церковь привела их на грань вымирания, и преемственность веры в этих семьях угасала.

Поэтому внешнее соблюдение христианских обрядов иудеями средневековой Испании нельзя назвать ни грехом перед верой, ни лицемерием перед людьми. Накануне окончательного эдикта 1492 года об изгнании, тайные испанские евреи были солдатами и военачальниками, крестьянами и рыцарями, торговцами и вельможами, монахами и высшими священниками. Критерии настоящего не годятся для оценки прошлого. Ошибкой будет упрек испанским евреям в ханжестве. Формально исповедуя католицизм, они спасали свою веру и свою жизнь, и немалую пользу приносили Испании.

Вернемся к героине нашей повести. Признание на суде было порывом любящего сердца. Мари хотела спасти Стенли. А если не уберезет его от плахи? Пусть так, но ради святости былой любви, разве не важно сберечь чистоту совести – и пылинки не прибавить к тяжкому грузу оговора?

Одержимость не заглушила шепота здравомыслия. Мари тщательно взвешивала каждое слово признания, дабы не посеять в церковных головах зерна сомнения в подлинности католической веры мужа. Важный вельможа, Фердинанд Моралес слыл центром широкого круга друзей, соратников, знатных особ. Среди этих людей было немало тайных иудаистов. Потянуть за одно звено – и вся цепь на виду!

С двух сторон чернели грозowymi тучами небеса над Мари. Она убеждала себя, что не боится злодейств церкви и инквизиции. Чего ждать из вражьего стана, кроме пыток и смерти? Любовь и воспоминания о любви станут утешением. Но из лагеря друзей грозит месть. Как оправдаться перед единоверцев справедливым судом, если случится такой? Остается лишь всем сердцем прилепиться к вере отцов – и нет другой надежды на искупление.

Да, всей душой без остатка принадлежать Богу народа Израиля! Проникнуться, как прежде, верностью покойному отцу, крепко помнить, что его любовь по-прежнему жива и по сей день орошает сад дочернего счастья. И молитвы заполняют пустоту женского сердца.

Мари приписывала причину бедствий необдуманной своей любви к христианину. Она была воспитана в твердом понятии недопустимости брака вне своего народа. Но разве в юном возрасте догмат совладевает с горячим сердцем? Явился прекрасный рыцарь, и греховное чувство затопило душу, взыскав за легкомыслие чудовищную плату.

На заре любви к Артуру не раз жалела себя Мари – почему угодно было року осудить ее на принадлежность к расе, всеми ненавидимой? Не отречься ли от гонимой веры ради лучшего из чувств? Ведь Бог – он Бог любви, и раскаявшегося простит, а хотящего вернуться – примет. Но нет, не перехитрить ни Бога, ни веру, ни отца, ни себя.

А Изабелла тем временем сострадала Мари, но опасалась за свою праведность – как бы сочувствие иудейке не убавило от законного отвращения к мерзкой вере. Королева считала себя мученицей собственного чувствительного сердца, истерзанного жестоким противостоянием благородного милосердия и католического благочестия. Как бы то ни было, не мученичеством прославилась Изабелла. Что касается охранников и слуг, то они старались избегать разговоров с нечестивицей, страшась опасного, хоть и незримого воздействия.

Женское сердце Изабеллы солидарно трепетало в унисон со страдавшим сердцем Мари. Но над королевской добротой возвышались идеи – впитанные, внушенные, несомненные. Покуда иудейка не поверит в Христа, не будет снято с нее проклятие небес. Католическая совесть, ободряемая отцами церкви, подсказывала Изабелле, что необходимо применить твердые меры перевоспитания. Но слишком слаба была Мари, и королева опасалась вреда поспешности.

Минули две-три недели со дня суда. В один из вечеров Мари чувствовала особенную усталость. Она уселась в глубокое кресло и незаметно забылась тяжелым сном. Ей привиделось, как Артур восходит на эшафот. Рядом стоит, улыбаясь, палач с топором. Она бросилась к Стенли, обняла его, плача от радости: они не расстанутся и умрут вместе. Палач, довольный еще одной жертвой, взглянул на обоих дьявольскими очами. Мари узнала – это дон Луи Гарсиа. Вдруг эшафот покачнулся, рядом разверзлась пропасть, а из мрака ее поднялась фигура мужа. Он поднял руку и чужим голосом произнес: “Мари Энрикес-Моралес! Проснись и следуй за мной!”

Слова эти прозвучали столь отчетливо, что впоследствии Мари не могла определить, были они продолжением сна, или она услышала их, очнувшись. Перед ней высилась фигура в черном, капюшон глубоко надвинут, лица не видно. То ли во сне, то ли бодрствуя, она почувствовала, как человек поднял ее с кресла, крепко сжал в сильных руках. Дальше она ничего не помнила.

Глава 24

Изабелла:

О, мало чести в этом заверенье
И много пагубы, двуличья, лжи!
Но берегись! Тебя разоблачу я!
Прощенье брату подпиши. Не то
Во весь мой голос закричу. Узнает
Весь мир, кто ты таков.

Анджело:

А кто тебе поверит, Изабелла?
Я славлюсь строгой жизнью. Ни пятна
На имени моем. Высок я саном.
И обвиненье, клеветой запахнув,

Застрянет в твоём горле и умрет.

(Уильям Шекспир, “Мера за меру”, перевод Осии Сороки)

Мари очнулась после тяжелого сна. Огляделась вокруг. Огромный зал, погруженный в полумрак. На стенах укреплены тусклые факелы, свет их слаб и не рассеивает тьмы большого пространства. По периметру зала различимы входы в малые помещения. В центре выставлены напоказ всевозможные атрибуты пыток – дыба, колесо, тиски, веревки.

Мари поняла, что очутилась в подвалах святой инквизиции. После похищения прошло совсем немного времени, и поэтому ее не могли увезти далеко, значит, застенки эти находятся в Сеговии, скорее всего поблизости от королевских покоев.

Глаза привыкли к темноте. Она различила на фоне каменных стен мрачные фигуры, закутанные в черные плащи. Отвратительные маски закрывали лица, только глаза торжествующе злобно блестели сквозь узкие отверстия в личинах. Изощренные изуверы и беззащитные жертвы! Она увидела пытки и услышала стоны, которые тонули под высокими сводами. Никто и никогда не узнает о муках несчастных, попавших сюда.

Холодеет сердце от вида пыток, кровь стынет в жилах от криков пытаемых. С раннего детства знала Мари о существовании зловещего подземелья. Чудом удалось избежать этого жуткого места ее деду. Но с дедом покойного мужа судьба обошлась жестоко – он сгинул в темнице тайного суда. С двумя этими людьми читатель познакомился в главе 5 нашей повести.

На миг мужество покинуло Мари. Она бросилась к ногам своего провожатого, хотела молить о милосердии. Но уста изменили ей, она не смогла вымолвить ни единого слова, лишь вопль страха и отчаяния донесся до ушей под капюшоном. Вздвогнув, плащ и маска отпрянули назад.

“Несмышленная! – ухмыльнулся провожатый, грубо подняв Мари с колен, - не я здесь командую, старшему инквизитору челом бей! – прибавил он, прекрасно понимая смысл нечленораздельных звуков, вырвавшихся из горла новой узницы.

Бесцеремонно подталкивая Мари, он ввел ее в небольшую комнату, отгороженную от общего зала черным занавесом. За покрытым скатертью столом сидели трое в масках – старший инквизитор и два его помощника. На столе белели листы бумаги. Твердость духа вернулась к Мари. Она пристально смотрела на каждого из мрачной троицы. Ненавидящее око срывает маску.

Лихорадка мысли соединила в одну цепь несколько звеньев – убийство мужа, улики против Стенли, обязанность свидетельствовать на суде, заточение в подвалах инквизиции. Прицельная последовательность событий. Одна и та же злодейская направляющая рука. Прозорливость ненависти не ошиблась – за одной из масок Мари узнала дона Луиса Гарсиа, старшего инквизитора.

Гарсиа почувствовал, что узнал. Ему сделалось досадно, что не успел открыться сам. Хотя, это не так уж важно. Власть у него, не у нее. Кивка головы или жеста довольно – и пытки, одна другой страшней, обрушатся на хрупкую женщину с презрительным взглядом и чистой душой. Он быстро укротит глупую гордость.

Инквизитор приступил к действию, называемому в этой тюрьме судом. Он обвинил Мари в богохульстве, ереси, оскорблении церкви. Затем подал ей лежавший на столе лист с перечнем некоторых высших семейств Испании и потребовал назвать тайно исповедующих иудейскую веру. Имя покойного мужа Мари было в списке. Гарсиа пригрозил, что если Мари не станет

отвечать добровольно, то заговорит под пытками. Он утаил пока, что лучшее из ожидаемых ее зол – костер, без пыток перед сожжением.

Мари отказалась отвечать. Помощники принесли и положили на столе перед ней орудия пыток. Для примера самую легкую из них применили, дабы подсудимая не сомневалась в серьезности намерений инквизиции. Мари вытерпела и по-прежнему отвергала сотрудничество с преступным судом. Тут дон Луис Гарсиа заговорил о милосердии. Он примет во внимание ее возраст и пол и даст ей время подумать и сделать правильный добровольный выбор между признанием и настоящими пытками. Ей предоставят возможность размышлять наедине.

Помощники милосердного инквизитора сопровождали Мари в келью. В этой узкой и высокой комнатухе окон не было. Через щель в потолке проникал скудный свет – то ли отблеск дня, то ли луч лампы в зале над кельей. Мари довольно скоро потеряла представление о времени суток и о времени вообще – прошла неделя, две, три?

Арестантке подавали пищу через отверстие в стене. Рука с глиняной миской появлялась и исчезала. Скудость съестного навела Мари на мысль, что палачи избрали для нее голодную смерть. Силы ее истощались, но дух крепчал, и решимость не сдаваться и идти до конца оставалась незыблемой, ибо мужество питалось не жидкой похлебкой, а горячей молитвой.

Однажды заскрипела и открылась тяжелая дверь кельи, и на пороге показалась фигура в черном плаще. Вошедший поднял капюшон и осветил свое лицо масляной лампой. Мари увидела перед собой дону Луиса Гарсиа. Она выпрямилась, взглянула на него гордо и бесстрашно.

Глаза Гарсиа горели ненавистью и гневом. Велико было желание поскорее расправиться с проклятой гордячкой, нежные ручки которой не раз подносили ему чашу презрения, и он смиренно пил из нее ради восторга будущей мести. И вот, настал час расплаты!

Нечто новое мелькнуло в дьявольском взоре. К ярости прибавилась похоть. Он пожирал глазами хрупкую фигуру, исхудавшее, но прекрасное лицо. Душевная чистота этой женщины мучила его разум и разжигала страсть. Теперь, без свидетелей, Гарсиа предложил Мари другое условие избежания пыток. Ответные слова брезгливости еще больше растравили его злобу и вожделение.

“Голод, одиночество и мрак не помогли тебе? Мне стоит заикнуться, и пытки обрушатся на тебя. Эти муки не выдерживают люди посильнее телом и духом. Поверь моему опыту. К чему напрасная борьба?”

“Я обогащу твой опыт. Я, слабая женщина, приму смерть достойнее других!”

“Смерть? – улыбнулся он редкой улыбкой палача, - наши узники находят в ней спасение, которое нужно заслужить. Упрямство – это слабость под видом силы. Жестоковейшим мы не торопимся даровать смерть – пытаем, пока не добьемся своего. Мы хорошо знаем наше ремесло. А ты еще не пробовала боли!”

“Терзай плоть, но душа моя тебе неподвластна, и мною будет спасена!”

“У иудеев нет души, а значит и спасение – химера! Спасение для нас, а не для вас!”

“Будь это так, я б отказалась вовсе от спасения! Ваша вера – не Божья вера!”

“Оставь пустые увертки. Я пришел за разумным ответом. Эти стены слышали крики и видели муки. Я возьму силой то, что не даешь добром!”

“Ты грязный негодяй! Ты не сделаешь это! Бог остановит тебя!

“Я брошу вызов Богу!” – с сатанинской дерзостью произнес Гарсиа и шагнул навстречу Мари.

“Назад! Еще шаг, и я своими руками убью твою месть, твою похоть и себя! И Бог простит мне!”

Она обернула свои косы вокруг шеи, готовясь задушить себя.

“Глупая! – крикнул он и невольно отступил назад, - тупым упорством ты умножишь пытки. Твоя бравада происходит от неведения. С кем ты тягаешься? Так слушай же! Это я устроил так, что Моралес узнал о твоей лжи. Я отравил ему сладость жизни. По моему плану он был убит. Мною придумана решающая улика. Англичанин обвинен моим стараньем. Это я привел тебя на суд. Своей смекалкой я побудил тебя признаться в иудействе. Тебе довольно? Теперь не сомневаешься, что я погублю Стенли, если откажешься от моей милости?”

“Благородный Стенли отвергнет спасение такой ценой!”

“Возможно, так и было бы, но эти стены только слышат и видят, но не говорят! Кто известит его? Если бы чудом ты выбралась отсюда и огласила мои признания, то тебя, иудейку, казнили бы за клевету на святую инквизицию. Я позабочусь, и Стенли узнает, что ты могла выручить его, но отказалась, и смерть будет ему вдвойне горька.”

“Он не поверит. Ты не знаешь любви, и тебе не дано понять такое!”

“Поверит или не поверит – что мне за забота? Я нанял убийцу Моралеса, а потом своей рукой прикончил наемника. Я знаю, как хитро, не повредя себе, открыть имя исполнителя и избавить Стенли от казни. Жить твоему возлюбленному или умереть – зависит от меня, а, значит, от тебя.”

Дон Луис Гарсиа не дождался ответа. Он искал и не находил на лице своей жертвы знаки слабости.

“Я ухожу. Будешь моей и ответишь на вопросы суда – сохранишь жизнь Стенли и себя избавишь от пыток. Выбирай и быстро. Палачи будут наготове в мой следующий приход.”

“Ты замучаешь тело, но не замараешь душу. Я не стану спасать Стенли, предавая нашу любовь. Придет день, и невинные жертвы восстанут против тебя. Я сделала свой выбор. Уходи!”

Гарсиа молчал. Мари видела, как пена злобы выступила на побелевших губах. Дверь снова скрипнула. Старший инквизитор удалился. Она одна. Ей оставалось утешиться минутным быстротечным торжеством. Она стояла прямо и гордо, но мужество покидало ее. Мари бессильно опустила на холодный пол и разрыдалась.

Глава 25

“Занесен топор над ним,
В полдень должен быть казним.
Добрый конь несется вскачь,
Полон сил, ретив, горяч.
Мчись вперед, мой верный друг,
Отдыхать нам недосуг.

Что о будущем гадать?
Только бы не опоздать!”

(Из рукописей Г. А.)

Очень скоро дон Луис Гарсиа осуществил свои угрозы, и Мари смогла убедиться в нешуточных намерениях инквизиции. Ее вновь доставили в зал правосудия. Ей предложили тот же вопрос, что и прежде – какие из благородных испанских семей тайно исповедуют иудаизм? Мари вновь отказалась отвечать. С этой минуты события не повторяли первый допрос. К Мари применили пытки.

Жестокость инквизиторов называют “зверской”. Навряд ли это справедливо: жестокость есть атрибут людей, а не зверей. Инквизиция желала примирить злодейство с чистой совестью. Мы не станем описывать беспощадность тюремщиков. Читатель может найти достаточно много документальных свидетельств их изуверств. Кое-что выпало на долю Мари – хрупкой, но сильной духом женщины.

Ради прекращения страданий некоторые узники готовы были предавать и оговаривать. Мари держалась стойко. Она не кричала, только тихими стонами утоляла жажду мести дону Луиса. Он нагибался к ней и злорадным шепотом спрашивал, не хочет ли она остановить пытки, начав говорить. Мари не отвечала ему.

Опытные палачи не торопились доводить мучения до крайних форм. Причинив страдание, они освобождали жертву, давали ей время прийти в себя, ибо в противном случае пытаемый терял сознание и уже не чувствовал нарастания боли. Тюремщики волоком доставляли Мари обратно в ее каменную келью – до следующего раза. В эти часы она почти не сознавала себя, не могла даже поднести к пересохшим губам кувшин с водой.

Однажды ночью после истязания обессиленная Мари погрузилась в тяжелый сон, ей привиделось детство, Кедровая долина, мать гладила ее по волосам и говорила что-то ласковое. Голос был как-будто знаком, но принадлежал не матери.

“Любимая Мари, - усыхала она ласковые слова и открыла глаза, - ты забыла меня, дитя?”

Мари увидела мужчину в одежде инквизитора. Нет, это не сон.

“Я хочу увести тебя отсюда, Мари. Дьяволы не придут к тебе этой ночью, старший инквизитор вызван королем. Ты доверяешь мне? Ты согласна идти со мной?”

“Да. Куда угодно. Но я не могу подняться...”

“Этого не требуется, Мари. Держи лампу и освещай путь. Не произноси ни слова, затаи дыхание. Бог твоих отцов не оставит тебя.”

Человек осторожно поднял ее на руки. Надежда спастись от Луиса Гарсиа придала силы измученному телу. Она держала лампу. Она поняла, что они покидают тюрьму. Ее избавитель хорошо знал хитросплетения запутанных переходов и шел уверенно. Иногда останавливался, прислушивался.

Мари ощутила на лице дуновение свежего ночного ветерка – они выбрались из подземелья. Мужчина осторожно уложил Мари на мягкий мох. Каким прекрасным показалось ей это простое ложе после холодного каменного пола кельи! Она ничего не спрашивала, ей трудно

было говорить, но она сознавала, что спасена. Провожатый приготовил целебное питье и поднес чашку к губам Мари.

“Пей, дитя моей святой сестры. Пей, в этом напитке жизнь!”

Мужчина сменил одежду – он больше не был инквизитором. Он откинул капюшон, и Мари разглядела в лунном свете милое лицо дяди Жульена. Она обхватила его за шею, обняла, спрятала голову на его груди. Затрепетало благодарное сердце. Тюремный кошмар остался позади, она свободна!

Жульен смочил прохладной жидкостью ткань и забинтовал поврежденную ногу Мари. Он завернул ее в заранее приготовленный монашеский плащ, и она превратилась в юного послушника. Она выпила еще чашку целебного снотворного напитка и затихла счастливым детским сном.

Жульен Моралес (он впервые был упомянут в главе 5 нашего повествования) в молодости покинул Кедровую долину, поклявшись отомстить инквизиторам за убийство отца. Он никогда не появлялся более в родном гнезде, и родственники оплакали его, как умершего.

Жульен пришел в Сеговию в день суда над Стенли. Он был в обычном монашеском одеянии. Он узнал, что убит его племянник Фердинанд, что обвиняют в преступлении англичанина, и что племянница Мари по непонятной причине открыла свое иудейство. Жульен горевал о потере, но утешением ему служили слухи о добром отношении королевы к Мари.

Жульена Моралеса не удивило похищение Мари. У него не было сомнений в том, чьих рук это дело. Еще много лет назад, когда он задумал мстить церковникам, он пробрался в логово врага и познал его коварный норов.

Если же говорить о мщении, то следует заметить, что деяния Жульена были негласны, как и все, что творила святая инквизиция, членом которой он вынужден был стать. Но, не смотря на таинственность, с большой долей уверенности можно приписать его усердию неразгаданную смерть предшественника дона Луиса Гарсиа. Выходя из подземелий, Жульен облачался в сутану монаха, и никто не мог признать в нем инквизитора и, тем более, благоверного иудея.

Жульен задумал спасти Мари, и задача эта не казалась ему простой. Промедление опасно, ибо пытки грозили причинить ее здоровью необратимый вред, а поспешность могла погубить план освобождения. Жульен был осведомлен о предстоящем отсутствии Гарсиа. Он знал также, что инквизиторы не пытаются свои жертвы ежедневно, дабы муки прежней боли не притупляли новых страданий. Стечение этих двух обстоятельств указало Жульену на подходящий час.

Добровольное признание Мари было загадкой для Жульена – ведь она знала о существовании святой инквизиции. До него дошла молва о ее любви к христианину и о том, что это чувство стало причиной ее жертвенности. Жульен не мог всерьез допустить такое, и слухи посчитал досужей болтовней. Поэтому он опасался, что Мари от горя повредила умом.

Через два дня после выхода из подземелья, когда Мари немного восстановила силы, беглецы продолжили путь. Жульен надел монашескую сутану. Теперь его звали отец Амброуз. Его спутница превратилась в молодого послушника – брат Эрнст. Она восседала на муле, которого для нее раздобыл спаситель. Они шли по направлению к Кедровой долине, ибо это было единственное место, где Мари могла чувствовать себя в безопасности. Первый восторг свободы миновал, и Мари принялась горевать о судьбе Стенли.

Путники вошли в маленькую деревню, спрятанную в горах. Деревенский голова Перез весьма обрадовался их появлению. С глубоким уважением Перез пригласил гостей к себе в дом и, оказав все знаки гостеприимства, сообщил, что под его крышей находится некий тяжело раненый человек. Страдалец умоляет привести к нему священника, желая исповедоваться перед смертью. Он хочет очистить душу от тяжкого греха, а также утверждает, что ему известна крайне важная вещь, которую необходимо срочно передать королю.

Перез рассказал, как возвращавшиеся с пастбища крестьяне услышали стоны на дне глубокого оврага. Они подняли раненого и доставили в деревню. Вероятно, кто-то хотел его убить, и, думая, что тот мертв, бросил в овраг. Перез пытался исцелить его, но, видно, беспощадная судьба приготовилась распорядиться иначе. Деревенский голова видел в отце Аброузе посланца небес: монах исповедует беднягу и решит, следует ли беспокоить короля.

Здоровье Мари тревожило Жульена гораздо больше участи полуживой жертвы покушения. Поэтому он попросил Переза прежде всего устроить на покой утомленного тяжелым переходом юного послушника. Когда это было исполнено, Жульен в сопровождении деревенского головы отправился к раненому.

Охваченная предчувствием, Мари с трепетом ждала возвращения Жульена. Наконец, он появился. “Дитя мое! – воскликнул он, - перст Божий вел нас! Несчастный человек на смертном одре – это...” Взволнованная Мари договорила за него: “Это убийца моего мужа! Я догадалась, услышав рассказ Переза. Мы должны спасти Стенли!”

“Это крайне трудно. Требуется немедленная аудиенция у короля. Мы в шестидесяти милях от Сеговии, и дорога нелегка.”

“О, только бы достало времени, а трудности пути преодолимы!” – горячо воскликнула Мари.

“Казнь назначена на полдень, и времени довольно, но некого послать с известием! Деревенские невежественны и не сумеют толком рассказать королю или главе Святой Эрмандады, что найден убийца Моралеса, и надо остановить казнь и немедленно послать человека сюда в деревню для получения свидетельства от настоящего убийцы. А я не имею права покинуть несчастного – муки совести и тела побудят его к насилию над самим собой!”

“Я поеду! – отчаянно выкрикнула Мари, - и не смотри на меня так, словно я не в своем уме. Стенли не должен умереть!”

“Мари, Мари! Я не рискну твоей безопасностью! Что тебе в этом христианине? Твоя жизнь мне дороже, чем его! Я не отпущу тебя!”

“О, мой второй отец! Мне невыносимо будет жить с мыслью, что я могла избавиться от казни Артура Стенли и не сделала этого!” И, борясь со своими чувствами, Мари открылась Жульену.

“Мари, ты дочь святого народа, полюбила христианина и продолжаешь любить его? Возможно ли такое?”

“Я хочу спасти его, ибо он невинен, - ответила Мари, - и ты ошибаешься в своих опасениях – Стенли никогда не станет для меня чем-то большим, чем он есть сейчас, и я ни в чем не отступлю от веры отцов!” – прибавила она с обидой.

Этот упрек смягчил Жульена. Он примирительно заявил, что если не найдется никакой иной возможности, то он примет замысел Мари. Он старательно выдвигал возражения, а она находчиво изобретала что-нибудь в противовес. Согласились на том, что с восходом солнца

послушник Эрнст в сопровождении Переза отправятся в дорогу. Жульен сообщил деревенскому голове, что юноша не вполне здоров, и требуется беречь его от тягот пути елико возможно. Перез был польщен доверием отца Амброуза. Он привел отличных лошадей для себя и для послушника. Монах благословил посланцев, и они двинулись вперед.

Раз или два путники останавливались, давая отдых лошадям и восстанавливая собственные силы. Мари не чувствовала утомления, ибо была слишком возбуждена своей миссией. Свежий ветер в лицо бодрил ее. Недалеко от Сеговии они заехали на постоялый двор. Хозяин, друг Переза, сменил им лошадей и угостил хлебом и фруктами.

“Вы направляетесь в Сеговию? – спросил владелец постоялого двора.

“Да, дружище, у нас важное поручение от отца Амброуза.” – ответил Перез.

“О, вас ждет великолепное зрелище! Кабы не это проклятое подворье – и я бы поехал!”

“Что происходит в городе?”

“Ну, друг Перез, ты совершенный деревенщина, если не знаешь, что сегодня в полдень в Сеговии состоится казнь молодого английского рыцаря, убившего, как полагают, самого дона Фердинанда Моралеса, мир праху его! Говорят, иностранец очень храбр. Я так люблю смотреть, как смельчаки встречают смерть!”

“Мы несем весть о невиновности англичанина. Нам надо спешить!” – воскликнул Перез, наскоро попрощался с приятелем и вскочил в седло.

“Вперед без промедления!” – вскричал послушник и пришпорил лошадь.

Они мчались во весь опор. От бешеной скачки у Мари закружилась голова. Сердце защемило, вернулась слабость. Она судорожно вцепилась в вожжи, закрыла глаза. Она твердила себе: “Держись, держись!”

Показались башни Сеговии. Цель близка, да лошади выбились из сил. Шкура их покрылась обильным потом, ноздри широко раздувались, пена капала на землю. Они шли шагом.

Вот и Одинокая улица. Для казни сооружен помост. Толпы людей тянулись к нему. Солдаты прокладывали себе дорогу сквозь толпу. Мари увидела фигуры на эшафоте. Вдруг раздался звон. Это колокол кафедрального собора Сеговии возвестил о полуденном часе.

Глава 26

“Слов избавления мчится звук,
Будто копыт лошадиных стук.
Остановись, палач бессердечный!
Замер в испуге мастер заплечный.”

(Сэр Вальтер Скотт, “Рокеби”)

В утро казни Артура Стенли король Фердинанд и королева Изабелла сидели в рабочем кабинете, разглядывали военные карты и обсуждали планы кампаний. По правде говоря, мысли монархов были далеки от дел государственных. Предстоящее событие глубоко печалило их. Бессилие

толкает нас к вере в чудеса, но, казалось, за оставшиеся считанные часы не случится чуда, на которое так надеялся государь.

Фердинанду жаль было терять доблестного вассала. Король не сомневался в непричастности Стенли, но кричали улики виновности, и молчали доказательства чистоты. Изабеллу удручало крушение романтической интриги, что худо само по себе, и вдобавок эта неудача лишала ее католическое рвение важного средства перевоспитания богоотступницы.

Удары колокола на башне кафедрального собора возвестили полдень.

“Это похоронный звон по храброму и честному сердцу! – с горечью воскликнул монарх, - однако, я слышу, требуют короля! За мной, Изабелла! Клянусь, упование на последнюю минуту не обмануло меня!”

“Кто здесь хочет говорить со мной?” - выкрикнул Фердинанд, примчавшись к воротам, - стража, впустить человека!”

“Король Испании! – воскликнул юный послушник, - Артур Стенли не виновен! Прикажи освободить его! Найден настоящий убийца. Он в шестидесяти милях отсюда. Он хочет дать свидетельство, чтобы очистить душу. Он при смерти, и медлить нельзя!”

Единым духом выпалив эти слова, обессиленный гонец смолк и рухнул наземь. Стражники осторожно подняли юношу и уложили на скамью.

“Лети стрелой с моей командой остановить казнь!” – взревел Фердинанд в лицо стоявшего рядом солдата. Тот рьяно кинулся исполнять. Домчавшись до ближайшего соратника, на бегу повторил приказ. Второй бросился вперед и передал третьему. Эстафета достигла эшафота. Дон Феликс схватил палача за руку: “Стой!”

“Почему задержка, дон Феликс? – строго спросил глава Святой Эрмандады, - не слишком ли жестокое милосердие?”

“Слушайте вестового!” – воскликнул дон Феликс.

“Приказ короля – остановить казнь! – прокричал запыхавшийся солдат, - Стенли не виновен! Найден настоящий убийца!”

Ликованием была встречена неожиданная весть. Стенли тоже слышал, но не осознал перемену судьбы. Мысленно он был уже на небесах, лицо бело, как мрамор, мутный взгляд и непослушные уста.

“Поднимайся с колен, Стенли, ты спасен, убийца найден! – воскликнул дон Феликс.

“Это правда, сын мой! – прибавил отец Францис, - греховные твои мысли наказаны, небеса слышали наши молитвы, ты не виновен!”

Разум и чувства вернулись к Артуру Стенли. Восторг переполнял сердце его. В благодарном поцелуе он прильнул к руке святого отца и залился слезами счастья.

Изможденный быстрой скачкой молодой гонец в монашеском одеянии лежал на скамье недвижим и нем, поэтому вести разговор с монархом выпало Перезу. Деревенский голова старался толково отвечать на немудреные вопросы короля. Он добавил к сообщению юноши, что почтенный отец Амброуз исповедовал убийцу, и признание подлинно. Преступник имеет

сообщить важные вещи. Он на пороге смерти, и надо торопиться получить свидетельство. Отец Амброуз вынужденно послал слабого юношу, ибо сам должен был остаться для охраны раскаившегося, дабы тот не наложил на себя руки.

Быстрый в действиях и в мыслях, король немедленно отрядил в деревню посланников во главе с верным доном Алонзо, которому он придал двоих людей из Святой Эрмандады. Такой состав доверенной группы гарантировал короля и правосудие от однобокости доклада.

Изабелла пристально наблюдала за всем происходящим. Она вздрогнула, услышав поспешную речь послушника. Голос показался ей знакомым, и это впечатление возбудило ее бдительность. Королева попросила солдат расступиться, чтобы не мешать доступу свежего воздуха к лежащему на скамье, а сама приблизилась к нему вплотную.

Солдаты с почтением и готовностью дали дорогу своей королеве. Они знали, как предупредительна она, как дороги ей нужды простых воинов. Она заботилась о раненых, успокаивала бойцов перед сражениями, унимала страхи жен, утешала вдов погибших.

Послушнику стало лучше, и он приподнялся на локтях. Капюшон не полностью закрывал лицо. Порой одежда решительно меняет облик, но всегда остается лазейка для пронизательного взора. Острый глаз Изабеллы заметил бледные точеные черты. Красноречив был взгляд юноши в сторону спасенного от казни. Чтобы преждевременным вниманием к гонцу не выдать своей догадки, королева отошла от скамьи и присоединилась к окружению Фердинанда.

Душа Переза ликовала – днем единым он превратился из простого деревенщины в доверенное лицо святого отца. Более того, он был принят монархом, он отвечал на его вопросы, и король благодарил его. Он исполнил поручение, которое спасло жизнь невинному. Перез желал одного – поскорей вернуться в родную деревню и изумить земляков необычайным рассказом об оказанной ему чести. Да и дружку своему, хозяину постоялого двора, он непременно натянет нос!

Фердинанд подозвал к себе послушника и заговорил с ним. “Добрый юноша, - дружелюбно сказал король, - ты оказал большую услугу монархам и стране, сохранив жизнь доблестного рыцаря. Нам известно, что церковь не склонна брать дары за свои благодеяния, однако, мы с Изабеллой были бы счастливы, если бы твой патрон отец Амброуз, которому ты передашь мои слова, согласился бы принять нашу по-королевски щедрую благодарность!”

Послушник Эрнст слабым голосом отвечал королю, что он видит свою задачу выполненной. Отец Амброуз послал его передать весть об обнаружении истинного убийцы дон Моралеса. Человек этот расскажет правосудию о подстрекателе и о своей роли в преступлении. Слова короля о награде будут в точности переданы отцу Амброузу. А сейчас послушник просит королевского разрешения вернуться в деревню вместе с Перезом.

Освобожденный, а, вернее, родившийся во второй раз, счастливый Артур Стенли подошел к послушнику. “Как мне благодарить тебя, юноша? Я никто и ничто для тебя, а ты спас мою честь и вернул мне жизнь! Ради торжества справедливости ты мчался сюда из последних сил! Я твой вечный должник и готов служить тебе – только позови! Дай мне руку твою, я пожму ее в залог моей верности!”

Послушник положил свою руку на ладонь рыцаря и на мгновение поднял глаза. Станный трепет охватил Стенли, когда он ощутил своей широкой кистью касание маленькой руки и перехватил быстрый взгляд. Словно некий таинственный сигнал был передан от сердца к сердцу.

Подошла Изабелла. “Я думаю, - сказала королева, - нам не следует рисковать здоровьем благородного юноши, отправляя его в обратный путь сегодня же. Пусть он побудет у нас несколько дней и восстановит силы. А мы тем временем зададим ему некоторые вопросы, важные для нас и для него. Оправившись от потрясения тяжелого пути и удовлетворив наше любопытство, послушник Эрнст вернется к своему патрону. И мы сумеем отблагодарить обоих. Следуй за мной, юноша!”

Король, отец Францис и глава Святой Эрмандады были удивлены, но не вмешались. Послушнику ничего не оставалось, кроме как последовать за королевой.

Глава 27

“Всё сердце женское вместило:
Надежду, храбрость, верность, силу.
Не оставляй свои мечты,
Крепись – и цель достигнешь ты!”

(Из рукописей Г. А.)

Изабелла и послушник молча проследовали в покои королевы. Она уселась в кресло, дала знак юноше встать напротив. К суровости ее взгляда примешивались сострадание и уважение. Маскарад стал излишен. Мари отбросила капюшон, опустила на колени перед государыней, погрузила лицо в ее платье и жалобно пробормотала:

“Добрая королева, помилосердствуйте!”

“Опять станешь обманывать нас, Мари? – сердито спросила Изабелла, - что мы должны думать о твоём таинственном поведении? Почему ты сбежала от нашей защиты, неуважительно отвергнув предложенную нами милость? Что это за одеяние на тебе? Или маска скрывает другую маску? Говори только правду, не потчуй нас хитростями и недомолвками!”

Физическая слабость и нервное потрясение последних дней лишили несчастную языка. Не словами, но безудержными рыданиями ответила она королеве. Вдобавок Мари трепетала от страха – она, как дитя, нуждалась в жалости в эту минуту, и гнев Изабеллы, на сострадание которой была ее единственная надежда, парализовал ее речь и ум. Бурные слезы страдальницы разжалобили государыню, и глаза ее подернулись влагой.

“Успокойся и говори, - смягчила тон Изабелла, - почему ты сбежала от нас?”

“О, не по своей воле я покинула спасительное заключение! Меня силой увезли в столь страшные места... Воспоминания сжигают мозг... Моя королева, не осуждай меня на возвращение туда! Лучше смерть, любая, только не тот ад!”

“Что говоришь ты, Мари? Боюсь, твое сознание переутомлено. Возможно, мы поспешили с вопросами... Кто осмелится лишить тебя монаршей защиты помимо нашей и твоей доброй воли?”

“Я в здравом уме. Спаси меня от него, могущественная королева! Он снова может выкрасть меня. Он пытал меня из-за моей веры. Он домогался моего тела. Он насмеялся – никто не заступится за иудейку!”

“Кто это – он?”

“Дон Луис Гарсиа!”

“Дон Луис? – пренебрежительно переспросила Изабелла и подумала, что она не ошиблась, предположив умственное расстройство Мари, - он наделен чудесной силой? Мари, ты бредишь!”

“О, нет! Слова мои не бред, произошедшее – не сон, и пытки не померещились мне! Добрейшая из людей, взгляни сюда – на правосудие дона Луиса!”

Мари сняла покров с руки. Изабелла содрогнулась – она увидела искалеченное тело. Прекрасная прежде рука была обожжена, изуродована от запястья до плеча, висела безжизненно.

“Невероятная жестокость, дикое варварство! - с негодованием и жалостью вскричала королева, помогла встать Мари с колен, усадила, ласково погладила по волосам, - соберись с мыслями, дитя мое, расскажи все по порядку. Кто посмел изувечить тебя? Ведь не правосудие это, а профанация нашей гуманной католической веры! И кто решился оскорбить королевскую власть?”

“Дон Луис! Это дон Луис Гарсиа! О, умоляю, спаси меня от него! Смерть – избавление мое, пытки ужасны, но домогательства его невыносимы!”

“Луис Гарсиа? Какое отношение к пыткам он может иметь? Кто он такой? Почему ты боишься его, дитя мое?”

“Кто он такой? Ваше Величество не знает о тайных судах инквизиции в Испании? Владения Вашего Величества – не исключение! Он выкрал меня из королевских покоев! Дон Луис – старший инквизитор. Они выслеживают меня, они снова похитят меня! О, великодушная королева, молю, спаси меня от их ада!”

Изабелла знала о секретных делах инквизиции, прежде терпимых ею. Драма Мари Энрикес-Моралес ворвалась в жизнь королевы и ранила ее с двойной силой. Отзывчивой женской душой она сострадала, и доброе чувство повелевало избавить несчастную от мук. Твердое сердце государыни не мирилось с ущемлением королевского самолюбия и требовало покарать посягнувших на монаршую прерогативу власти.

“Мы спасем тебя, Мари! С этой минуты тебе не грозят пытки, ты в безопасности. Нас оскорбили, но это не повторится! Будь уверена, мы порадеем об этом. Твоя боль стала нашей болью. Мы любим тебя. Возможно, слишком сильно, о, дитя порочной веры, но всё простится за любовь! Мы позаботимся о том, чтобы избавить тебя от ложных убеждений и сделать жизнь твою радостной на земле и на небесах!”

В иную минуту уши Мари услышали бы смысл всех без исключения слов королевы. Но сейчас измученный дух ее впитал лишь уверения в любви и вожделенное обещание уберечь от новых мук. Мари смотрела на свою владычицу с бесконечной благодарностью. Она была убеждена, что только женщина способна на истинное сопереживание. Изабелла ласкала взглядом подопечную и тоже размышляла о превосходстве женского сердца над мужским.

У Мари не было выбора, и она правдиво рассказала Изабелле о перипетиях последних дней. Она надеялась, что любящая королева не причинит вреда отцу Амброузу, тайна которого стала известна Изабелле. Королеву не интересовало место тайного убежища, где Мари собиралась

укрыться от преследований дон Луиса. Сердце государыни наполнилось любовью к несчастной, а также мыслями об исправлении богоотступницы и наказании покусившихся на власть.

“Как же отец Амброуз отправил тебя, измученную, с таким трудным заданием?”

“Я настояла! Мой долг был спасти Артура Стенли!”

“И не откройся твоя тайна, Мари, послушник Эрнст отправился бы назад с Перезом?”

“Да, моя добрая королева!”

Изабелла передала вдову Моралеса на попечение самых надежных людей, впрочем, без лишних объяснений. Польщенные доверием, они молчали, не выдавая любопытным, о ком заботятся. Только Катарине доверилась королева.

Глава 28

“Больно, страшно, жутко
Здравому рассудку
Внимать злодейской речи –
Так душу покалечить
Недолго. Скорей уста запри,
Глазами лучше говори!”

(Из рукописей Г. А.)

Возмущение Изабеллы проив Луиса Гарсиа было велико чрезвычайно. Не меньше гневался Фердинанд. Вместе с тем он испытывал раздражение медлительностью отправленного им посланничества дон Алонзо. Спасенный от казни вестью послушника, Стенли чувствовал себя баловнем судьбы, но ведь слова всегда можно извратить, лишить первоначального смысла! Для подлинного счастья ему недоставало признания настоящего убийцы. Неполнота оправдания томила его.

Наконец, вернулся дон Алонзо. Он просил разрешения короля доставить тяжело раненого в Сеговию, дабы Фердинанд самолично мог слышать драматический рассказ. Монарх одобрил, и с соблюдением необходимых предосторожностей человека привезли к королю.

Воистину, жуткое повествование заставило содрогнуться от праведного гнева сердца слушателей. Стали понятными таинственные исчезновения людей. Под видом правосудия их пытали и казнили. Монархи и вельможи знали, что святая инквизиция и тайные суды существуют в Испании уже не менее ста лет, однако удивлялись размаху ее деяний и успешному утаиванию их.

Страшные открытия тяжелее всех принял заместитель настоятеля монастыря отец Францис. Аскет и фанатичный католик, он безоглядно верил в чистоту и благонамеренность своей религии. Для него нестерпима была мысль, что, прикрываясь благородными идеями веры, негодяи бросили тень на нее, творя незаконные жестокости. Он полагал, что грех сей, хоть и не им свершен, но марает и его самого. Чтоб вывести пятна со своего прежде непорочного имени, и с безукоризненной до сих пор репутации церкви, он стал налагать на себя телесные муки, совершать тяжелые посты и читать добавочные молитвы.

Раненый заговорил. Он произносил слова медленно, слабым голосом, собирая последние силы. Он замолкал, когда язык отказывал ему. Тогда король задавал вопросы, требовавшие простого односложного согласия или отрицания – “да” или “нет”, и человек отвечал движениями век или зрачков глаз.

Умирающий сообщил, что состоял на службе инквизиторов несколько лет. Он был приучен исполнять и не спрашивать – послушное орудие в руках хозяев. Он действовал по плану старшего инквизитора. Он заранее подсыпал усыпляющее средство в бокал сеньора Стенли. Когда тот уснул, он забрался к нему в комнату и выкрал оружие. Он подстергал дона Фердинанда Моралеса на Одинокой улице. Все шло, как задумано. Смертельный удар сзади – и бездыханная жертва рухнула на землю, обломок меча оставлен в ее теле. Теперь ему предстояло на минуту вернуться в комнату спящего, чтобы слышны были обратные шаги – изобличающая Стенли отлучка.

Он плохо знал Сеговию. Темнота и сильная буря помешали ему найти дорогу. Проплутав напрасно, он вновь оказался на месте преступления и увидел, как люди короля нашли дона Моралеса, и здесь же находился сеньор Стенли, которого арестовали и объявили убийцей. Возвращаться в жилище англичанина не было нужды, и он направился к хозяину с победной реляцией.

Адский замысел вызвал негодование, ярость и желание мести в непорочных сердцах слушателей кающегося преступника. А тот продолжал с откровенностью обреченного. Его хозяин был сдержан, не выразил восхищения успехом дела и вскоре увлек его в некое новое предприятие. Они отправились вдвоем.

Недоброе предчувствие легло на его душу, когда в пустынном горном месте хозяин неожиданно остановился. Старший инквизитор сказал, что инструкции его не были исполнены в точности, ибо никто не слышал звука возвращающихся шагов. Поэтому вина Стенли небесспорна, станут подозревать других и могут выйти на его след, тем более, что он не был воздержан на язык и спрашивал у людей, в чем вина дона Моралеса.

Если на него падет подозрение, то его арестуют, размотают весь клубок, и тогда участь старшего инквизитора будет не лучше участи жертв тайных судов. Поэтому, ради святого дела ему необходимо умереть. Прежде ласкавшая рука бьет смертельно – хозяин нанес ему сильнейший удар, и, думая, что убил, сбросил в овраг.

Незадачливый исполнитель чужой воли не умер. Крестьяне спасли его, деревенский голова лечил раненого, и чем ближе казалось исцеление, тем неумейней становилось желание отомстить коварному хозяину. Но начавшаяся лихорадка уничтожила надежду, и только смерть маячила впереди. Последнее, что оставалось – покаяние: очистить душу от греха и отомстить чужими руками. Поэтому столь велико и спешно было его желание сделать признание королю и Святой Эрмандаде.

“Можешь ли ты подтвердить, что тот, кто задумал дьявольский план лишения жизни Моралеса, кто уготовил казнь Стенли, и кто хотел убить тебя – один и тот же человек?” – спросил король.

Теряющий последние силы сделал согласное движение веками.

“Он называл себя старшим инквизитором?” – задал вопрос монарх и получил утвердительный ответ, данный тем же способом.

“Назови его имя! И если истину промолвишь – твоя доля греха будет прощена на небесах!” – взволнованно воскликнул отец Францис.

Страстное желание небесного прощения добавило духу умирающему. Едва слышно он произнес несколько слов. “Его имя Луис Гарсиа. Берегитесь его. Возможно, он посланник Папы...”

“Где он?” – раздался крик сразу нескольких голосов.

Увы, ответа не было. Смерть сковала покаянные уста.

Глава 29

“О, небеса,
Слышна ли вам молитва недостойных,
Священное продавших первородство?
Ужели есть цена бриллианту чистой веры
И чистого бриллианта совести спокойной?”

(Миссис Хеманс)

Признание убийцы Моралеса вызвало переворот в умах, отпечатавшийся на делах. Тайный суд инквизиции признавал верховенство только главы католической церкви. Гражданское правосудие не имело силы против подопечных Папы. Такое положение дел претило королю Фердинанду и королеве Изабелле. Во-первых, что важнее всего, оно унижало власть монархов, а, во-вторых, творимые этими судами преступления бросали тень на моральную чистоту испанского трона. Но были границы мощи государей, и решительного перелома ждать не приходилось.

Отец Францис был подавлен открывшимися ему преступлениями инквизиции. Однако, помятуя, что основа всякой мудрости есть терпение, он просил монархов не предпринимать поспешных мер, но дождаться возвращения Торквемады – многоопытного настоятеля монастыря. Его заместитель заверил государей, что, как духовник Изабеллы, и как восходящая политическая звезда церкви и государства, Торквемада подаст наилучшие советы. С умеренным энтузиазмом просьба отца Франциса была удовлетворена.

В своей инквизиторской ипостаси Луис Гарсиа опекался Папой и был недосыгаем для монаршей расправы. Но, как королевский подданный, он подчинялся правосудию Испании. Перечень его преступлений перед законом государства – замысел покушения на Моралеса, убийство наемного исполнителя, попытка направить суд по ложному пути – был более чем основателен для предания его суду.

Луис Гарсиа предусмотрительно исчез из Сеговии. Монархи объявили огромный приз за его поимку живым. Если он окажет сопротивление, то убитого его ожидала половинная награда. Королевский указ, снабженный описанием внешности преступника, был объявлен в городах и деревнях. Народ возненавидел Луиса Гарсиа, и люди хотели помочь правосудию не только вознаграждения ради, но, увы, простыл след негодяя.

Отец Францис горел желанием очистить святую церковь от скверны. С одобрения монархов он отправился в Рим и добился аудиенции у Папы. С отчаянной смелостью он поведал главе мирового католицизма о преступных деяниях посланца святой инквизиции. Он настоятельно просил, почти требовал, отлучить от церкви Луиса Гарсиа. Однако, Папа Александр VI, самолично вершивший злодеяния, лишь рассмеялся в ответ на просьбу ревнителя чистоты веры. Папа сообщил ходатаю закона, что Луис Гарсиа уже побывал у него, покаялся в грехах,

получил прощение и назначение на высокий церковный пост. Отец Францис вскипел, стал настаивать, доказывать, дерзнул добавить правду к правде, но глас вопиющего не входит в уши нежелающего слышать.

Обескураженный, несолоно хлебавши вернулся отец Францис из Рима в Сеговию. Неуспешность миссии вызвала законное неудовольствие монархов. Страдая от стыда, прилепившегося к чистому облику церкви, он оставил пост заместителя настоятеля монастыря, отказался от привычных почестей, пренебрег просьбами государей не отходить от дел и удалился в келью жесточайшего монашеского аскетизма. Он посвятил себя изучению святых книг, ведя жизнь отшельника среди людей.

Артур Стенли удостоился официального оправдания. В присутствии вельмож и главы Святой Эрмандады король Фердинанд вернул ему рыцарское звание. Герцог Мурция протянул восстановленному в правах почетные золотые шпоры, прежде снятые с него. Изабелла вручила счастливому воину подарок от себя: настоящий меч Толедо – великолепный клинок с украшенной драгоценными камнями рукоятью. “Пусть это оружие в руках английского рыцаря доставит новую славу Испании!” – произнесла напутствие королева.

Радость возрождения не рассеяла тень печали на сердце Стенли. Еще в заключении он узнал от дона Феликса об исчезновении Мари и безошибочно приписал это злодеяние инквизиции. Незадолго до казни он признался отцу Франциску в своей любви к Мари, и, несомненно, священник уведомил королеву. Стенли подумал, что, поскольку Изабелла посвящена в тайну его чувства, она не удивится просьбе о милосердии. Выбрав момент, он подошел к Изабелле, преклонил колено.

“О, моя королева, не дай ей погибнуть, если жива она. Убереги ее от мести Торквемады!”

“Доверь нам ее безопасность, наш юный друг. Все меры приняты!”

Преисполненный чувства благодарности, Стенли поцеловал край одежды своей повелительницы.

Оставшись наедине, Артур принялся разглядывать чудесный подарок Изабеллы. Он вынул клинок из ножен и заметил упавший к его ногам миниатюрный конверт. Он открыл его и увидел на кусочке пергамента ровный почерк королевы.

“Сеньору Артуру Стенли.

Проницательность женщины зорче любви мужчины. Та, которая владеет сердцем сеньора, и которой он обязан жизнью и честью, пребывает в безопасности и под защитой королевы. Надеюсь, этого довольно для душевного спокойствия сеньора. И пусть это послание останется тайной.

Изабелла.”

Восхищенный любовью и участием королевы, Артур прижал к губам драгоценное письмо. Стал перечитывать волнующие строки. “Проницательность женщины зорче любви мужчины”. Он вспомнил краткую беседу с послушником, маленькую руку и быстрый взгляд юноши. “Да ведь это была Мари! – воскликнул Стенли, - королева узнала ее, а я не узнал! Теперь она вновь под защитой Изабеллы, и не случится повторения злодеяния! Вот что сказано в письме!”

Чувства переполняли душу Стенли, он думал о возлюбленной. Мари призналась в своей вере, чтобы не давать свидетельства против него. Разве не жертвенность ее стала косвенной причиной счастливой отсрочки приговора? Иначе он был бы казнен немедленно! И вот снова она выручает его – из последних своих слабых сил доставляет спасительную весть. Да, это

Мари вернула ему честь и жизнь! Ах, как бы хотел он увидеть ее, прижать к сердцу! Благодарность умножает любовь. Нет сомнения, яркостью собственного примера Изабелла сумеет завоевать сердце своей пленницы для истинной религии, и Мари станет католичкой! И она свободна! И они любят друг друга! О, как чудесно грядущее!

Сии живительные мысли пьянили ум Стенли, пока он разглядывал великолепный меч Толедо – дар Изабеллы.

Монархи дождались прибытия в Сеговию Торквемады. В то время он был настоятелем монастыря и духовником Изабеллы. Впереди его ждал славный пост первого великого инквизитора Испании. В анналах европейской истории его деяния будут отмечены политической хитростью, исключительной жестокостью и непримиримостью к иудеям.

Король посвятил Торквемаду в последние события в Сеговии и попросил дать совет, касающийся тайной инквизиции. Священник попросил время на обдумывание серьезного дела и через несколько дней преподнес монархам мнение, которое не оправдало их надежд.

Торквемада, по его словам, был возмущен злоупотреблениями, совершаемыми от имени беспорочной католической церкви, и выразил намерение остановить произвол. Однако, он категорически не одобрил королевский план упразднения суда инквизиции. Красноречиво и убедительно он доказал, что инквизиция и ее суды должны стать важным инструментом государственной и церковной политики в католических странах.

Перемены крутые бедственны, а постепенные – полезны. Инквизицию невозможно ликвидировать, но следует преобразовать из тайной в явную. Тогда око короля, как и око церкви, станет слидить за ее делами и направлять их в русло пользы. Испанские монархи узнают в инквизиции свою помощницу, которая будет укреплять, а не ослаблять власть нынешних и будущих государей. Узаконив, уничтожим беззаконие.

Хитростью Фердинанд, пожалуй, не уступал Торквемаде, но в искусстве убеждения не был столь силен. Оглушенный красноречием церковника, король согласился принять его идеи.

Изабелла оказалась орешком потверже, и переговоры с ней потребовали от духовника немало сил и вдохновения. Как религиозная наставница, королева была озабочена сохранением безупречного реноме католической веры среди своих подданных. Поэтому в обмен на следование советам Торквемады она потребовала гласного осуждения тайных преступлений, а также показательного наказания преступников.

Известно, что не делать никаких уступок – безрассудство, а чрезмерные уступки чреватые бедой, и лишь чутье, коли есть оно, подскажет меру. Компромиссное соглашение о сохранении инквизиции было достигнуто, но голос сердца нашептывал Изабелле, что в скором времени придут несчастья в родную Испанию.

Изабелла поведала духовнику историю Мари Энрикес-Моралес и открыла ему свои гуманные намерения. Торквемада был суров и мало сочувствовал милосердию королевы. Он полагал, что любая альтернатива обращению в христианство абсолютно исключена. Если вдова заупрямится и не захочет добром перейти в истинную веру, то повторение жестких мер инквизиции неизбежно. И только в случае согласия королевы принять это условие, он даст свое благословение ее мягкосердечному плану.

Торквемада обратил внимание Изабеллы на неприемлемость положения, когда важный вельможа и ревностный католик, каковым был покойный Фердинанд Моралес, мир праху его, вступил в

брак с дочерью проклятого народа, да еще и потакал ее безбожию, позволяя держать в своем доме атрибуты мерзкой веры.

А если бы у Моралеса родились дети от вероотступницы, то она безусловно воспитала бы их в духе скрытой ненависти к католичеству, и ее лицемерные выкормыши втерлись бы в испанскую элиту и непременно стали бы наносить ущерб вере, государству и народу. Торквемада назидательно добавил, что основание публичной инквизиции защитит сынов Испании от греховных и вредоносных браков.

Воспитанная горячей католичкой, Изабелла не могла не признать правоту своего духовника. Его доводы казались ей логичны, жизненны, красноречивы. Моральная пагуба иудейства огромна, она отравляет здоровый дух католического королевства. И неизбежна жестокость ради высокой цели.

Изабелла понимала и принимала образ мысли Торквемады. Но разве можно приложить это к Мари? Добрая королева любила ее, жалела, сострадала. Как трудно было согласиться с новыми пытками! К счастью, долг и чистота возобладали над слабостью. Ум Изабеллы перевалил необходимость жестокости, как меры последней. Однако, она всё спрашивала свое сердце: “Верё следуя, я не изменила ей? Права я перед Богом? Слышит Он мой голос?”

Изабелла не подумала о том, что природа одинаково устроила их души – Мари и ее. Королева гнала от себя мысль о крайности. Она слишком надеялась на власть любви, чтобы долго унывать из-за судьбы своей подопечной. Ведь Мари и Стенли так сильно любят друг друга! Несомненно, Мари отбросит заблуждения, отдавшись стихии чувств!

Глава 30

“О, милосердие!
Любовь мою земную, но небес достойную,
Ты сбереги.
Не дай надежде умереть во мне или меня покинуть!”

(Миссис Хеманс)

Печаль утраты, невразумительность суда, удовлетворение одних и разочарование других отменой казни – все эти потрясения утомили чувства горожан. Минуло несколько месяцев, и веселье и радость вернулись в Сеговию. Оживленность отчасти объяснялась приготовлениями к долгожданной войне с маврами.

Труд оружейников и кузнецов был в большом спросе. С соблюдением мер секретности передвигались по всей Испании войска, стягивались в объединенные силы. В Европе наступило время создания регулярных армий взамен феодальных ополчений. Вдохновленные видами на подвиги и славу, съезжались доблестные рыцари, готовые служить монархам, отечеству и католической вере.

Король Фердинанд на время отлучился в свои исконные земли, применив этот маневр, чтобы вернее усыпить бдительность мавров. А те, на счастье, были слишком поглщены внутренней междоусобицей и мало значения придавали войсковым передвижениям христианского недруга. Слепнут люди от вражды со своими.

Участвуя в празднествах, Артур Стенли пользовался успехом, граничащим с любовью. Подозревая в англичанине душегуба, испанцы с готовностью принимали мнимое преступление

за реальное, ибо чего ждать от иностранца? Поняв ошибку, спешили исправить ее с характерной горячностью. Стенли купался в почестях, не было недостатка в знаках уважения, в похвалах, в почетных приглашениях.

Для женской половины королевского двора молодой, неженатый, отважный и безупречно галантный английский рыцарь был объектом особенного интереса. Вполне сознавая сей факт, Стенли избрал похвально сдержанную линию поведения, не поощряющую романтические фантазии юных дев. Впрочем, одна из особ прекрасного пола, уже знакомая читателю Катарина, более других привлекала целомудренное внимание Стенли.

Катарина была допущена к Мари, и королева разрешила своей придворной отвечать на вопросы рыцаря о пленнице. Катарина знала, что интерес Стенли к ней есть не более, чем его интерес к Мари. И все же общение с англичанином волновало ее, и она дала свободу своему сердцу отправиться в плаванье к неизвестным берегам.

За полгода физическое и духовное здоровье вдовы Моралеса в достаточной степени восстановилось, и Изабелла посчитала, что скоро настанет время осуществить план обращения в христианство. Королева не сомневалась в успехе предприятия и потому открыла двору тайну пребывания Мари под ее кровом. Вдова не появлялась на людях, и горечь утраты служила оправданием ее уединения. Никто не знал, как вернулась Мари после своего необъяснимого исчезновения, и никто не догадывался, что послушник и Мари – одно лицо. Было объявлено о возвращении молодого монаха к отцу Амброзу.

Мари много молилась и предавалась воспоминаниям. Одиночество не тяготило, скорее радовало ее. Несли отраду редкие доброжелательные знаки внимания Изабеллы. Утешала мысль о благоденствии Артура, и сладко было сознавать, что это она спасла его. Но вспышки света в ее душе не рассеивали мрака худых предчувствий.

Стенли готовился покинуть Сеговию и совершить марш на юг – там Фердинанд приказал ему закрепиться на важном рубеже для скорого вторжения на территорию мавров. Стенли предстояло дожидаться подхода войск короля, находившегося в Сарагосе.

Королева дважды предумышленно устраивала Стенли случайные встречи с Мари, и сама присутствовала при сем. Завидев возлюбленную, храбрый рыцарь словно лишился языка, яркие признания, которые он тысячекратно повторял наедине с собой, застывали у него на устах. Но волнение в голосе и любовь в глазах говорили красноречивее слов.

Робко высказанному желанию не получить желанного ответа. Мари глядела на Стенли, и трудно было с уверенностью судить, видит ли она его. Лицо ее становилось бледно, взгляд выражал усталость и словно просил покоя. Артур не хотел замечать перемен, его чувства были, как прежде, пылки, а надежды незыблемы. Изабелла рисовала перед ним прекрасную картину будущего, в которое он горячо верил. Он не боялся месяцев и лет, ибо не сомневался в счастье. Стенли покинул Сеговию с умиротворенным сердцем.

Благословив Стенли в поход, королева направилась в Сарагосу к мужу – она хорошо знала, что ее пребывание рядом с супругом накануне войны вселяет уверенность и спокойствие в его доблестное сердце. Она взяла с него слово, что как только в военном лагере на юге, куда он вскоре отправится, и где его дожидается Стенли, будут созданы условия для пребывания женщин, он известит ее, и она последует за ним. Фердинанд охотно исполнил обещание, ибо присутствие Изабеллы поднимало не только его собственный боевой дух, но и прибавляло храбрости рыцарям и простым солдатам. Таковую отнюдь немалозначущую лепту вносила эта женщина в ратный труд мужчин.

Для Мари время скользило мирно и тихо. В Сеговию вернулась Изабелла, и впервые близость доброй королевы не успокоила, но растревожила душу Мари – пробудились задремавшие было предчувствия новых испытаний. И вот, горький день настал. Изабелла повела с Мари решительный разговор и изложила ей свой план, разбив хрупкую безмятежность ее житья.

“Дорогая и любимая наша Мари! Физические и душевные силы вернулись к тебе в той мере, что достаточна для нашей непростой откровенности, - размеренно произнесла королева, - мы не можем бесконечно долго оказывать покровительство иудейке, присутствие которой под королевским кровом беспрецедентно. Наша церковь требует от тебя свершить крутой жизненный поворот. Мы просим обдумать принятие католичества, о святости и чистоте коего станет ежедневно беседовать с тобой добрейший отец Денис. Когда он сообщит нам, что ты отмежевалась от варварского иудейства и окунулась в лоно истинной веры, то, как и прежде, ты будешь купаться в любви при нашем дворе, и наследуешь состояние твоего покойного мужа, мир праху его.”

Мари приготовилась ответить своей благодетельнице, но та остановила ее жестом руки.

“Прошу, Мари, не надо поспешных слов. Мы ничего не просим сейчас, кроме послушания. Пусть сердце твое подготовится к переменам. Остальное довершат наставления отца Дениса. Мы не допускаем мысли, что наша доброта и велико терпение окажутся напрасными, и ты останешься в плену заблуждений. Мы любим тебя такую, какая ты есть, но мы желаем твоего прозрения, и лишь от тебя самой зависит, сколь продолжительным будет твой путь к счастью. Нам известно, что жестоковыйный твой народ отвергает любые доводы, кроме жестокости. Но мы надеемся, что в душе Мари Энрикес-Моралес любовь и благодарность возобладают над упрямством худшего толка, и нам не придется применять тех мер, которых так легко можно избежать!”

Суровость неизбежных слов вколыхнула душу Изабеллы. На глазах ее выступили слезы, и она поспешно удалилась, дабы Мари не заметила слабости государыни.

Глава 31

“За нее я терял, сколько дать ты мне мог,
И про то знает Он, нас карающий Бог,
Моя скорбь и надежда во власти Его,
А в твоей – моя жизнь, что отдам за Него.”

(Джордж Байрон, “Еврейские мелодии”, перевод Н. Минского)

Судьба вела Мари по стезе мучений. Сотни и тысячи лет обитавшие во враждебной среде сыны и дочери ее народа были презираемы и терпели страдания – телесные и духовные, а зачастую обрекались на смерть. О причине сего можно спорить, но факт неопровержим. Что поможет совместить печальную реальность с добротой Всеведущего? Только вера в будущее счастье в лучшем мире, уготованное Им для страдальцев.

Благородная Изабелла предложила выбор любимой ею Мари – стать католичкой, отрекшись от веры отцов, или принять пытки. Казалось, для Мари решение дилеммы очевидно: вступить в веру Христа и блюсти свои убеждения тайно. Разве множество иудеев Испании в ту давнюю пору не держались внешне христианских обрядов, нося в сердце родную религию? Разве сама Мари не принадлежала к этому классу?

Мари, однако, находила решительное отличие нынешнего положения от прошлого. После публичного признания в иудействе, она полагала двойным предательством отказ от учения отцов. Первое, за доброту и заботу она не могла платить неблагодарностью и обманом любимой королеве, столь милосердной к ней. А второе, гласный уход от священного древнего закона означал бы оскорбление его как в глазах иудеев, так и в глазах христиан.

Отец Денис был предан своей вере не менее, чем Мари – своей. Он душевно жалел ее, оглушенную ложными идеями, не знающую подлинной благодати, даруемой лишь пребыванием в лоне христианства. Он терпеливо разъяснял ей, как важно уберечь молодую жизнь от обмана в этом мире, а в мире ином – от ада, которого иудейке не избежать. Но легко проповедовать мораль, да обосновать трудно. Отец Денис неустанно молился за спасение души своей подопечной, он просил Господа дать ей силы и разумение сделать правильный выбор.

Мари искренне старалась понять доводы отца Дениса. Беседы с ним о чистоте и истинности католической религии возвращали ее к раздумьям о вере иудейской. Чем больше она размышляла и сравнивала, тем очевиднее для нее становилась правота ее предков, и обращалась в пар последняя капля сомнений. Возможно, думы, а, скорее, внушенные с младых ногтей понятия, привели Мари к незыблемому решению – она никогда не станет католичкой и не изменит иудейству. Мари сочувствовала прямодушию и рвению отца Дениса, и тем тяжелее ей было разочаровывать его.

Мари хорошо знала Священное Писание на оригинальном языке, на языке ее народа, и это помогало ей в диспутах со старым монахом. После трех месяцев бесплодных усилий, отец Денис признался Изабелле в своей неспособности обратить Мари в истинную веру и смиренно просил королеву уволить его от продолжения миссии.

Сообщение монаха неприятно удивило Изабеллу – не такого доклада ожидала она. “Жестоковейность – последнее прибежище безрассудства!” – с досадой заметила она священнику. Однако, неудача лишь укрепила королеву в намерении обратиться упрямыцу. Изабелла готова была даже на то, что Мари примет католичество для видимости, и уповала на Святой дух, который исправит неудачу ее и отца Дениса и превратит лицемерие в чистосердечие. Кто знает, как поступила бы Мари, кабы знала об уголке оппортунизма в горниле монаршей религиозной ретивости?

Королева освободила священника от дальнейших наставлений иудейке, но поручила ему сообщить Мари, что ей даются еще две недели на размышления о вероучениях и о последствиях неуступчивости.

С тяжелым сердцем Изабелла поведала Торквемаде новости от отца Дениса. Духовник королевы слушал ее с внутренним торжеством правоты. Скривив губы в улыбке и с важностью наморщив лоб, настоятель монастыря заявил, что случившееся отнюдь не удивляет его. Безбожница применила к монаху испытанное средство своего низкого народа – колдовство. Испокон веку так поступают иудеи с теми, кто добром и разумом пытается отвратить их от богопротивной веры.

Из уст духовника слова о колдовстве звучали вполне убедительно для королевы. И все же она добилась согласия Торквемады на двухнедельную отсрочку. Изабелла обещала с содроганием и жалостью, что если и это не поможет, то она отдаст Мари в руки инквизиции. По мнению Торквемады, только пытки и огонь смогут избавить Испанию от страшного зла ядовитой расы.

Изабелла с волнением ждала окончания последнего испытательного срока. Она горячо молилась, чтобы Бог наставил на ум безрассудную, а если не случится сего, то она просит ожесточить ее доброе сердце, дабы смогла она предать очищению огнем меднолобую иудейку.

Отец Денис весьма впечатлился возвышенностью духа и религиозным энтузиазмом своей оппонентки. Человек сильный и ценивший веру больше жизни, он потрясен был тем, как слабая женщина, знавшая о страшных последствиях несговорчивости, тем не менее ни на йоту не отступила от закона предков. По природе незлой, он просил королеву и духовника ее оставить затею с обращением Мари, не предавать ее суду инквизиции, а положиться на молитвы и время, которые вкуче непременно наставят на добрый путь заблудшую душу.

Современный читатель, разумеется, понимает, что просьба великодушного монаха была отторгнута велением времени, говорившим устами сильных мира. Торквемада легко доказал отцу Денису, как до этого он без особого труда убедил Изабеллу, что иудейка просто-напросто ослепила священника колдовством, и последний утратил католическую бдительность.

Отец Денис не мог сомневаться в словах высокопоставленного римского бонзы. Таков был век: кормчие церкви провозглашали истину от имени святой веры. Присвоив себе права небесных судей, они учили на земле людей и народы, что есть добро, и что есть зло. Узурпация скрывалась от народа, на нее надевали личину разумности и вековечности. Прилаты называли божественным полезное им, а опасное для своего главенства – дьявольским.

Порой, личности умнейшие и благороднейшие, монархи в том числе, бессильные освободиться от фанатизма и власти веры, от ее имени творили вещи негуманные и пагубные. Честная история умеет отличать в делах своих распорядителей благодеяния, вершившиеся под водительством разума и доброты, от преступлений, вдохновленных безумием необузданной религии.

Двухнедельная отсрочка не изменила решения Мари не принимать католическую веру и остаться иудейкой. Она сообщила об этом отцу Денису, и тот, горя, передал ее слова Изабелле. Милосердствуя и не желая томить пленницу неизвестностью, королева немедленно вызвала ее к себе. Ужас охватил Мари. Она знала близкое грядущее. Одно мгновение страх торжествовал победу – обнять крест и спастись! Едва держась на ногах, трепеща, Мари явилась пред очи владычицы своей земной судьбы.

Глава 32

“Горем заломлены руки, трогательно слабы.
Нет, ни любви, ни вере не вынести мук борьбы.
Хрупкий, в бурю трепещет женского сердца тростник.
Дрожал, под ветром сломался и головою поник.”

(Миссис Хеманс)

Тяжело облокотившись на спинку громоздкого стула, Мари стояла напротив Изабеллы, всматривалась в ее лицо и пыталось прочесть свою судьбу. Мари казалось, что стук ее сердца оглушительно громкий, она дышала с трудом. Королева долго молчала, обдумывая, с чего начать, затем заговорила.

“Мы вызвали тебя, Мари, - мрачно и сухо произнесла королева, - чтобы из твоих собственных уст выслушать решение, которое донес до нас отец Денис. Нам трудно поверить! Если бы мы не любили и не жалели тебя, жертвуя при этом расположением церкви, если бы мы не надеялись на преодоление тобою тупого упорства богопротивного народа, мы без колебаний отдали бы тебя на суд инквизиции. Мы обескуражены вопиющей неблагодарностью. Не давай нам повода думать, что бесчувственная иудейская раса не родит счастливых исключений. Мари, не вынуждай нас к мерам, чуждым милосердному королевскому сердцу.”

Мари закрыла лицо руками. Слезы были ответом. Они текли меж тонких пальцев. Хрупкая фигура содрогалась от безудержного плача.

“Нет, Мари, не рыдания нам нужны. Мы требуем благодарности и доказательств ответной любви. А это значит – принять католическую веру и порвать с гневящим Господа презренным миром!”

“Презренный мир? Пожалуй, верно, благородная королева, - воскликнула Мари, подавляя всхлипывания, - но мир наш не гневит Господа! Презрение, а вместе с ним людская неприязнь лишь подтверждают нашу избранность! Уверенным в близости к Богу безразлично человеческое небрежение. Мы терпим за грехи предков, но твердых в вере Бог награждает после смерти!”

“Слепое заблуждение! Отвергнув Христа и его девственную мать, народ твой утратил божественное избранничество. Презрение есть кара за упорство в богохульной вере, а после смерти иудея ждет ад, а не награда! Однако, Мари, тебе не довольно диспутов с отцом Денисом? Его уроки не убедили тебя, боюсь, и мои слова не возымеют действия!”

“Да, моя королева, ничьи проповеди меня не поколеблют, и мне остается лишь выслушать жестокий приговор. Я удручена Вашего Величества удрученностью. Я знаю, я кажусь неблагодарной, но поверь, благородная королева, нет в мире существа благодарнее меня! Что делать, ведь вера не платье, которое легко сменить! Смерть моя близка, и твое разочарование добавляет боли. Я люблю тебя, но веру отцов я люблю больше!”

“Откровенность похвальна. Наш духовник требует от нас довести дело обращения до конца. Торквемада не доволен нашим расположением к тебе и полагает причину его в иудейском колдовстве. Ты должна понять, что наш долг преданной католички и королевы католической страны требует очистить государство от ереси. Ты обязана стать христианкой. Сохранение теперешнего положения исключено. Мы твердо намерены избавить Испанию от неверия и тлетворности иудейского духа. Великодушный Торквемада снизошел к нашим добрым чувствам и принял наш план в обход суда инквизиции.”

Изабелла сделала паузу, задумалась. Мари с ужасом смотрела на нее.

“Известно ли тебе, Мари, о существовании монастыря Святой Урсулы? Туда приходят женщины добровольно или по принуждению. Пребывание в нем пожизненно. Существует вход, а выход оттуда – под могильный камень. Место это есть жестокая школа, воспитующая мораль невысказанно суровым аскетизмом и абсолютным смирением. Настоятельница монастыря, женщина безжалостная, отнесется к иудейке пристрастно, и тебе, если попадешь туда, придется сносить любые глумления над телом и душой. Мари, пока не поздно, смягчи свое сердце, не избирай злую судьбу!”

“Я не страшусь зверств настоятельницы, ибо худшей пыткой для меня будет утрата расположения моей королевы. Я останусь в памяти ее неблагодарной и бездушной и никогда более не увижу ее. Вот мое горе!”

“Ах, Мари!” – воскликнула Изабелла, не в силах противостоять столь естественному приливу ответных чувств. Мари пала на колени и покрыла слезами и поцелуями монаршую длань. Сознавая, что проявляет неподобающую официальному моменту слабость, королева, тем не менее, не высвободила руку. “Кажется, я снова жалею ее. Неужели я подвержена действию колдовства иудейки?” - подумала она.

“Мари, как велико наше желание добра, как сердцу нашему невыносимо причинять тебе страданье! У нас с духовником осталось последнее средство спасти тебя, хотя надежды наши почти исчерпаны. Нам нужно обсудить дело с другой стороны.”

Мари смотрела на королеву с тревогой, как человек, который принял роковое решение и тяготится милосердием, возвращающим его к мучительным колебаниям.

“Есть некая особа, которую ты любишь больше нас, не так ли, Мари? Прошу, не возражай! Наше женское сердце распознало секретный смысл красноречивых твоих поступков. Ну что ж, не порицается романтическая тайна! Итак, ты любишь Артура Стенли!”

“Я любила его...”

“А сейчас?”

“Артур – моя первая любовь... Я никогда не делала плохого мужу. Я призналась ему, и он простил и продолжал любить. Он был бесконечно великодушен, и я принадлежала только ему.”

“О, это честно и благородно! Но как случилось, что иудейка отдала руку христианину?”

Мари поняла, что вступила на зыбкую почву. К счастью, она нашлась с ответом.

“Мой отец хотел этого...”

“Твой отец? Но ведь он твой же веры!”

“Он умирал, и некому было защитить его единственное дитя. Фердинанд любил меня, он не презирал и не преследовал нас... Был случай, он оказал отцу большую услугу. Отец хотел отплатить ему добром. Фердинанд обещал беречь меня и не принуждать к перемене веры. По слабости я не призналась сразу, что люблю другого. Когда я стала женой Фердинанда, то старалась забыть Артура и победить любовь к нему.”

“Восхищения достойна беспорочность сердца! – с воодушевлением заметила Изабелла, - однако, метаморфозы судьбы перевернули жизнь твою, Мари... Верный Стенли любит тебя столь искренней и пылкой любовью, какую редко встретишь у мужчин! Надо ли сейчас побеждать любовь?”

“От горячего чувства его неотделима горячая мечта обратить меня!”

“Хоть на минуту отрешись от веры! Взгляни нам в глаза. Ведь непобедима первая любовь! Ты любишь его, Мари! Позволь любви воцариться над прочими страстями души твоей. Скажи “да”, и ты станешь женой Стенли. Одно короткое слово принесет блаженство тебе, ему и нам. Скажи это слово, Мари!”

Речь королевы поразила Мари в самое сердце. Она в отчаянии заломила руки, боль и страдание выражало лицо ее. Досягаемое было невозможным.

“Если бы я могла! Стать женой Артура Стенли, обрести счастье и проститься с невзгодами! Но не дает мне Господь минуты отрешенности от веры. Как стану я целовать крест, оставаясь иудейкой?”

“У Торквемады есть ответ. Ты примешь крещение, и добрая воля твоя найдет милость на небесах. Они помогут душе твоей освободиться от лжеверия. И жена Стенли будет христианкой!”

“Нет, нет, нет! О, моя королева, милосердия ради не соблазняй мой слабый дух, молю тебя!”

“Милосердия ради я пыталась соблазнить его. Да разве это слабый дух?” – подумала Изабелла. Прервав разговор, она погрузилась в размышления. Она задалась вопросом, подобным тому, на который Мари уже ответила себе.

“Иудейка эта всю жизнь являла собою католичку, и в брак вступила католический, и что мешает ей сейчас продолжить морочить всех нас? Обман в обмен на счастье – разве не так жила она и многие другие из ее народа? Должно быть, дьявол переполнил иудейское сердце бесчеловечностью фанатизма!” Эта мысль пригласила другую, и Изабелла вспомнила собственную неподкупную религиозность. Однако, сравнение ей показалось кощунственным. “Запрещать любить – какая варварская вера!” – решила она.

Пока королева размышляла, Мари стояла перед ней коленопреклоненная, спрятав лицо в ладонях. Противоречивые чувства боролись в ней, терзали душу. Скажи “да”, скажи “да” – подсказывало сердце. Но другой, властный и более громкий голос веры отцов трубил непреклонное “нет”.

Мари подняла лицо. Изабелла прочла в мученических чертах тот же ответ, что прозвучал из уст: “Я отвергаю любовь Артура Стенли. Такова воля моего Бога, и Он даст мне силы вынести это. Я готова к унижениям, пыткам, костру. Я не оттолкну свою судьбу!”

Велики были досада и разочарование королевы. Мари отвергла все средства спасения, щедро предложенные ей. Изабелла позвонила в серебряный колокольчик, призывая своего духовника, настоятеля монастыря Торквемаду, дабы передать Мари в его руки, а, вернее, в руки инквизиции.

Случилось так, что священник отсутствовал, и в зал вбежала инфанта Изабелла. Она бросилась к матери, взобралась к ней на колени и ласками растопила сердце королевы. Мари заметила умиление на лице государыни и, повинуясь внезапному порыву, бросилась к ее ногам.

“Благородная королева, пощади, не отдавай меня инквизиторам, не отсылай к жестокой настоятельнице! Отпусти меня в дом моего детства. Там живут только два старых слуги отца. Я клянусь не покидать это тайное место до самой смерти. Твой народ отторг иудейку, а мой народ не простит ей любви к христианину. Я буду жить одна и никому не причиню вреда. Моя королева, только веру оставь мне! Я отказалась от любви Стенли. Неужели такая жертва не насытит аппетита кары? О, юная принцесса! Попроси за меня свою мать!”

Изабелла смотрела на Мари широко раскрытыми глазами. Она не ждала мольбы.

“Мама, дорогая, - пролепетала инфанта Изабелла, сжав маленькой ручкой руку матери, - сделай для бедной Мари, что она просит. Ты говорила мне, что долг королевы быть доброй. Сделай Мари счастливой, мама, она так печальна!”

Королева не в силах была сопротивляться нежной просьбе. Она прижала к сердцу дитя и разразилась слезами.

Глава 33

“Мне гордыня твоя невмочь,
В горле кость мне слава твоя!
Моей жизни цена – ничто,
Месть покуда моя голодна!
Ты умрешь, или вместе умрем!”

(Джоанна Бейли, “Де Монфорт”)

“О, возлюбленная,
Позволь напоследок всмотреться в черты дорогие!
Минуту эту благословлю...”

(Миссис Хеманс)

Король Фердинанд со своей армией покинул Сарагосу и двинулся в южном направлении в Севилью, где и закрепился, создав там командный пункт и предпринимая внезапные вылазки против мавров. Неподалеку расположились отряды Стенли. Военная удача не всегда сопутствовала испанцам. Победы сменялись поражениями, и вновь приходил успех. Уступив маврам в одном из боев, христиане отомстили взятием города Саара-де-ла-Сьерра. Победители вырезали непокорных, а сложивших оружие подчинили жестокому порядку. Однако, не оставаясь в долгу, воинство мавров вскоре предприняло осаду города-крепости.

На стороне Фердинанда сражались и иностранные рыцари. Один из них – итальянец – привлекал общее внимание. Его никогда не видели без амуниции или с открытым забралом шлема. Он редко участвовал в рыцарских турнирах, но если Стенли оказывался среди состязавшихся, то римлянин обязательно присоединялся к соперничеству и непременно избирал себе в противники молодого англичанина. Поначалу это казалось случайностью, но постоянство совпадений навело Артура на мысль, что итальянец не любит Англию и хочет испытать доблесть ее уроженцев.

Прямой нрав удерживал Стенли от поспешных догадок. Однако, враждебность рыцаря с закрытым забралом стала слишком очевидной, и Артур решил потребовать публичных объяснений. Хитрый итальянец почуял неладное и несколько недель избегал Стенли. Простота и незлобивость англичанина охладили его пыл, и он даже стал корить себя за напрасные подозрения.

Рыцари препровождали время в турнирах и в непритворных боях. Как-то раз в одном из сражений Стенли оказался отесненным от товарищей. Чтобы соединиться со своими, он бросился прорубать себе дорогу сквозь тучу конных мавров. Безошибочная рука и добрый конь были в помощь ему. Но вдруг жеребец его встал на дыбы, издал истошный крик страдания и рухнул замертво. На счастье, подоспели испанцы, и маврам стало не до упавшего на землю рыцаря. Стенли вскочил на ноги и увидел, что рана нанесена животному сзади. Он оглянулся – знакомая фигура удалялась стремительно, и преследование не сулило успеха.

Вражеской армии, осадившей захваченный христианами город Саара-де-ла-Сьерра, удалось повернуть русло подземного источника, питавшего водой крепость, и это создало изрядные трудности испанскому гарнизону. Тем временем герцог Медина-Сидония привел подкрепление, рассеившее воинство мавров из-под городских стен. Бурные эти события увели внимание Стенли от козней личного врага. А тот, в свою очередь, после случая с конем благоразумно не попадался ему на глаза.

Главная башня крепости возвышалась на скале – характерная черта архитектуры тех героических веков. Одна из сторон башни прижималась к обрыву. Это абсолютно неприступное место не требовало охраны. Взгляд вниз упирался в острые камни на дне пропасти, и ужас охватывал даже бесстрашные сердца. Из бойниц башни хорошо и далеко просматривалась местность, и защитники крепости могли наблюдать за маневрами противника.

В одну из ночей Артур Стенли возглавлял караульную службу. Приняв доклады часовых и дав необходимые распоряжения, он пристроился на отдых у основания главной башни. Поплотнее завернувшись в плащ, непроницаемый для ночной прохлады, неприхотливый воин улегся на камни и вперил взгляд в небеса. Стенли предался мечтам, и читатель несомненно знает, о ком и о чем грезил влюбленный рыцарь.

Облака плыли по черному небу, то закрывая, то открывая молочно-бледный лик луны. Но казалось, что причудливой формы темные массы недвижимы, а ночное светило скользит мимо и оставляет их позади, и каким-то необъяснимым образом остается на месте. А звезды радовались, посылая лучи на землю, и превращались в яркие точки, когда Стенли глядел на них широко открытыми глазами, а под прищуренным его взглядом расплывались в бледные пятна с кружевными краями.

Утомленное молодое тело не замечало суровости жесткого ложа. Веки медленно смежались, и сладкая полудрема складывала на ночном небосводе фантастические картины из облаков. Вот одно из них разраслось и приняло форму человеческой фигуры. Она сорвалась с небесной тверди и помчалась навстречу Стенли. Она неслась сначала молча, затем исторгла из себя жуткий хохот. Артур очнулся. Над ним нависала тень вполне реального воина в полной амуниции и с обнаженным мечом. Стенли хватило мгновения, чтобы узнать врага и вскочить на ноги.

“Подлец! Ты преследуешь меня!” – в ярости выкрикнул Артур. Он выхватил меч из ножен и приготовился к схватке. Уста итальянца изрыгнули проклятия и злорадный смех. Начался бой. Стенли не хотел лишать врага жизни, ему довольно было ранить его и взглянуть ему в лицо. Противник Артура стремился к убийству. Римлянин мало заботился о защите, он во что бы то ни стало желал нанести смертельный удар, хотя бы ценою собственной гибели.

Артур сражался спокойно и расчетливо. Его недруг горячился. Схватка перемещалась к краю пропасти. Сталь звенела о сталь. Удары сыпались с такой частотой, что, казалось, бьются две дюжины бойцов. На шум сбежались солдаты и наблюдали за единоборством. Итальянец торопил решающий момент. Он размахнулся для последней атаки. Артур успел уклониться, и клинок нападавшего высек огонь из скалы. Стенли изловчился и сильнейшим ударом меча сбил шлем с противника. Кровь запузырилась на рассеченном лбу. Раненый итальянец упал. Солдаты восхищенно приветствовали победу командира.

“Держите его, держите его! Как бы не сбежал! – раздались голоса, - заковать в кандалы! Дьявол помогает негодяю, он может освободить его!”

Стенли крепко прижал к земле поверженного врага и острие меча приставил к горлу его. “Дон Луис Гарсиа! Тебе мало крови и преступлений? – вскричал Стенли, - дьявол в облике человека! Почему преследуешь меня? Что злобу твою родит?”

“Что злобу родит? Я не насытил мести мою! Я замыслил падение твое, а ты вознесся! Я поклялся убить тебя, а ты остаешься жить! Я проиграл – вот корень злобы! Сейчас умру я, но ненависть меня переживет. Она иссушит кости твои, отравит радость, погубит надежду, возьмет силы, выпьет кровь! Мне безразлично, что люди скажут обо мне! Эй, следуйте за мной, кто смеет!”

С этими словами Луис Гарсиа невероятным усилием вырвался из рук победителя, в одно мгновение достиг края пропасти и ринулся головой вниз. Стенли молнией метнулся за беглецом, но не успел остановить самоубийцу.

Артур не придал мистического значения проклятиям Луиса Гарсиа, и ответ того был темен и не открывал причину злобы. “Самоубийца надеется стать хозяином жизни и смерти, а на самом деле только мстит за поражения...” – подумал Стенли.

Несколько солдат тайным кружным путем спустились на дно пропасти. Они были уверены, что Луис Гарсиа в сговоре с дьяволом, который уберег его от гибели. Они надеялись связать его, доставить наверх и свершить суд. Их ждало разочарование. Лишь мертвое изуродованное тело утешило гнев взбешенных людей.

Известие о событии непременно следовало донести до королевских ушей. Стенли отправился в Севилью с докладом. Фердинанд возмутился мерзостью Луиса Гарсиа и вслух посетовал на невозможность законного возмездия, но про себя подумал, что дело завершилось не худшим образом, ибо суд над протеже Папы не принес бы пользу трону.

В письмах Изабелла не раз просила Фердинанда хоть на несколько дней направить к ее двору Артура Стенли – англичанин нужен ей по важным для него делам личного свойства. Сейчас представился случай, и Фердинанд командировал Стенли к королеве в Сарагосу в качестве особого посланника.

В час появления Стенли при дворе Изабеллу окружали министры и вельможи. Обсуждались государственные дела. Прибытие посланца короля внесло оживление. Королева и придворные расспрашивали его о схватке с Луисом Гарсиа. Герой принял поздравления за победу над изменником.

Государыня с неослабевающим вниманием выслушивала донесения из Севильи о ходе боев, задавала меткие вопросы и с полным знанием дела трактовала ответы Стенли. Темы обсуждавшихся перипетий войны исчерпались. Вельможи разошлись. Стенли чувствовал, что королева желает сообщить ему нечто, касающееся только его.

Изабелла рассказала Артуру о последнем своем разговоре с Мари, не утаив и самое печальное – Мари не стала католичкой и не отреклась от веры отцов.

“Я должен был знать эту правду! – воскликнул потрясенный Стенли, - ах, драгоценная моя Мари! Как мечтал я, что ради любви она пожертвует верой! Увы, жизни и блаженству несчастная предпочла фантом! И все же я люблю Мари! О, моя королева! Скажи, что ты не осудила ее на страдания, не предала в руки церкви, не отменила милосердие твое! Я верю, это невозможно!”

“Мы не решились обречь страдальицу на новые мучения – жалость взяла верх. Мы оставили ее в богопротивном неверии. По мнению Торквемады сей шаг ошибочен и грешен. Духовник надеется, что небеса примут наше покаяние. Мы не могли изменить нашу натуру и потому не поступили с Мари жестоко.”

В порыве чувств Стенли упал на колени пред государыней.

“Стенли, как вы уж знаете, Мари молила нас отпустить ее в дом детства. Она поклялась, что проживет в тайном этом месте, не покидая его, до самой своей смерти, которая, думает она, уже близка. Мы уступили мольбам. Отец Денис довел ее в одежде послушника до границы

Кастильи. Мы более ничего не слышали о ней и не знаем, где ее дом. Нам остается надеяться, что размышления в уединении помогут ей освободиться от лжеверия...”

“Навсегда расстаться с возлюбленной? Как нестерпима боль! Добрая королева, позволь мне увидеть Мари в последний раз! Я знаю, где расположена тихая ее обитель. Только увидеть и попрощаться, не более! Клянусь, не сделаю попытки нарушить ваш с ней уговор – он свят для меня, и я подчинюсь ему!”

Почти без колебаний Изабелла согласилась. Чувствительное сердце женщины небезучастно к бедствию потерпевшей крушение любви. Да и надежда теплилась, что появление Стенли перевернет душу фанатички, и воскресшее чувство свершит обращение.

“Мы и отец Денис вкусили горечь неудачи. Попробуй ты, Стенли. Одно ее слово – и она будет твоей. И ты вернешь ее всем нам. Благословляю!”

И полчаса не прошло после разговора с королевой, а Артур Стенли уже сидел в седле и скакал в направлении Кастильи.

Глава 34

“О, любовь, ты сильна, как смерть!
Воспари под небесную твердь.
Мир земной нестерпимо плох,
Лишь на небе твой яростный сполох!”

(Миссис Хеманс)

“Ты сказал, сейчас ты умрешь,
И твой голос смолкнет навек...
Ты меня с собой не берешь?
А до встречи так долгодневен...”

(Миссис Хеманс)

Кедровая долина хранила всегдашнюю красу и по-прежнему служила надежным убежищем для своих пришельцев. Реувен и Рут, старые слуги отца Мари, считали делом чести и гордости поддерживать в образцовом виде дом, синагогу, постройки, природу. Эти двое являлись не единственными жильцами тайной обители, как полагала Мари. Семья их дочери не снесла враждебности христианского мира, и милостью Фердинанда Моралеса была принята на жительство в Кедровой долине.

Вернулся в родной дом и Жульен Моралес. Отомстив за отца, он достиг жизненной цели, и более не желал рядиться в чуждые одеяния и пребывать среди врагов. Судьба племянницы – вот последняя тревога его. Королева разоблачила послушника и оставила Мари у себя. Монаршее покровительство иудейке беспрецедентно и добра не сулит. Ясно было Жульену, что Изабелла задумала обратить Мари, а страх новых пыток и соблазн любви к христианину отторгнут несчастную от веры отцов, и она навсегда порвет со своим народом.

Жульен Моралес вышел из синагоги и направился к могиле племянника Фердинанда. Вечерело. Издалека ему показалось, будто чья-то фигура склонилась над холмиком земли. Он не слишком доверял остроте своих глаз и подумал, что это сумерки рисуют образы на фоне стволов

деревьев. Он подошел ближе, и сердце его забилося часто-часто. Он увидел склонившегося над могилой послушника. Он заглянул пришельцу в лицо и – о, чудо! Жульен узнал племянницу!

Мари рассказала дяде свою историю после расставания в Сеговии. Вопреки ожиданиям королевы, Мари не приняла католичество. Сострадая несчастной, Изабелла не отдала ее на суд инквизиции и отпустила в дом детства, не требуя открыть секрет его нахождения. Отец Денис довел ее, переодетую послушником, до границы Кастильи, и дальше Мари добиралась одна.

Мари шла по ночам, опасаясь встреч с людьми на дорогах в дневное время. Провизией ее щедро снабдил добрый отец Денис, а воду она пила из ручьев. Как на грех, странница простудилась в пути, и силы ее, и без того невеликие, подходили к концу. Только память счастья в родном гнезде ободряла дух, и бессилие отступало.

И вот Мари стоит у могилы мужа. Буря чувств разыгралась в душе. Ах, если бы он жил! Как преданно она любила бы его! И не случилось бы с ней страшные беды, и не скорая смерть, что торопит ее дни, а радость жизни ожидала бы ее сейчас. Она возвращалась мысленно к детству, вспоминала отца и Фердинанда, любивших ее. Мир и спокойствие спустились в истерзанное сердце.

Мари больна и слаба. Молода, но нет упований на земные радости. И все же скорый конец жизни не страшит, а ободряет дух ее. Ведь впереди несомненная награда за муки, вечное небесное блаженство. Ибо она сберегла свою душу от худшего для иудея преступления – от отступничества. Она нашла в себе силы отвергнуть соблазны и смирить страсти. Мари гордо оглядывалась назад, на мучительный путь к подвигу, и с надеждой глядела в светлый лик будущего.

Праздник Суккот, канун субботы. Недалеко от синагоги возведен шалаш. Мари, сколько могла, помогала украшать его гирляндами цветов и разноцветными горками фруктов в корзинах. Слуга Реувен отнес ее на руках в синагогу, где уже находились Жульен и другие обитатели Кедровой долины.

Перед самым закатом Мари устроилась на диване в шалаше. Последние красные лучи солнца пробивались сквозь решето стен и гасили свет зажженных ламп. Черты лица молодой женщины несли на себе некое особое трудноопределимое выражение, которое безошибочно указывало на неизбежность скорого конца. Но большие прекрасные глаза ее не потухли и блестели в унисон взволнованной тихой речи.

“Так много горя пришлось претерпеть тебе, Мари! По заслугам ли страдала ты?” – спросил Жульен.

“У меня есть ответ, мой дорогой дядя! Любовь, эту колыбель добра, я обратила в виновницу зла. Посему, как Иов, я не ропщу на несправедливость принятых мук. Я благословляю каждое из выпавших мне страданий. Я благодарю доброго Бога за щедрость ниспосланных искусов. Господь испытывал меня, и я счастлива, что Он дал мне силы не обмануть Его надежд. Я заслужила награду в лучшем мире. Кончина не горька и не страшна мне. Вот золотой венец жизни!”

Жульен дивился и радовался ее убежденности в обретении счастья за порогом земного бытия.

“Но не растаяло в сердце моем последнее облако печали, - продолжила Мари, - ведь Артур полагает меня худшей обманщицей, чем на самом деле я была. Ибо я не открыла ему тайну... Дядя, чьи это шаги?”

“Тебе почудилось, дитя мое!”

“Но я слышу! Боже, милостивый, Ты услышал мои молитвы! Это его шаги!”

В седующее мгновение на пороге шалаша возникла фигура Артура Стенли.

“О, Мари!” – только и мог воскликнуть охваченный трепетом рыцарь. Он опустился на колени, погрузил лицо в ее руки и не удержал слез.

Внезапное появление Стенли показалось Мари истинным чудом, и умиротворяющая мысль о несомненной благосклонности Господа затопила сознание ее. Она долго лежала молча. Пережитое волнение взимало мзду последними остатками сил. Артур с болью глядел в лицо возлюбленной. Тень близкой смерти была слишком очевидна. Горе жгло его сердце раскаленными клещами. Стенли мчался в Кедровую долину, твердя себе, что перед расставанием навек он должен увидеть Мари в последний раз, но иной смысл придавал он этим словам. Артур ждал, когда она заговорит.

“Дядя Жульен, пожми руку тому, кто горячо любил твою Мари, - едва слышно произнесла она, - и ты, Артур, снизойди, ведь если бы не он, я погибла бы и не спасла тебя от смерти и позора...”

Двое мужчин скрепили рукопожатием уважение друг к другу.

“Приподними меня немного, Артур. Дядя Жульен, отодвинь эту ветвь от окна – вечерняя прохлада так приятна! Я хочу сказать кое-что. Будешь ли вспоминать меня, Артур?”

“Вспоминать? О, Мари, Я буду помнить о тебе всегда! Я думал, нет тяжелее страдания, чем разлучаться с тобою на земле, но что может сравниться с мукой провожать любимую в бесконечность смерти?”

“То не мука, а счастье, Артур. Мы встретимся не небесах и будем любить Бога и любить друг друга. Меж нами не встанут земные барьеры веры. Народы наши, твой и мой, упрямо непримимы себе во зло. Но таковы люди, пока ходят по земле. Когда ты встанешь перед вечностью, то почувствуешь то же, что чувствую я сейчас.”

“Воистину блаженство ждет нас, если верно это!”

“Артур, я причинила зло тебе. Я позволила полюбить себя, умолчав о вере своей. Сейчас, на смертном одре, я открою тебе тайну, которую ты унесешь с собой в могилу. В твоих глазах я обелю обманщицу, и из сердца ее изгоню последнюю печаль. Слушай меня. Я никогда бы не соединила судьбу свою с христианином. Фердинанд Моралес был сыном народа Израиля, как и я сама!”

“Небеса благословят тебя за эти слова, драгоценная моя Мари!” – воскликнул Стенли. Он горячо сжал ее руку, поцеловал в лоб. Жульен протянул умирающей целебный напиток. Она глотнула раз-другой, затихла.

“Я открылась пред тобой. Мне легче дышится. Артур, ты не должен слишком долго оплакивать потерю, победи горе и не губи своего будущего. Не считай долгом памяти никого не любить после меня. При дворе Изабеллы ты найдешь влюбленную в тебя девицу. Она твоей веры, но ко мне, иудейке, относилась сердечно и страдала моими муками. Полюби ее и женись на ней. Если это будет ради меня, то скоро станет ради нее и тебя.”

Семена благородных речей Мари взойдут в душе Артура. Нестерпимо тяжело слышать такие слова, но со временем возвращение к ним причиняет все меньшую боль.

“Артур, передай Изабелле, что и в последние свои минуты я с благодарностью вспоминала ее. Вера ее осуждала мою, но сама она любила меня. В этом мы равны...”

Мари хотела еще многое сказать о своей любви к королеве, но силы в последний раз покинули ее. Она смолкла. Стенли глядел в ее мраморно-белое застывшее лицо. Небесный покой его черт словно говорил: “Мне хорошо, мой дух у Бога.”

Жульен первым осознал смысл свершившегося. Он осторожно взял Стенли за локоть, и оба вышли из шалаша.

Иудейский отшельник Жульен Моралес и христианский воин Артур Стенли стояли коленопреклоненные по разные стороны свежей могилы, скрывавшей ту, которая обоим была дорога. В первых лучах нараждающегося дня бледнели луна и звезды. Все кончено. Мужчины встали с колен, молча направились к воротам Кедровой долины. Старый иудей и молодой христианин обнялись. Один произнес прощальное благословение на древнем языке, другой, благодарно выслушав, растворился в сумраке рассвета.

Глава 35

“Пожалуй, кончим мы роман,
Чтоб продолжения туман
Не стал читателю докукой
И не допек зеленой скукой.”

(Сэр Вальтер Скотт, “Мармион”)

Добрая старая Англия. Лондон, Вестминстерское аббатство. Ласковое августовское солнце заглядывает в огна величественного строения. Сочетаются браком молодой наследник английского престола принц Уэльский и юная инфанта Арагоны, дочь королевы Изабеллы. Обоим не минуло еще и восемнадцати лет, оба красивы чудной красотой зари жизни. Радость прекрасных минут настоящего заполняла сердца молодых, и не могли знать они о бедствиях будущего.

Среди гостей – высших вельмож и церковных кормчих – привлекал всеобщее внимание один из сопровождавших инфанту испанских рыцарей. Его волосы были подернуты сединой, а суровость черт лица говорила о пройденном им нелегком боевом пути.

Трудно объяснить причину, по которой этот человек не казался испанцем. Что-то неуловимое в облике намекало на его английское происхождение. Он и его жена испанка почти неотлучно находились возле инфанты. Лондонским вельможам нетерпелось узнать побольше о таинственном госте. Любопытство – та же суетность: поскорее выведать, чтобы похвалиться этим. Лорд Сизлс, добрый знакомый седовласого испанца-агличанина, сражался в армии Фердинанда в войну против мавров. Сейчас он оказался в центре кружка пытливых особ.

“Перипетии его английской юности банально жестоки, а жизнь в Испании полна героизма и романтики, - начал лорд Сизлс, - его отец и братья пали в бою на стороне королевы Маргарет, война Роз вынудила его к добровольному изгнанию. Ласково и с почтением приняли юного рыцаря испанские монархи Фердинанд и Изабелла. Он был предан им и отважно сражался во славу новой родины. Когда я прибыл в Испанию, я с радостью признал земляка. Я восхитился

его необычайной храбростью и презрением к смерти. Позднее мне стали известны кое-какие обстоятельства его жизни.”

“Посвятите и нас, сэра, в эти события!” – раздался хор дружных голосов.

“Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается!” – добродушно подумал лорд. Вслух, однако, сказал: “Увы, господа, я не имею полномочий. Могу лишь добавить, что он горячо любил, но любовь его окончилась несчастьем...”

“Но он женат, и брак его с донной Катариной безусловно счастливый, а верность и любовь их притча во языцех! Возможно ли, что прежде была несчастная любовь?” – с сомнением вопрошал самый молодой из любопытствующих.

“Мой юный друг, - ответил лорд Сиэлс, - повзрослев, ты узнаешь, как мерил души меняются, но остаются благородными. Та, которую он без памяти любил и потерял, молила его на смертном одре не посвящать жизнь пестованию горя, но полюбить вновь. Годы притупили боль потери, и он внял мудрым словам ушедшей возлюбленной. Он женился, будучи любим больше, чем любил сам. Так было, но едва ли так сейчас. Вот и все, господа, что я вправе сказать об этом человеке. Я предпочту направить нашу беседу в другое русло. Как посвятивший полжизни Испании, я до сих пор размышляю над событием, последовавшим за победой над маврами.”

“О чем вы, сэра?”

“Я имею в виду изгнание иудеев.”

“Кстати, что стало причиной эдикта? – спросил интересовавшийся политикой вельможа, - замысел избавиться от безбожников хорош, но в Испании иудеи были полезны трону успешной коммерцией. Разумно ли решение монархов?”

“Здесь дело непростое, - ответил лорд Сиэлс, - утилитарные интересы королевства, возможно, пострадали. Но Торквемада настаивал на изгнании из соображений высших, то есть религиозных. Говорят, Изабелла не согласилась бы на причинение мук тысячам своих подданных, но инквизитор уверял государыню, что милосердие Ее Величества возбуждено колдовством проклятых иудеев, под влияние которых она, к несчастью, попала. Он взывал к совести католички и королевы католической страны. Скрепя сердце, она приняла упреки и обещала не вмешиваться в искоренение безверия. Пользуясь королевским словом, он добился принятия эдикта.”

“А наш испанский соплеменник, о судьбе которого мы любопытствовали, имел отношение к этим событиям?” – поинтересовался один из рыцарей, окружавших лорда.

“Рискуя доверием короля Фердинанда, он противился сему закону. Поняв, что изгнания не миновать, он в меру сил облегчал участь страстотерпцев.”

“Что может означать такое попечительство? – прозвучал бдительный голос, - он сам склонен к безверию?”

“О, нет! Он католик рьяный не менее, чем сама Изабелла. Иначе королева не отдала бы ему в жены свою любимую придворную девицу Катарину, и тем паче не поручила бы заботу об инфанте!”

“Нельзя ли подробнее, сэра?”

“В пределах возможного, господа! Его преданность испанской королеве нерушима и, поверьте, неслучайна. Он поклялся вернуться на родину лишь тогда, когда Изабелла сочтет его пребывание в Англии более важным для себя. И день настал. Государыня просила его сопровождать инфанту, оставаться вблизи нее и верно служить дочери, как он верно служил матери. С радостью приняв почетную миссию, он восстановил свой титул и теперь будет с нами.”

“Сэр, назовите его имя!” – выкрикнул нетерпеливый голос.

“Артур Стенли – граф Дерби!”

Обложка: Картина испанского художника Хосе Круса Эрреры (1890 – 1972)